

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

А.В. Иванчин

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА
В МЕХАНИЗМЕ УГОЛОВНОГО
ПРАВОВОРЧЕСТВА**

Учебное пособие

*Рекомендовано
Научно-методическим советом университета
для студентов, обучающихся по специальности Юриспруденция*

Ярославль 2009

УДК 343.11
ББК Х628.10я73
И 23

*Рекомендовано
Редакционно-издательским советом университета
в качестве учебного издания. План 2009 года*

Рецензенты:

кафедра уголовного права Уральской государственной юридической академии; Н.А. Лопашенко, д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной академии права, директор Саратовского Центра по исследованию проблем организованной преступности и коррупции

Иванчин, А.В. Законодательная техника в механизме уголовного правотворчества: учеб. пособие / А.В. Иванчин; Яросл. гос. ун-т. – Ярославль: ЯрГУ, 2009. – 188 с.
ISBN 978-5-8397-0652-1

В пособии рассматриваются базовые вопросы учения о законодательной технике (ее понятие, структура, взаимосвязь со смежными категориями, место в механизме уголовного правотворчества), а также анализируются отдельные ее компоненты, в частности, уголовно-правовые конструкции, языковые средства, методики структуризации уголовного закона и размещения уголовно-правового материала.

Рекомендуется студентам, обучающимся по специальности 030501 Юриспруденция (дисциплины "Юридическая техника", "Уголовное право" (блок ОПД)), очной, очно-заочной форм обучения, магистрам, а также всем тем, кто интересуется проблемами уголовного правотворчества и вопросами совершенствования уголовного законодательства.

Данное пособие написано с использованием справочной правовой системы «КонсультантПлюс». Уголовный кодекс РФ и иные нормативные акты приводятся по состоянию на 01 марта 2009 г.

ISBN 978-5-8397-0652-1

УДК 343.11
ББК Х628.10я73
© Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2009

Введение

Написано это пособие на заумную, как скажут некоторые юристы, тему. Для них действующий уголовный закон – нечто незыблемое, данность, с которой нужно работать. Это, разумеется, так, поскольку закон, независимо от его качества, подлежит применению «здесь и сейчас». Поэтому совершенно обоснованно «львиная» доля уголовно-правовых исследований в настоящее время посвящена вопросам реализации уголовного закона, тех или иных его положений.

В то же время негативные явления, которые присущи современному уголовному законотворчеству, во многом обусловлены недооценкой научных основ этого процесса. Динамика же данного вида правотворчества впечатляет. С момента принятия Уголовного кодекса Российской Федерации¹ в 1996 г. и по сей день принято более шестидесяти федеральных законов, внесших в него изменения и дополнения. Счет же общего количества поправок давно идет на сотни. Даже поверхностный анализ указанных законов, равно как и самого Кодекса, показывает, что отечественное уголовное законодательство еще далеко от совершенства. Противоречивость, бессистемность, неполнота и иные дефекты уголовно-правового регулирования стали «визитной карточкой» современного правотворца. Увидев первый комментарий к своему Кодексу, Наполеон, как известно, воскликнул: «Пропал мой Кодекс!». Думается, у разработчиков нынешнего УК есть не меньше оснований для такой реакции на вносимые в него изменения и дополнения. Ни одно из них внесло элемент рассогласованности в предписания уголовного закона. Впрочем, и сам Кодекс в первоначальной своей редакции был далек от эталона.

Выход из сложившейся ситуации видится, прежде всего, в разработке основ уголовного правотворчества – различных его компонентов, форм и методов, в том числе законодательной техники. Последней принадлежит весьма заметная роль в право-

¹ Далее – УК РФ, УК.

творчестве. Не случайно законодательно-техническое совершенствование УК РФ признается одним из главных направлений развития российского уголовного законодательства в первые два десятилетия текущего века².

Данный факт диктует необходимость исследования основ данной техники, а также ее средств, приемов и правил (уголовно-правового языка, юридических конструкций, примечаний и т.д.). Опора на учение о законодательной технике привносит полноту и системность в процесс регламентации преступлений, наказаний, видов освобождения от уголовной ответственности и других явлений в уголовно-правовой сфере. Добавим, что теория законодательной техники содержит ряд противоречий, требующих научного осмысления и устранения. Отсутствие четкого представления о законодательной технике объективно мешает исследователям делать продуктивные предложения, направленные на совершенствование законодательства, в том числе криминального цикла. В связи с этим изучение общих вопросов законодательной техники, различных ее средств и приемов и определение путей их использования в уголовном правотворчестве представляется сегодня необходимым и полезным.

До недавних пор в теории уголовного права имелось лишь одно монографического рода исследование, посвященное законодательной технике в целом³. Однако в последние годы появился ряд трудов, в которых данная проблематика также освещается весьма комплексно и глубоко⁴. Опубликовано в России и фундаментальное исследование известного французского правоведа

² См.: Кузнецова Н.Ф. Главные тенденции развития российского уголовного законодательства // Уголовное право в XXI веке: Материалы Международной научной конференции на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова (31 мая – 1 июня 2001 г.) М., 2002. С. 12.

³ См.: Семенов И.А. Законодательная техника советского уголовного права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1983. С. 12. Эта кандидатская диссертация легла в основу его монографии (см.: Семёнов И.А. Законодательная техника в уголовном правотворчестве. Тюмень, 1998).

⁴ См.: Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. Самара, 2001; Панько К.К. Методология и теория законодательной техники уголовного права России. Воронеж, 2004.

Реми Кабрियाка, посвященное в целом кодифицированному правотворчеству⁵. Выход этих работ можно только приветствовать. Но, к сожалению, и они не снимают массы злободневных вопросов, касающихся системы данной техники, круга ее компонентов, правил их применения, и многих других.

Попытка решения ряда таких вопросов и предлагается читателю в настоящем пособии. Учебный формат издания не позволил автору тщательно охарактеризовать весь спектр компонентов законодательной техники в уголовном правотворчестве, это – удел научного исследования.

Данное пособие предназначено для студентов и магистров, изучающих курсы «Юридическая техника» и «Уголовное право России». Овладение основами законодательной техники позволяет глубже познать действующее законодательство и дает в руки обучающимся знание об оптимальных методах построения правовых предписаний. Это крайне важно, поскольку рано или поздно сегодняшние студенты-юристы пополнят ряды участников законодательного процесса. Кроме того, знание законодательной техники в существенной степени облегчает процесс толкования нормативных актов, которым ежедневно занимается каждый практикующий юрист.

⁵ См.: Кабрियाк Р. Кодификации / пер. с фр. Л.В. Головки. М., 2007.

ГЛАВА I. УГОЛОВНОЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВО

§ 1. Механизм уголовного правотворчества

Правотворчество является предпосылкой правового регулирования. Традиционно правовое регулирование рассматривают как систему, включающую четыре базовых звена: правовые нормы, правоотношения, акты реализации права (обязательные элементы) и индивидуальные предписания применения права (факкультативный элемент)⁶.

Правотворчество направлено на создание первого из данных звеньев – правовых норм. Formой выражения правовых норм являются нормативные акты. Поэтому правотворчество принято определять как процесс познания и оценки правовых потребностей общества и государства, формирования и принятия нормативных актов уполномоченными субъектами в рамках соответствующих процедур⁷. Результатом правотворчества может быть как создание новых правовых предписаний, так и отмена или изменение существующих.

Деятельность по выработке нормативных актов также весьма многогранна и сложна. *С содержательной точки зрения* она предполагает познание и оценку социальной действительности на предмет ее правового регулирования, выработку существа правового решения, его проработку и воплощение в правовой норме. *С формальной точки зрения* эта деятельность определенным образом организована, проходит ряд обязательных процедур (например, создание закона включает стадии законодательной инициативы, обсуждения проекта нормативного акта, его принятия и опубликования⁸).

⁶ См.: Алексеев С.С. Общая теория права: В 2 т. Т. II. М., 1982. С. 26–29.

⁷ См.: Общая теория государства и права: Академический курс: В 2 т. / Под ред. М.Н. Марченко. Т. 2. Теория права. М., 1998. С. 157.

⁸ См.: Общая теория права: Курс лекций / Под ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 316–318.

В сфере уголовного права задачей правотворчества является создание уголовно-правовых норм и иных предписаний⁹. Большая часть этих норм посвящена преступлениям и наказаниям за их совершение. Поэтому основной задачей является признание преступными деяний, опасных для личности, общества или государства, и установление наказаний и иных мер уголовно-правового характера за совершение этих деяний (ч. 2 ст. 2 УК РФ). В доктрине уголовного права процессы признания деяний преступными и определения их наказуемости получили соответственно название криминализации и пенализации. Противоположные процессы именуется декриминализацией и депенализацией. Следовательно, с содержательной точки зрения важнейшими направлениями уголовного правотворчества являются именно процессы криминализации (декриминализации) и пенализации (депенализации).

Отсюда для формирования наглядного представления об уголовном правотворчестве целесообразно рассмотреть одно из важнейших его проявлений – криминализацию. А.И. Коробеев определяет криминализацию как «процесс выявления общественно опасных форм индивидуального поведения, признания допустимости, возможности и целесообразности уголовно-правовой борьбы с ними и фиксации их в законе в качестве преступных и уголовно наказуемых»¹⁰. Сходно, хотя и более упрощенно, определял искомое понятие В.Н. Кудрявцев, понимавший под криминализацией как процесс, так и результат признания определенных видов деяний преступными и уголовно наказуемыми¹¹.

Большинство исследователей криминализации сходятся во мнении о том, что узловым вопросом данной темы являются основания криминализации или, как их еще называют, основания

⁹ Во второй главе пособия будет показано, что содержанием уголовного права являются не только уголовно-правовые нормы, но и нестандартные предписания.

¹⁰ Полный курс уголовного права: В 5 т. / Под ред. А.И. Коробеева. Т. I: Преступление и наказание. СПб., 2008. С. 100 (А.И. Коробеев – автор главы об уголовно-правовой политике, в которой рассматриваются вопросы криминализации). См. также: Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток, 1987.

¹¹ См.: Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация. М., 1982. С. 17.

уголовно-правового запрета. Г.А. Злобин определял основания криминализации как «действительные предпосылки, социальные причины возникновения или изменения уголовно-правовой нормы» и относил к ним, среди прочего, неблагоприятную динамику определенного вида общественно опасных деяний, возникновение или существенное развитие новой группы общественных отношений, происходящее на базе экономического или технического прогресса, обнаружение вредных последствий хозяйственной или иной деятельности людей, существенное и внезапное изменение социальной, экономической или политической обстановки в результате войны, стихийного бедствия, неурожая и других событий, необходимость выполнения обязательств по международным соглашениям¹².

А.И. Коробеев все факторы, служащие основаниями установления уголовно-правового запрета, в зависимости от их содержания сводит в три относительно самостоятельные группы: юридико-криминологические, социально-экономические и социально-психологические. Юридико-криминологическую группу образуют, по его мнению, следующие основания: 1) степень общественной опасности деяний; 2) относительная распространенность деяний и их типичность; 3) динамика деяний с учетом причин и условий, их порождающих; 4) возможность воздействия на эти деяния уголовно-правовыми средствами при отсутствии возможности успешной борьбы менее репрессивными средствами; 5) возможности системы уголовной юстиции.

К социально-экономическим основаниям он относит: 1) причиняемый деяниями материальный и моральный ущерб; 2) отсутствие возможных побочных последствий уголовно-правового запрета; 3) наличие материальных ресурсов для реализации уголовно-правового запрета. Наконец, социально-психологическими основаниями являются: 1) определенный уровень общественного правосознания и психологии; 2) исторические традиции¹³.

¹² См.: Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация. С. 205–207.

¹³ См.: Полный курс уголовного права: В 5 т. / Под ред. А.И. Коробеева. Т. I. С. 106–107.

По мнению А.И. Коробеева, анализом и оценкой оснований криминализации завершаются те стадии процесса криминализации, на которых решается главный, центральный вопрос – о допустимости, возможности и целесообразности установления уголовно-правового запрета. На следующем этапе – стадии формулирования уголовно-правовой нормы – возникает необходимость учета еще целого ряда факторов, которые он именуется критериями криминализации. Под этими критериями им понимаются обстоятельства, характеризующие объективные и субъективные свойства криминализируемых деяний и подлежащие учету в процессе законотворческой деятельности с целью создания оптимальных моделей уголовно-правовых норм. Они относятся к деянию, последствиям, ситуации, субъекту преступления, субъективной стороне, потерпевшему¹⁴.

Добавим, что данные критерии трансформируются либо в элементы основного состава преступления (так называемые *криминообразующие признаки*), либо – в элементы квалифицированного состава (*квалифицирующие признаки преступления*). В последнем случае они являются средством дифференциации ответственности.

Несколько иначе трактует процесс криминализации Н.А. Лопашенко. Она доказывает, что существует только одно основание криминализации – общественно опасное поведение, требующее уголовно-правового запрета. Наряду с этим она считает необходимым выделять причины и принципы криминализации.

Основными причинами криминализации, по ее мнению, являются: 1) возникновение новых, не существовавших ранее видов общественно опасной деятельности людей (что обусловило появление в УК РФ 1996 г. составов лжепредпринимательства, легализации денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, неправомерных действий при банкротстве, компьютерных преступлений и т.д.); 2) неблагоприятная динамика отдельных видов человеческого поведения, ранее регламентированных в административном законодательстве (в связи с этим в УК РФ 1996 г. включены, например, новые составы экологических

¹⁴ См.: Полный курс уголовного права: В 5 т. / Под ред. А.И. Коробеева. Т. I. С. 107.

преступлений, в частности, порча земли); 3) научно-технический прогресс, развивающий потенциально опасные для человека сферы науки и техники (это послужило причиной выделения в УК 1996 г. целой главы о транспортных преступлениях); 4) необходимость усиления охраны конституционных прав и свобод личности (из-за этого появились многие запреты гл. 19 УК РФ); 5) ошибки в проведенной ранее декриминализации преступного деяния.

К принципам криминализации Н.А. Лопашенко причисляет принципы достаточной общественной опасности криминализируемых деяний, их относительной распространенности, возможности позитивного воздействия уголовно-правовой нормы на общественно опасное поведение, преобладания позитивных последствий криминализации, неизбыточности уголовно-правового запрета, своевременности криминализации¹⁵.

Г.А. Злобин выделял две основные группы принципов криминализации – социальные и социально-психологические принципы (общественная опасность, относительная распространенность деяний, соразмерность положительных и отрицательных последствий криминализации, уголовно-политическая адекватность криминализации) и системно-правовые принципы (общеправовые принципы конституционной адекватности, системно-правовой непротиворечивости, международно-правовой необходимости и допустимости, процессуальной осуществимости преследования; уголовно-правовые принципы беспробельности закона и неизбыточности запрета, определенности и единства терминологии, полноты состава, соразмерности санкции и экономии репрессии)¹⁶.

Анализ приведенных точек зрения, далеко не единственных по этому вопросу, показывает, что учение о криминализации объединяет самые различные подходы. И если само понятие криминализации в общем и целом не вызывает принципиальных споров, то составляющие криминализации (их наименование и круг) – предмет оживленной дискуссии.

¹⁵ См.: Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004. С. 280–298.

¹⁶ См.: Основания уголовно-правового запрета: Криминализация и декриминализация. С. 210–242.

Однако для целей настоящего пособия не требуется однозначного решения этих вопросов. Нам важно показать, что *при установлении уголовно-правового запрета принимаются во внимание самые разнообразные факторы (правотворческие факторы). Деятельность по оценке этих факторов и составляет содержательную сторону уголовного правотворчества.* Отметим также, что перечень правотворческих факторов не исчерпывается приведенными выше. Например, Ю.А. Тихомиров не без оснований пишет о субъективном факторе в правотворчестве: «Это – деятельность всех субъектов законодательной инициативы, мнение граждан и их "правовые ожидания", лоббизм, действия политических партий, фракций, участие консультантов, экспертов и т.д.»¹⁷. Достаточно вспомнить ситуацию с наказанием в виде конфискации имущества, которую без каких-либо объективных оснований исключили из УК РФ в конце 2003 г., несмотря на бурный протест большинства виднейших российских ученых и практиков. О совершенно определенном «заказе» этого закона говорили со знанием дела сами российские парламентарии.

При этом *следует обратить внимание на неоднородность правотворческих факторов. Одни из них определяют формирование законодательной воли* (сущность правового решения), т.е. выступают основными побудительными причинами отнесения деяния к кругу преступных (например, трансформация политического курса, изменение экономических условий в стране, научно-технический прогресс). При этом сущность проектируемого решения проверяется путем оценки ряда важнейших криминологических показателей: социальной вредности деяния, его относительной распространенности и типичности, а также динамики деяния с учетом причин и условий, его порождающих. Учет этих криминологических данных подкрепляет и корректирует законодательную волю.

В дальнейшем на первый план в правотворческом процессе выходят иные факторы. Например, упомянутые Г.А. Злобиным принципы системно-правовой непротиворечивости запрета, бес-

¹⁷ Общая теория государства и права: Академический курс: В 3 т. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Отв. ред. М.Н. Марченко. Т. 2. М., 2001. С. 258 (автор главы о правотворчестве – Ю.А. Тихомиров).

пробельности закона и избыточности запрета, определенности и единства терминологии, полноты состава. То есть после принятия сущностного решения, в частности, об установлении уголовно-правового запрета, начинается стадия технической проработки содержания данного запрета (обеспечивается полнота состава и т.д.) и вырабатывается оптимальная его форма (для чего, например, используется соответствующая терминология).

Заострим внимание на том, что мы рассмотрели лишь одно из направлений уголовного правотворчества – криминализацию. Это, безусловно, основной вид правотворческих работ в уголовно-правовой сфере, но отнюдь не единственный. Выше упоминались декриминализация, пенализация, депенализация. Однако и это не все виды уголовного правотворчества. Уголовное право – конечный продукт анализируемого процесса – нормами о преступлениях и наказаниях не исчерпывается. Правотворец создает также нормы об обстоятельствах, исключающих преступность деяния (о необходимой обороне, задержании преступника и т.д.), освобождении от ответственности и наказания, об иных мерах уголовно-правового характера и другие.

И в основе создания каждого вида норм лежат свои правотворческие факторы (политические, криминологические, исторические и т.д.). Одни из них принимаются во внимание при выработке законодательной воли, другие – при ее преобразовании в содержание и текст закона.

Изложенное показывает, что всевозможные обстоятельства, учитываемые при криминализации (да и в целом в правотворческом процессе), касаются различных пластов правообразования. Одни затрагивают его глубинный уровень (сущностный), другие имеют выход на содержание права, третьи же влияют на его оформление. Здесь же отметим, что форма права делится на внутреннюю (структуру права) и внешнюю (язык, строение нормативного акта и т.д.).

Зачастую, правда, сущность проектируемого решения и содержание права смешивают. Так, когда речь заходит о языке закона (основном компоненте внешнего оформления), подчеркивается, что он должен адекватно передать *содержание правовых норм* или, что как будто одно и то же, адекватно отразить *волю*

законодателя. Зададимся, однако, вопросом, *тождественны ли понятия воли законодателя и правового содержания?* В ответе на него и заключена, как нам кажется, разгадка механизма правотворчества. Воля законодателя и содержание права – разные явления. Законодательная воля определяет существо правового решения, представляет собой замысел творца права, который он хочет воплотить в содержании права. И воплощение этого замысла в содержании также может быть мысленно обособлено, как и процесс внешнего оформления права, осуществляемого прежде всего посредством языка. Законодательная воля должна быть непротиворечиво выражена не только в форме права, но и в его содержании (скажем, в УК должны быть внутренне согласованы санкции). Социальная (в том числе, криминологическая) обоснованность санкций – вопрос существа дела, а вот их системное построение и согласование между собой – это хотя и содержательный процесс, но уже не касающийся сущности.

Иными словами, *при более внимательном рассмотрении механизма правотворчества в нем просматриваются операции по формированию законодательной воли, операции по переводу ее в содержание и структуру права и деятельность по внешнему оформлению содержания.* Подчеркнем, что все эти операции выделяются искусственно (путем *анализа*), в действительности они тесно переплетены, а формирование содержания и внешней формы уголовного права и вовсе происходит одновременно.

В итоге правовое содержание выступает формой законодательной воли, а последняя соответственно – содержанием правового содержания. Мысль о том, что одно и то же явление способно выступать одновременно и содержанием, и формой по отношению к другим явлениям, не нова и составляет общее место философского знания¹⁸. Получается следующая логическая цепочка: сначала происходит выработка решения по существу (формируется законодательная воля); затем это решение вопло-

¹⁸ Проиллюстрируем тезис следующим высказыванием: «Производственные отношения являются содержанием по отношению к надстройке и формой – по отношению к производительным силам общества» (см.: Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: Учебник. Изд. 3-е, перераб. и доп. М., 2000. С. 472).

щается в праве. Так как право имеет содержание и форму¹⁹, то данное решение выражается с помощью техники не только в его форме (внутренней и внешней), но и в содержании.

Сформировав свою волю, законодатель пытается адекватно отразить ее в содержании права. В итоге воля трансформируется в ядро правового содержания, становится его сущностью. Д.А. Керимов прав в том, что «содержанием законодательных актов выступает не просто государственная воля, а государственная воля, опосредованная в соответствующих, вполне определенных, конкретных правовых нормах»²⁰. Данное опосредование состоит в «переводе» мысли законодателя в юридические формулы: ее последовательном воплощении в правилах поведения, согласовании между собой взаимосвязанных правовых норм и т.д.

Заголовок настоящего параграфа не случайно назван «*Механизм уголовного правотворчества*». Слово «механизм» в одном из своих значений – это совокупность состояний и процессов, из которых складывается какое-либо явление²¹. Уголовное правотворчество *с содержательной стороны* представляет собой совокупность трех процессов: 1) формирование законодательной воли; 2) перевод законодательной воли в содержание и структуру уголовного права; 3) перевод законодательной воли во внешнюю форму уголовного права. На наш взгляд, данные компоненты и образуют механизм уголовного правотворчества.

Этот вывод крайне важен для вычленения в многогранном и сложном понятии правотворчества компонента, являющегося предметом настоящего пособия, т.е. законодательной техники. Иной подход, когда исследователи не используют прием анализа (мысленного расчленения целого на части), не позволяет обосо-

¹⁹ Концепция различения содержания права (правовых норм и т.п. компонентов) и его формы (законодательства, положительного права) является одним из «китов» отечественной юриспруденции (см. об этом: Явич Л.С. Общая теория права. Л., 1976; Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 276–279).

²⁰ Керимов Д.А. Законодательная техника: Научно-методическое и учебное пособие. М., 1998. С. 20–21.

²¹ См.: Современный словарь иностранных слов. СПб., 1994. С. 377.

бить законодательную технику в общей теории правотворчества и, по сути дела, сводит эту технику ко всему правотворчеству²².

Необходимо заметить, что в зависимости от целей и задач исследования и соответствующего им угла зрения на проблему возможны и иные подходы к механизму правотворчества, и в частности уголовного. Например, с процедурной точки зрения можно выделить стадии создания нормативных актов, содержащих уголовно-правовые предписания (законодательная инициатива, обсуждение проекта нормативного акта и т.д.). Эти стадии в своем неразрывном единстве также могут быть представлены как механизм. Д.А. Ковачев – автор специального исследования о механизме правотворчества – пошел и вовсе по иному пути. Он рассмотрел деятельность по созданию правовых предписаний через призму субъектов, ею занимающихся. Соответственно, по его мнению, «механизм правотворчества – это система субъектов, осуществляющих правотворческую деятельность»²³.

Специфику изложенного нами подхода предопределила цель настоящего пособия. Для вычленения законодательной техники необходимо правильное понимание содержательных процессов уголовного правотворчества. Поэтому нам пришлось сначала выявить данные процессы, а затем синтезировать их в понятие механизма.

Как уже отмечалось, уголовное правотворчество имеет и формальную сторону, поскольку деятельность по созданию любых нормативных актов характеризуется определенной цикличностью (стадийностью) и включает определенные процедуры. Эту сторону правотворчества также необходимо рассмотреть.

Ю.А. Тихомиров выделяет следующие стадии правотворческого процесса: «а) изучение, анализ общественных явлений и процессов, установление потребности правовой регламентации; б) определение вида органов, субъектов, правомочных принять правовые решения, и вида правового акта; в) принятие решения о подготовке правового акта; г) разработка концепции, идеи буду-

²² Эти подходы, равно как и их критика, приведены во второй главе настоящего пособия.

²³ Ковачев Д.А. Механизм правотворчества социалистического государства: Вопросы теории. М., 1977. С. 6.

щего акта; д) подготовка проекта правового акта разработчиком, рабочей группой, органом; е) предварительное рассмотрение проекта акта; ж) общественное обсуждение проекта; з) официальное рассмотрение проекта акта соответствующим органом с соблюдением необходимых процедур; и) принятие правового акта, его оформление, подписание, опубликование, вступление в законную силу»²⁴.

Процедура уголовного правотворчества, как, впрочем, и процедура деятельности по созданию правовых норм иной отраслевой принадлежности, во многом определяется видом разрабатываемого нормативного акта. Например, кардинально отличаются процедуры разработки федерального закона и локального нормативного акта.

Согласно п. «о» ст. 71 Конституции РФ, уголовное законодательство находится в исключительном ведении РФ. В соответствии ч. 1 ст. 76 Основного закона, по предметам ведения РФ принимаются федеральные конституционные законы и федеральные законы, имеющие прямое действие на всей территории страны. Согласно же ч. 1 ст. 108 Конституции, федеральные конституционные законы принимаются по вопросам, предусмотренным Конституцией РФ. Поскольку разработка уголовного законодательства не отнесена к таким вопросам, его источником может быть только федеральный закон. В этой связи УК РФ является именно федеральным законом, хотя и кодифицированным. Все изменения и дополнения в него вносятся также федеральными законами.

Однако вопрос о круге источников уголовного права не столь «безобиден», в связи с чем ему будет уделено должное внимание в параграфе втором настоящей главы. Но в любом случае, исходя из приведенных положений Конституции РФ, результатом уголовного правотворчества является именно *федеральный закон*. Поэтому с процедурной точки зрения последнее проходит все этапы, характерные для принятия федерального закона (эти этапы прошел УК РФ – базовый, вне сомнения, источник уголовного права).

Процедура создания закона именуется нередко законодательным процессом (представляется, правда, более точно называть ее

²⁴ Общая теория государства и права: Академический курс: В 3 т. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Отв. ред. М.Н. Марченко. Т. 2. С. 259.

законотворческим процессом). Как отмечает И.Н. Сенякин, «законодательный процесс выступает составной частью правотворческого процесса и включает в себя четыре основные стадии: 1) законодательную инициативу; 2) обсуждение законопроекта; 3) принятие закона; 4) обнародование закона»²⁵. Ранее среди стадий правотворческого процесса назывались и многие иные этапы, в том числе познание общественных отношений, выявление потребности в правовом регулировании. Действительно, эти этапы характерны и для принятия законов. Однако основными стадиями, процедура которых регламентирована на законодательном уровне, являются четыре этапа, указанные выше, а потому традиционно выделяемые в законотворческом процессе.

Данные стадии применительно к федеральным законам достаточно подробно урегулированы Конституцией РФ. Так, ч. 1 ст. 104 Конституции РФ предоставляет право законодательной инициативы Президенту РФ, Совету Федерации, членам Совета Федерации, депутатам Государственной Думы, Правительству РФ, законодательным (представительным) органам субъектов РФ, а также Конституционному Суду РФ, Верховному Суду РФ и Высшему Арбитражному Суду РФ по вопросам их ведения.

В ч. 2 ст. 104 указано, что законопроекты вносятся в Государственную Думу. В силу ч. 1 и 2 ст. 105 Основного закона, федеральные законы принимаются Государственной Думой, большинством голосов от общего числа депутатов Государственной Думы, если иное не предусмотрено Конституцией РФ.

В ч. 3 ст. 105 предусматривается, что принятые Государственной Думой федеральные законы в течение пяти дней передаются на рассмотрение Совета Федерации. Согласно ч. 4 ст. 105, федеральный закон считается одобренным Советом Федерации, если за него проголосовало более половины от общего числа членов этой палаты либо если в течение четырнадцати дней он не был рассмотрен Советом Федерации; в случае отклонения федерального закона Советом Федерации палаты могут создать согласительную комиссию для преодоления возникших разногласий,

²⁵ Теория государства и права: курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 415 (И.Н. Сенякин – автор главы о правотворчестве).

после чего федеральный закон подлежит повторному рассмотрению Государственной Думой. В силу ч. 5 ст. 105, при несогласии Государственной Думы с решением Совета Федерации федеральный закон считается принятым, если при повторном голосовании за него проголосовало не менее двух третей от общего числа депутатов Государственной Думы.

Дальнейший ход событий определен в ст. 107 Конституции РФ. Принятый федеральный закон в течение пяти дней направляется Президенту РФ для подписания и обнародования (ч. 1). Президент РФ в течение четырнадцати дней подписывает федеральный закон и обнародует его (ч. 2). Если Президент в течение четырнадцати дней с момента поступления федерального закона отклонит его, то Государственная Дума и Совет Федерации в установленном Конституцией РФ порядке вновь рассматривают данный закон. Если при повторном рассмотрении федеральный закон будет одобрен в ранее принятой редакции большинством не менее двух третей голосов от общего числа членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы, он подлежит подписанию Президентом РФ в течение семи дней и обнародованию (ч. 3).

В соответствии со ст. 6 Федерального закона от 14 июня 1994 г. «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания», федеральные законы вступают в силу одновременно на всей территории РФ по истечении десяти дней после дня их официального опубликования, если самими законами или актами палат не установлен другой порядок вступления их в силу²⁶. УК РФ, принятый Государственной Думой 24 мая 1996 г., как раз и был введен в действие в ином порядке – с 1 января 1997 г.

Таковы основные процедурные моменты российского уголовного правотворчества, акты которого имеют форму федерального закона.

Подведем итог. *Уголовное правотворчество представляет собой деятельность по созданию, изменению и отмене нормативных актов, содержащих уголовно-правовые предписания, ко-*

²⁶ См.: Собрание законодательства РФ. 1994. № 8. Ст. 801.

торая имеет строго регламентированную процедуру и основана на познании и учете целой группы факторов (политических, экономических, криминологических, исторических и т.д.).

В содержательном аспекте уголовное правотворчество состоит из трех условно выделяемых компонентов, образующих его механизм: 1) формирование законодательной воли; 2) перевод законодательной воли в содержание и структуру уголовного права; 3) перевод законодательной воли во внешнюю форму уголовного права.

§ 2. Акты уголовного правотворчества

Акты уголовного правотворчества – это его результаты, т.е. нормативные акты, содержащие уголовно-правовые предписания. Их еще именуют источниками уголовного права (в формальном смысле). Вопрос об источниках уголовного права важен как для понимания реального круга «продуктов» уголовного правотворчества, так и для целей дальнейшего исследования. Исходя из специализации различных отраслей законодательства, источниками уголовного права должны выступать нормативные акты, образующие *уголовное законодательство*.

Закономерно встает вопрос, что под ним понимать? Вопрос архиважный, а потому не случайно с ответа на него начинается изложение уголовных узаконений. Согласно ч. 1 ст. 1 УК РФ, уголовное законодательство РФ состоит из УК РФ; новые же законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в него.

Таким образом, в указанной статье поставлен знак равенства между уголовным законодательством и УК РФ²⁷. Первое время

²⁷ Заметим, что в ч. 1 ст. 1 УК практически дословно воспроизведен вариант этого законоположения, рекомендованный Модельным УК для стран СНГ (см.: Модельный уголовный кодекс государств – участников Содружества Независимых Государств // Международные правовые акты государств – участников СНГ в области борьбы с преступностью. М., 1999. С. 324). Данная рекомендация приобрела силу закона также в ст. 1 Уголовных кодексов Республики Узбекистан, Республики Таджикистан, Республики Казахстан, Республики Молдова, Азербайджанской Республики, Кыргызской Республики и в ст. 3 УК Украины.

после принятия Кодекса наука, казалось бы, поддержала эту позицию законодателя. Так, в подавляющем большинстве источников положение ч. 1 ст. 1 УК преподносилось как очевидное и бесспорное²⁸. Позже, словно оправившись от чар, некоторые ученые подвергли ч. 1 ст. 1 УК серьезной критике, активно оперируя при этом термином «источник уголовного права».

Прежде чем оценить как позицию отечественного законодателя, так и ее критику, внесем некоторую терминологическую ясность в рассматриваемую полемику. На наш взгляд, необходимо различать понятия трех источников – уголовного права, уголовного законодательства и уголовно-правового регулирования. Напомним, что право и законодательство соотносятся как содержание и форма. Известно, однако, что форма не всегда адекватна содержанию.

Итак, *источник уголовного права* – это нормативный акт, содержащий уголовно-правовые предписания. Однако такой акт может как входить, так и не входить в уголовное законодательство. Например, УИК РФ выступает источником уголовного права, поскольку содержит ряд уголовно-правовых предписаний (подробнее об этом – далее). Однако УИК РФ является составной частью уголовно-исполнительного законодательства, поэтому, несмотря на уголовно-правовой характер некоторых его предписаний, он не является составляющей уголовного законодательства. Это как раз пример несоответствия формы содержанию уголовно-правовых норм, которые необходимо было закрепить в УК РФ. Соответственно *источник уголовного законодательства* – это нормативный акт, содержащий уголовно-правовые предписания и входящий в уголовное законодательство.

Источник уголовно-правового регулирования – это нормативный акт, регулирующий отношения, входящие в предмет уголовного права. Разумеется, любой источник уголовного права и уголовного законодательства одновременно является и источником уголовно-правового регулирования. Но выделение понятия «источник регулирования» объективно необходимо. Например, в России есть нормативный акт, который не содержит уголовно-

²⁸ См., напр.: Комментарий к Уголовному кодексу РФ. Изд. 2-е, изм. и доп. / Под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. М., 1997. С. 1.

правовых предписаний, но отношения в уголовно-правовой сфере может регулировать. Это, на наш взгляд, Конституция РФ (аргументы в пользу этого – далее). Кроме того, данные отношения могут регулироваться отмененным уголовным законодательством (в силу правил о действии уголовного закона во времени), международными и еще рядом актов, перечень которых будет приведен в конце настоящего параграфа.

Теперь уточним рассматриваемые понятия. Во-первых, речь идет о так называемых формальных источниках права, т.е. формах внешнего выражения правовых норм и иных нормативных предписаний²⁹. Во-вторых, определим пространственные параметры понятий «источник уголовного права» и «источник уголовного законодательства». Рассматриваемые понятия, если они употребляются в контексте анализа ч. 1 ст. 1 УК, должны обозначать не любой источник, а источник *российского (национального)* уголовного права (законодательства). Не случайно В.П. Коняхин оперирует терминами «источник российского уголовного права» и «источник уголовного права» как синонимами³⁰. Это и понятно, ведь и он вопрос об источниках поднимает в связи с рассмотрением ч. 1 ст. 1 УК РФ. А в ней прямо говорится об уголовном законодательстве *Российской Федерации*. В-третьих, обозначим временные параметры источника уголовного права. Под рассматриваемыми источниками должны пониматься лишь *действующие акты*. Скажем, Соборное уложение 1649 г. также источник уголовного права, но *своего времени*.

Если обобщить суждения ученых, отстаивающих тезис о множественности источников уголовного права³¹, то, помимо УК

²⁹ «Источником права в материальном смысле являются развивающиеся общественные отношения» (Общая теория права: Курс лекций / Под общ. ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 249).

³⁰ См.: Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права: Дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2002. С. 89–148.

³¹ К этим ученым относятся, в частности, Т.В. Кленова (см.: Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. Самара, 2001), В.П. Коняхин (см.: Коняхин В.П. Указ. соч. С. 89–148), Л.Л. Кругликов (см.: Кругликов Л.Л. О системе уголовного законодательства и Особенной части УК РФ // Юрид. зап. ЯрГУ им. П.Г. Демидова. Ярославль,

РФ, к этим источникам предлагается относить следующие акты: а) Конституцию РФ; б) международные договоры РФ; в) УК РСФСР 1960 г.; г) неотмененные нормативные акты СССР; д) нормативные акты РФ (в том числе кодексы криминального цикла); е) нормативные акты РФ, к которым отсылают бланкетные диспозиции УК; ж) законодательство военного времени; з) акты об амнистии; и) решения Конституционного Суда РФ; к) постановления Пленума Верховного Суда РФ; л) судебные прецеденты; м) решения Европейского суда по правам человека.

Отметим, что к источникам уголовного права причисляют только те акты из приведенного перечня, которые содержат уголовно-правовые предписания (т.е. не все, например, нормативные акты СССР). С учетом высказанных выше соображений оценим данные акты и соотнесем свои выводы с ч. 1 ст. 1 УК РФ.

а) Мы не разделяем мнение о том, что Конституция РФ входит в число источников уголовного права. Довод в пользу этого прост: Конституция РФ не содержит уголовно-правовых норм³². Проанализировав Основной закон, мы, казалось бы, нашли в нем предписания уголовно-правового характера. В частности, указание о том, что смертная казнь устанавливается только за особо тяжкие преступления против жизни (ч. 2 ст. 20). Однако, как правильно отмечал А.А. Мишин, «конституционное (государственное) право, будучи основной отраслью системы права, определяет основы других ее отраслей – административного, финансового, уголовного, гражданского и т.д.»³³. Думается, что приведенное предписание регулирует вопрос именно конституционного, а не уголовно-правового уровня. В предмет конституционного права входит закрепление основных прав человека, что предполагает

1999. Вып. 3. С. 171–182; Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. С. 18–33), О.Н. Бибики (см.: Бибики О.Н. источники уголовного права Российской Федерации. СПб., 2006).

³² См.: Уголовное право. Общая часть / Отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова. М., 1997. С. 25–26; Кленова Т.В. Указ. соч. С. 96.

³³ Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учебник. М., 1996. С. 6.

решение вопроса о возможности применения смертной казни (т.е. лишения человека права на жизнь).

Естественно, Конституция РФ может быть непосредственно применена при разрешении уголовного дела, если ей противоречит УК (такие случаи известны практике применения УК РСФСР). Однако применяться она будет как источник *конституционного*, а не уголовного права. То есть как нормативный акт, обладающий большей юридической силой, нежели УК РФ, и имеющий прямое действие на всей территории страны. Иными словами, она не является источником уголовного права. Она – *источник уголовно-правового регулирования* в силу положения, которое занимает в иерархии отечественной правовой системы. Соответственно и к уголовному законодательству РФ Конституция РФ никакого отношения не имеет, будучи частью конституционного законодательства. Поэтому прав, на наш взгляд, российский законодатель, указав, что УК РФ лишь основывается на Конституции РФ (ч. 2 ст. 1 Кодекса).

б) Международные договоры РФ – это источник не национального, а *международного* уголовного права. Из ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, на которую обычно ссылаются, отнюдь не следует вывод, что национальные и международные акты смешаны. Напротив, они различаются, поэтому и установлен приоритет вторых над первыми. Отсюда, как обоснованно отмечает З.А. Незнамова, «даже ратифицированные Российской Федерацией международные договоры и конвенции, содержащие нормы уголовно-правового характера, не могут быть составной частью российского уголовного законодательства...»³⁴. Прав и Е.В. Благов, отмечающий, что данные международные акты могут стать уголовным законодательством РФ лишь посредством их включения в УК РФ³⁵. Таким образом, международные договоры являются источниками международного уголовного права и законодательства. Корректировать российский УК РФ они могут, *не теряя при этом своего международного статуса*. Они также выступают источником

³⁴ Незнамова З.А. Коллизии в уголовном праве. Екатеринбург, 1994. С. 132.

³⁵ Благов Е.В. Актуальные проблемы уголовного права (Общая часть). Ярославль, 2008. С. 14.

уголовно-правового регулирования, но не источником российского уголовного права и законодательства.

в) Причисление к источникам российского уголовного права УК 1960 г. объясняется его действием в отношении преступлений, совершенных до вступления в силу УК 1996 г.³⁶ Однако УК 1960 г. официально отменен, и применяется он как *отмененный акт*. Ничего парадоксального в применении отмененного акта нет: такая необычная на первый взгляд ситуация из соображений гуманизма и справедливости урегулирована и в ст. 54 Конституции РФ, и в ст. 9 и 10 УК РФ. Прибавим также, что в соответствии со ст. 10 УК РФ, Кодекс 1996 г. распространяется на лиц, совершивших преступления до вступления его в силу (т.е. до 1 января 1997 г.), если он улучшает их положение. Означает ли данный факт, что УК 1996 г. – источник уголовного законодательства 1960 г.? Очевидно, что нет. Таким образом, выступая источником уголовно-правового регулирования, УК 1960 г. не является источником российского уголовного права и законодательства.

г) В качестве примера неотмененных нормативных актов СССР, содержащих уголовно-правовые предписания, Л.Л. Кругликов приводит Указ Президиума Верховного Совета СССР «О наказании лиц, виновных в преступлениях против мира и человечности и военных преступлениях, независимо от времени совершения преступлений» от 4 марта 1965 г.³⁷ Действительно, этот и иные союзные акты подобного характера являются источником действующего уголовного права, уголовного законодательства и регулирования. Очевидно и то, что наличие уголовно-правовых предписаний в таких актах, а не вне УК РФ является дефектом системы законодательства, который следует исправить.

д) Нормативные акты РФ, содержащие уголовно-правовые предписания, совершенно обоснованно, по нашему мнению, причисляются к источникам уголовного права. Примером таких актов являются УИК РФ, УПК РФ, КоАП РФ. Уголовно-исполнительное право должно определять порядок исполнения

³⁶ См., в частности: Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права / Предисловие А.В. Наумова. СПб., 2002. С. 109.

³⁷ См.: Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Указ. соч. С. 28.

наказаний, но не их содержание³⁸, хотя на деле ряд предписаний УИК касается содержания наказаний (например, о сокращенных сроках отпусков для осужденных к лишению свободы). Значит, данные предписания – фрагмент уголовного права³⁹. Источником уголовного права является и КоАП, поскольку в нем формулируются признаки некоторых преступлений (к примеру, в ст. 7.27 КоАП определяется минимальная стоимость имущества, хищение которого наказуемо по статьям 158 – 160 УК). УПК РФ также не является исключением в этом плане (впрочем, как и ранее действовавший). Он предусматривает, в частности, новые пределы назначения наказания (не более двух третей от максимума санкции) в случае согласия обвиняемого с предъявленным ему обвинением (ч. 7 ст. 316 УПК) – очевидное уголовно-правовое предписание. Поскольку данное положение УПК РФ носит уголовно-правовой характер, постольку и этот закон входит в число источников уголовного права. *Но в данном случае законодатель ошибся при выборе формы выражения указанных предписаний. В силу специализации отраслей права и законодательства он был обязан разместить их в УК РФ.* «В наше время, наверное, ни у кого не вызывает сомнения, что предмет регулирования каждого кодекса

³⁸ См.: Исправительно-трудовое право: Учебник / Под ред. Н.А. Стручкова, Ю.М. Ткачевского. М., 1983. С. 12; Уголовно-исполнительное право России: Учебник / Под ред. В.И. Селиверстова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2000. С. 24.

³⁹ О множестве других уголовно-правовых предписаний в УИК РФ см.: Кругликов Л.Л. О некоторых элементах несогласованности Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов // Проблемы теории наказания и его исполнения в новом Уголовном и Уголовно-исполнительном кодексах: Материалы научно-практической конференции. М., 1997. С. 47–65; Благгов Е.В. Применение уголовного права (теория и практика). СПб., 2004. С. 44–48. Проникновение уголовно-правовых предписаний в пенитенциарное законодательство стало, похоже, традицией. Так, еще А.А. Пионтковский (отец) указывал, что «нормы материального советского уголовного права содержатся также и в ИТК отдельных союзных республик» (Пионтковский А.А. Советское уголовное право. Т. 1. Общая часть. Изд. 3-е, испр. и доп. М.; Л., 1929. С. 31).

определяется по отраслевому признаку», – совершенно обоснованно заметил Р. Кабрияк⁴⁰.

е) Нормативные акты РФ, к которым отсылают бланкетные диспозиции УК. Если признать, что источником уголовно-правовой нормы выступают нормативные акты других отраслей права, как утверждает ряд ученых⁴¹, то логически обоснованным будет и их причисление к источникам уголовного права. «...Источником бланкетной уголовно-правовой нормы кроме уголовного закона являются и нормативные акты других отраслей права», – пишет, в частности, Т.В. Кленова⁴². Н.И. Пикуров пришел к более общему выводу: «Уголовно-правовая норма представляет собой динамичную систему, включающую как собственные уголовно-правовые предписания, так и нормативные предписания иных отраслей права»⁴³.

Думается, что это небесспорный взгляд. Он приводит к выводу о том, что уголовно-правовые нормы не одинаковы в разных регионах и организациях, а это уже противоречит Конституции РФ. В результате подобных рассуждений, подкрепленных ссылками на ч. 2 ст. 1 и ст. 8 УК, утверждается даже, что «наличие бланкетных норм в УК РФ и их применение незаконно»⁴⁴.

⁴⁰ Кабрияк Р. Кодификации. М., 2007. С. 390.

⁴¹ Пикуров Н.И. Теоретические проблемы межотраслевых связей уголовного права: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 1998. С. 8; Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. Самара, 2001. С. 170; Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002. С. 124.

⁴² Кленова Т.В. Указ. соч. С. 144. Ранее об этом писал и В.П. Коняхин, отмечая, что правильнее в подобных случаях говорить об источниках не самих норм, а их структурных элементов или признаков последних (см.: Коняхин В.П. Источники уголовно-правовых норм Общей части // Правоведение. 1988. № 1. С. 41–42). Но суть занятой В.П. Коняхиным позиции от этой оговорки не меняется (ведь источник части не может не выступать источником целого), что он и признал в своей новой работе (см.: Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. С. 139).

⁴³ Пикуров Н.И. Теоретические проблемы межотраслевых связей уголовного права: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 1998. С. 8.

⁴⁴ Гаухман Л.Д. Проблемы УК РФ: бланкетность, декларативность, казуистичность // Уголовное право в XXI веке: Материалы Международной

Этот парадоксальный вывод и лежащую в его основе посылку можно поставить под сомнение по следующему основанию. Базовым критерием разграничения отраслей права служит предмет регулирования. Этот критерий обуславливает разделение труда между нормами различных отраслей права (специализацию отраслей). Поэтому открытость бланка как раз и означает, на наш взгляд, то обстоятельство, что законодатель не смеет вмешиваться в сферу неуголовно-правового регулирования. Так, ст. 143 УК отсылает к трудовому праву; ст. 169 УК – к гражданскому; ст. 198 и 199 УК – к налоговому и т.д. Иной подход ведет к разрушению системы права, смешивая различные его отрасли (при этом правовые нормы теряют свое «отраслевое лицо» или, пользуясь образным выражением С.С. Алексеева, свой «цвет»). *Бланкетной, по нашему мнению, является именно уголовно-правовая норма, а статья уголовного закона лишь дублирует данный бланк, «послушно» оформляя содержание.*

Вполне закономерен потому тот факт, что данное соображение легло в основу определения Конституционного Суда РФ от 16 января 2001 г. В нем говорится, в частности, что поскольку минимальный размер оплаты труда устанавливается не УК, а законом «иной отраслевой принадлежности», постольку «его изменение не влечет изменение нормы уголовного закона...»⁴⁵.

Данный подход является ключом к решению многих уголовно-правовых проблем. Например, проблемы предмета налоговых преступлений. Иногда утверждается, что их предметом не могут являться региональные и местные налоги (а только, якобы, федеральные). Если занять иную позицию, то будто бы следует вывод о том, что в разных регионах установлены различные по содержанию уголовно-правовые нормы. Исходя из этого, в частности, Б.В. Волженкин утверждает, что нормативные акты, к которым отсылают бланкетные диспозиции УК «могут быть установлены

научной конференции на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова (31 мая – 1 июня 2001 г.). М., 2002.

⁴⁵ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 16 января 2001 г. № 1-О по делу о проверке конституционности примечания 2 к ст. 158 УК РФ в связи с жалобой гр. Скородумова Дмитрия Анатольевича // Рос. газета. 3 февраля 2001 г. С. 4–5.

только на федеральном уровне, а отнюдь не региональными и локальными нормативными актами»⁴⁶.

Этот вывод представляется неверным, ибо в его основе лежит ложная, по нашему мнению, посылка – признание норм других отраслей права источником уголовно-правовых норм. Действительно, набор местных и региональных налогов специфичен для каждого субъекта РФ, в связи с чем фактические границы уголовно наказуемого уклонения от их уплаты не совпадают в разных регионах. Однако данное обстоятельство не должно шокировать, поскольку оно ни в коей мере не означает существование различных уголовно-правовых норм о налоговых преступлениях. Эти нормы едины для всех регионов и закреплены в ст. 198 – 199² УК РФ. Просто они содержат незаполненный бланк в части предмета регулирования налогового права.

Такое положение вещей согласуется и со здравым смыслом. Общественная опасность налоговых преступлений заключается в непоступлении в бюджетную систему налоговых сумм, в результате чего причиняется соответствующий ущерб. При этом, разумеется, не имеет значения, результатом неуплаты какого вида налога вызван данный ущерб. Поэтому представляется не только формально обоснованным, но и теоретически состоятельным мнение о том, что предметом налоговых преступлений выступает «налог любого уровня – федеральный, региональный или местный»⁴⁷. Очевидно, что бланк, сознательно оставленный пустым, обеспечивает стабильность уголовного закона и автоматически исключает ненужное дублирование. Но эти достоинства лишь следствие процесса специализации в праве и производны от него.

⁴⁶ Волженкин Б.В. О содержании бланкетных диспозиций статей об экономических преступлениях в УК РФ (к дискуссии с И.В. Шишко) // Актуальные проблемы юридической ответственности за нарушения в сфере экономической деятельности и налогообложения: Материалы третьей научно-практической конференции / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. Ярославль, 2004. С. 23.

⁴⁷ Соловьев О.Г. Преступления в сфере налогообложения (ст. 194, 198, 199 УК РФ): проблемы юридической техники и дифференциации ответственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2002. С. 13.

ж) Еще один *возможный* источник уголовного права – законодательство РФ военного времени. Такой вывод прямо следует из ч. 3 ст. 331 УК, что справедливо подмечено рядом криминалистов⁴⁸. Но следует подчеркнуть, что *сегодня такого источника не существует*.

з) Актам об амнистии присущи все признаки нормативного акта⁴⁹. Однако нельзя не видеть и их специфики – разовости (временности) и направленности в прошлое, а не будущее, что отличает их от обычных правовых источников. В настоящее время акты об объявлении амнистии облекаются в форму постановлений Государственной Думы РФ, что вряд ли приемлемо ввиду значимости решаемых в них вопросов. Поэтому следует поддерживать Т.В. Кленову в том, что «возникающие в связи с амнистией уголовно-правовые отношения должны регламентироваться, как и все уголовно-правовые отношения, в форме закона»⁵⁰. В Украине, заметим, акты амнистии имеют форму закона⁵¹. Итак, с рядом оговорок постановления об амнистии необходимо причислить к источникам уголовного права и уголовного законодательства (соответственно и регулирования).

и) Решения Конституционного Суда РФ, разъясняющие смысл уголовно-правовых предписаний или отменяющие их, также выступают, на наш взгляд, и источником уголовного права, и источником уголовного законодательства. В.П. Коняхин в обоснование этого указал, что данные акты могут фактически отменять уголовно-правовые предписания, т.е. они являются формой негативного

⁴⁸ См.: Волженкин Б.В., Милуков С.Ф. Рец. на кн.: Словарь по уголовному праву / Отв. ред. А.В. Наумов. М.: Изд-во Бек, 1997. 686 с. // Государство и право. 1998. № 12. С. 115; Кругликов Л.Л. О системе уголовного законодательства и Особенной части УК РФ. С. 179.

⁴⁹ См.: Курс советского уголовного права: Часть Общая. Т. 2. Л., 1970. С. 448; Уголовное право России: Часть Общая: Учебник для вузов / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 1999. С. 476; Уголовное право России: Учебник для вузов: В 2 т. Т. 1: Общая часть / Отв. ред. А.Н. Игнатов и Ю.А. Красников. М., 2000. С. 477.

⁵⁰ Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. С. 95.

⁵¹ См.: Закон Украины «О применении амнистии в Украине» // Ведомости Верховной Рады Украины. 1996. № 103.

правотворчества⁵². Но О.Н. Бибик не без оснований уточняет, что «Конституционный Суд РФ обладает и позитивными правотворческими полномочиями», поскольку «ни суды общей юрисдикции, разрешающие уголовные дела, ни органы, исполняющие наказание, реализуя свои полномочия, не вправе придавать соответствующему нормативному положению какое-либо иное значение, расходящееся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным Конституционным Судом РФ»⁵³.

Один из последних примеров вторжения Конституционного Суда РФ в сферу уголовного права – постановление № 8-П 1 от 27 мая 2008 г., которым признана не соответствующей Конституции РФ ч. 1 ст. 188 УК в ее взаимосвязи с примечанием к ст. 169 УК. Данные положения УК признаны неконституционными в той мере, в какой они позволяют при привлечении к уголовной ответственности за контрабанду, совершаемую путем перемещения через таможенную границу РФ недеklarированной или недостоверно декларированной иностранной валюты и (или) валюты РФ в крупном, т.е. превышающем в эквиваленте 250 000 рублей, размере, признавать его таковым исходя из всей перемещаемой суммы, включая и ту ее часть, которую закон разрешает ввозить в Россию без письменного декларирования⁵⁴.

Дело в том, что ст. 15 Федерального закона от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» (в ред. от 8 июля 2005 г.) предусматривает, что при единовременном ввозе в Россию наличной иностранной валюты и (или) валюты РФ в сумме, превышающей в эквиваленте 10 000 долларов США, ввозимая валюта подлежит декларированию таможенному органу путем подачи письменной таможенной декларации на всю сумму ввозимой валюты⁵⁵. В этой связи суд обоснованно

⁵² См.: Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. С. 148.

⁵³ Бибик О.Н. Указ. соч. С. 136–137.

⁵⁴ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 г. № 8-П 1 «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2008. № 4. С. 21.

⁵⁵ См.: СПС «КонсультантПлюс».

посчитал, что положения уголовного закона, не учитывающие данные правила, нарушают конституционные принципы верховенства права и правового государства, а также общеправовые принципы соразмерности, справедливости и равенства, не отвечают требованиям ст. 1, 19 и 55 (часть 3) Конституции РФ при привлечении к юридической ответственности и потому ведут к несоразмерному ограничению конституционного права собственности, гарантированного ст. 35 Конституции РФ и ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Отметим также, что ч. 1 ст. 188 УК в указанной части, согласно решению Конституционного Суда РФ, *утратила силу*, а основанные на ней решения судов и иных органов подлежат пересмотру в соответствии с ч. 2 ст. 54 Конституции РФ. Таким образом, в данном случае имеет место прямое вмешательство в сферу уголовно-правового регулирования. При этом если сама Конституция РФ закрепляет правовые нормы общего характера (конституционные), то Конституционный Суд РФ в этом и иных своих решениях со ссылками на Основной закон творит предписания сугубо уголовно-правового характера. И так, *и по содержанию, и по форме эти решения, в отличие от Конституции РФ, – источник уголовного права и источник уголовного законодательства.*

к) Постановления Пленума Верховного Суда РФ не являются, на наш взгляд, источниками законодательства, хотя, скрепя сердце, нужно признать за ними статус источника уголовного права и уголовно-правового регулирования. Обязательность данных источников закреплена в ст. 56 действующего Закона РСФСР «О судостроительстве», согласно которой руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда РСФСР обязательны для судов, других органов и должностных лиц, применяющих закон, по которому дано разъяснение⁵⁶. Однако и эта норма, и ст. 126 Конституции РФ предоставляют Верховному Суду РФ лишь право разъяснения УК РФ, т.е. его *толкования*. Получается, что в силу данных нормативных актов Пленум Верховного Суда РФ в принципе не может заниматься уголовным правотворчеством.

⁵⁶ См.: СПС «КонсультантПлюс».

Вместе с тем неединичны ситуации, когда Пленум Верховного Суда РФ в своих постановлениях нарушает приведенные нормативные акты и создает по существу новую уголовно-правовую норму. Например, в п. 4 постановления от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» Пленум указал («разъяснил»), что «если присутствующее при незаконном изъятии чужого имущества лицо является близким родственником виновного, который рассчитывает в связи с этим на то, что в ходе изъятия имущества он не встретит противодействия со стороны указанного лица, содеянное следует квалифицировать как кражу чужого имущества»⁵⁷.

С позиции УК РФ это открытое, а не тайное, хищение имущества, т.е. грабеж (ст. 161). По духу Кодекса Пленум, наверное, прав, ведь общественная опасность хищения в присутствии лиц, не мешающих виновному (родственников, друзей и т.д.), что заранее очевидно для него, сопоставима с опасностью тайного хищения. Но «нет ничего опаснее, – писал еще в XVIII веке Чезаре Беккариа, – общепринятой аксиомы, что следует руководствоваться духом закона. Это все равно, что уничтожить плотину, сдерживающую бурный поток произвольных мнений»⁵⁸. Поэтому Пленум, отступив от буквы уголовного закона (ст. 161 УК), вышел за пределы своей компетенции и издал незаконный в указанной части акт. Это не толкование, это в сущности новая уголовно-правовая норма, обязательная для правоприменителя. Корректировка же содержания уголовного права – прерогатива законодателя. Но по форме данное постановление облечено в акт толкования, в связи с чем не входит и, в принципе, не может входить в уголовное законодательство.

Отсюда следует три мини-вывода: а) такого рода постановления являются источниками уголовного права (и регулирования); б) существование данных постановлений Пленума *незаконно*; в) они не входят в уголовное законодательство РФ.

л) Отнесение к источникам уголовного права судебного прецедента⁵⁹ вызывает возражение. Под судебным прецедентом по-

⁵⁷ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2. С. 2.

⁵⁸ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. С. 209.

⁵⁹ См., напр.: Волков К.А. Судебный прецедент и его роль в регулировании уголовно-правовых отношений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук.

нимаются решения российского суда по *конкретному делу* и в первую очередь опубликованные решения Верховного Суда РФ. Судебные прецеденты не могут быть отнесены к источникам права прежде всего ввиду отсутствия у них свойств общеобязательности и нормативности. Все мы знаем, конечно, что любой российский суд и тем более Верховный Суд РФ может постановить решение, не основанное на УК РФ. Это трудно оправдать в случае прямого противоречия судебного решения уголовному закону, но в случае пробела в последнем вполне объяснимо. Знаем мы и то, что в случае публикации данного решения в Бюллетене Верховного Суда РФ, выписываемого каждым судом нашей страны, оно приобретет едва ли не силу закона. Но, тем не менее, даже фактически оно общеобязательным и нормативным не станет. Огромный авторитет какого-либо акта и отнесение акта к числу источников права – разные вещи. Безусловный авторитет, наверное, есть и в телефонном праве, и еще во многих иных формах влияния на выносимое по делу судебное решение, но источниками права эти «способы давления» не являются, равно как и позиция суда, пусть даже высшего в стране.

м) Решения Европейского суда по правам человека, в силу международных обязательств нашей страны, должны соблюдаться Россией. Следовательно, эти решения – источник уголовно-

Иркутск, 2002. С. 12; Зуев Ю.Г. Уголовно-правовые презумпции как разновидность материальных презумпций // Юридическая техника и проблемы дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе: Сб. науч. статей / Под ред. Л.Л. Кругликова. Ярославль, 1999. С. 58–59. Отметим, что, по мнению К.А. Волкова, постановления Пленума Верховного Суда выступают *формой* судебного прецедента. Сходную позицию занимают и другие авторы (например, Ю.Г. Зуев, В.В. Демидов), расценивая сами эти постановления как судебный прецедент (см.: Зуев Ю.Г. Указ. соч. С. 59; Демидов В.В. О роли и значении постановлений Пленума Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 3. С. 23). Полагаем, что постановления Пленума не являются ни судебным прецедентом, ни его формой. Под судебным прецедентом принято понимать решение суда по *конкретному делу* (это признает, кстати, и К.А. Волков). Указанные же постановления либо *обобщают* конкретные решения, либо (что также нередко бывает) пишутся умозрительно, а потому их природа отлична от опубликованного решения по конкретному делу – судебного прецедента.

правового регулирования. Но указанные решения не есть источник национального уголовного права и законодательства. Они – составляющая *международного* уголовного права, которое обладает приоритетом перед российским.

Завершая обзор всевозможных актов, подчеркнем, что вряд ли правильно ставить вопрос так: какие акты в принципе могут выступать источниками уголовного права. Это вопрос факта, т.е. нужно оценивать конкретно взятый в определенный момент времени нормативный акт. К примеру, сегодня «кусочки» уголовного права оказались в уголовно-исполнительном законодательстве. Завтра законодатель может исправиться и, изъяв их из этого законодательства, поместить в УК. Только тогда УИК потеряет статус источника уголовного права. Поэтому трудно согласиться с мнением А.В. Денисовой о том, что кодексы криминального цикла не являются источниками уголовного права, поскольку существование в них уголовно-правовых предписаний – недоработка законодателя⁶⁰. Коль скоро на сегодняшний день этот дефект объективно не устранен, и мы оперируем термином «источник уголовного права» применительно к сегодняшней, а не виртуальной ситуации, то следует все же признать, что кодексы криминального цикла имеют статус источников уголовного права.

Изложенное доказывает, что распространенное утверждение о том, что УК РФ – единственный источник уголовного права⁶¹, не соответствует действительности, их гораздо больше. Однако изложенное приводит и к другому выводу – критика в доктрине ч. 1 ст. 1 УК излишне резка и, как представляется, на сегодняшний день нет оснований для пересмотра данного предписания.

Какие источники российского уголовного законодательства сегодня реально существуют, вопреки ч. 1 ст. 1 УК РФ? Из вышесказанного вытекает, что мы таковых насчитываем три: 1) неотмененные нормативные акты СССР, содержащие уголовно-

⁶⁰ Денисова А.В. Выявление и преодоление рассогласования положений УК РФ и предписаний уголовно-правового характера, содержащихся в федеральных законах иной отраслевой принадлежности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2004. С. 11.

⁶¹ См., например: Концепции развития российского законодательства. 3-е изд. М., 1998. С. 225.

правовые предписания, 2) периодически принимаемые постановления об амнистии и 3) решения Конституционного Суда РФ уголовно-правового характера. Потенциально мыслимо появление уголовного законодательства военного времени, которое не принято и, будем надеяться, не увидит свет в будущем.

Стоит ли из-за них править категорическое предписание ч. 1 ст. 1 УК? Представляется, что нет. Уголовно-правовые предписания союзных актов должны быть включены в УК (их сегодняшнее отсутствие в Кодексе – погрешность законодателя). Акты об амнистии носят *исключительный* характер, что подчеркивают все исследователи⁶², равно как и возможное в будущем законодательство военного времени. Решения Конституционного Суда также экстраординарный способ уголовно-правового регулирования, носящий *исключительный* характер. Следовательно, указанные акты выступают вполне допустимым *исключением* из правила о том, что один только УК РФ образует уголовное законодательство РФ (ч. 1 ст. 1 УК).

Отметим, что в Нидерландах, Швеции, Франции и множестве других стран уголовное законодательство рассредоточено в значительном числе законодательных актов. В Германии, вообще, нормы об уголовной ответственности содержатся, помимо Уголовного кодекса, еще более чем в четырехстах законах!⁶³ Однако отечественный законодатель обоснованно не воспринял такую практику, поскольку концентрация уголовно-правовых предписаний в едином акте имеет массу достоинств (и в правоприменении, и в законотворчестве, и с точки зрения превентивной задачи). Свою нацеленность на полную кодифицированность уголовно-правовых предписаний законодатель и выразил в ч. 1 ст. 1 УК, что заслуживает всемерной поддержки.

⁶² «Таким образом, акты амнистии выступают в качестве временного ("разового") источника Общей части уголовного права. Отмеченная специфика указанных актов вполне оправдывает их автономную (от УК РФ) форму внешнего закрепления», – пишет В.П. Коняхин (Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. С. 143).

⁶³ См.: Попов А.Н. Уголовный закон и его обратная сила. СПб., 1998. С. 6–7.

Но это означает, что *должна быть подвергнута серьезной критике законодательная практика, при которой уголовно-правовые предписания включаются в акты неуголовной отрасли законодательства (УПК, УИК, иные законы и т.д.). Их, равно как и уголовно-правовые предписания союзных актов, необходимо переместить в УК РФ.*

Со сказанным логически связан еще один вопрос: не содержит ли УК РФ норм иной, помимо уголовного права, отраслевой принадлежности? Ближайшее рассмотрение Кодекса позволяет дать на него положительный ответ. Так, в примечаниях 2 и 3 к ст. 201 УК регламентирован особый порядок уголовного преследования в случае, если деяние главы 23 УК причинило вред интересам исключительно коммерческой организации, не являющейся государственным или муниципальным предприятием. Очевиден уголовно-процессуальный характер данных предписаний⁶⁴. С равным успехом законодатель мог закрепить в УК порядок уголовного преследования по делам частного обвинения (ст. 115, 116, ч. 1 ст. 129 и ст. 130 УК), но он этого обоснованно не сделал, поскольку в Кодекс объединяются нормы и другие предписания с общим предметом и методом правового регулирования.

Отсюда подчеркнем также недопустимость размещения в УК предписаний другой отраслевой (не уголовно-правовой) принадлежности.

Подведем итог. Источниками действующего российского уголовного права, помимо УК РФ, в настоящее время являются: 1) неотмененные нормативные акты СССР, содержащие уголовно-правовые предписания, 2) постановления об амнистии; 3) решения Конституционного Суда РФ уголовно-правового характера; 4) нормативные акты РФ, включающие уголовно-правовые

⁶⁴Т.А. Лесниевски-Костарева утверждает, что в этих примечаниях содержится специальный вид освобождения от уголовной ответственности (см.: Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: Теория и законодательная практика. М, 1998. С. 149). Вряд ли это так, ведь специальным видам освобождения (ч. 2 ст. 75 УК) корреспондирует ст. 28 УПК РФ. Положения же примечаний 2 и 3 к ст. 201 продублированы в другой статье УПК – ст. 23. Таким образом, сам законодатель подчеркнул их отличие от указанных видов освобождения.

предписания (в том числе УИК РФ и УПК РФ); 5) постановления Пленума Верховного Суда РФ, содержащие новые, в сравнении с УК РФ, положения. *Первые три из них должны быть признаны также частью уголовного законодательства РФ.*

С позиции уголовного правотворчества акты, указанные под номерами 1, 4 и 5, не имеют права входить в круг источников уголовного права. Уголовно-правовые предписания союзных (1) и российских актов (4) должны быть перемещены в УК РФ. Предписания Пленума Верховного Суда РФ, не являющиеся толкованием УК (5), незаконны, а потому подлежат исключению из соответствующих постановлений. В случае правильности их по существу (их целесообразности) они подлежат отражению в УК в рамках установленной процедуры уголовного правотворчества (напомним, что в силу ч. 1 ст. 104 Конституции РФ Верховный Суд РФ обладает правом законодательной инициативы).

Спектр же *источников регулирования отношений, входящих в предмет российского уголовного права*, еще шире, поскольку он включает все пять источников уголовного права, указанные выше, и дополнительно: Конституцию РФ (конституционно-правовые нормы которой действуют непосредственно), международные акты (международные договоры РФ и решения Европейского суда по правам человека, имеющие приоритет перед национальным уголовным правом), а также УК РСФСР 1960 г., который применяется к преступлениям, совершенным в период его действия (если УК РФ не улучшает положение лиц, их совершивших).

Правильное и цельное представление законодателя о реальном круге источников уголовного права и уголовно-правового регулирования весьма важно для эффективного осуществления уголовного правотворчества и, в частности, для обеспечения высокого качества его актов. Исходя из изложенного выше, *законодатель, разрабатывая уголовный закон или совершенствуя его, обязан соотносить создаваемые нормы с Конституцией РФ, решениями Конституционного Суда РФ, международными договорами РФ и решениями Европейского суда по правам человека.* Он в ближайшей перспективе должен закрепить в УК РФ уголовно-правовые предписания союзных и российских нормативных

актов, а также отдельные положения постановлений Пленума Верховного Суда РФ.

Контрольные вопросы

1. Что понимается под уголовным правотворчеством?
2. Какие компоненты образуют механизм уголовного правотворчества?
3. Почему для определения понятия законодательной техники необходимо правильное представление о механизме уголовного правотворчества?
4. Что такое криминализация?
5. Какие факторы учитываются законодателем в ходе криминализации?
6. Какие направления деятельности, помимо криминализации, можно выделить в уголовном правотворчестве?
7. В чем состоят различия между понятиями источников: уголовного права, уголовного законодательства и уголовно-правового регулирования?
8. Назовите источники уголовного законодательства РФ, помимо УК РФ.
9. Назовите источники уголовного права РФ, кроме УК РФ.
10. Сформулируйте перечень источников уголовно-правового регулирования.
11. Являются ли источниками уголовного права РФ Конституция РФ и международные акты?
12. Можно ли отнести к кругу источников уголовного права постановления Пленума Верховного Суда РФ и судебные прецеденты?
13. Необходимо ли, на Ваш взгляд, законодательно изменить ч. 1 ст. 1 УК, отождествляющую уголовное законодательство РФ и УК РФ?
14. Допустимо ли формулирование уголовно-правовых предписаний в УИК РФ, УПК РФ и других нормативных актах, не относящихся к уголовному законодательству?
15. В чем польза изучения источников уголовно-правового регулирования для уголовного правотворчества?

ГЛАВА II. ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА В УГОЛОВНОМ ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ: ПОНЯТИЕ, СИСТЕМА, СООТНОШЕНИЕ СО СХОДНЫМИ ПОНЯТИЯМИ

§ 1. Понятие и система законодательной техники, ее место в механизме уголовного правотворчества

Весьма ценные замечания о качестве законов, необходимости последовательно, четко и ясно выражать законодательную мысль можно встретить уже у Платона, Сенеки, Цицерона. Позднее об этом писали Бэкон, Монтескье, Беккариа, Марат. Однако пионером в области теории законодательной техники, первым, кто осуществил ее разработку в целом, а не отдельных аспектов, по праву считается Иеремия Бентам. В период с 1811 по 1831 гг. им был написан труд под названием «Номография», опубликованный уже после смерти ученого в 1843 г. В этом сочинении Бентам рассмотрел преимущественно вопросы, касающиеся внешнего оформления нормативных актов (их структуры, языка и т.д.), а также классифицировал «формальные» недостатки законодательства (двусмысленность, громоздкость, беспорядочность и др.)⁶⁵. Продолжили дело Бентама в России М.А. Унковский, П.И. Люблинский, М.М. Гродзинский; в Германии – Иеринг, Вах; в Великобритании – Ильберт; в Швейцарии – Штосс; во Франции – Жени. В результате усилий данных и многих других исследователей учение о законодательной технике окончательно оформилось в самостоятельную отрасль знаний. Тем самым было положено начало длительной истории поисков и находок, разочарований и удачных решений в данной области правоведения.

⁶⁵ «Аннотацию» этой работы Бентама мы находим у проф. П.И. Люблинского (см.: Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного закона. Пг., 1917. С. 3–8).

История свидетельствует, что интерес науки к вопросам законодательной техники пробуждается в период масштабного обновления законодательства, однако достигает своего пика, как ни странно, в первое время после завершения правотворческих работ. Как верно заметил по этому поводу М.М. Гродзинский, в период кипучей работы по созданию нового права все внимание сосредоточивается на его сущности, в связи с чем требования законодательной техники отходят на второй план⁶⁶. И лишь позднее ученые начинают надлежащим образом заниматься этими вопросами. Не стали исключением в этом плане и законодательно-технические аспекты современного отечественного законодательства. По окончании основного этапа кодификационных работ, когда стали выявляться дефекты «второго плана», российская наука внесла проблемы законодательной техники в повестку дня. Итогом явилось опубликование крупных трудов (в том числе коллективных) по рассматриваемой теме⁶⁷.

Вместе с тем анализ данных работ показывает, что в настоящее время ученым не удалось достичь единства во взглядах на законодательную технику, как не удалось это сделать и предшествующим поколениям юристов. Не произошло примирения по большинству принципиальных вопросов – о понятии упомянутой техники, ее компонентах, соотношению с родственными категориями и т.п. Очевидно, что такая ситуация в значительной мере снижает эффективность научного поиска в рассматриваемом направлении, что в конечном итоге негативно сказывается на качестве принимаемых нормативных актов.

Задавшись целью разобраться в этих вопросах, в первую очередь обратим внимание на сложившееся в науке понимание зако-

⁶⁶ См.: Гродзинский М.М. Законодательная техника и Уголовный кодекс // Вестник советской юстиции. № 19 (125). Харьков, 1928. С. 558.

⁶⁷ См., в частности: Керимов Д.А. Законодательная техника: Научно-методическое и учебное пособие. М., 1998; Законодательная техника: Научно-практическое пособие / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М., 2000; Проблемы юридической техники / Под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000; Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сб. статей: В 2 т. / Под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2001.

нодательной техники в узком и широком смысле (так называемый *дуализм в ее трактовке*). Сторонники широкого подхода пытаются объять понятием анализируемой техники, наряду с техническими операциями по созданию нормативных предписаний, иные правотворческие компоненты, чаще всего – организационно-процедурные правила законоподготовительной деятельности. Так, Д.А. Керимов, Л.С. Явич и их соавторы отмечают, что правила законодательной техники регулируют, среди прочего, «вопросы организации законоподготовительной деятельности: составление и редактирование законопроектов, согласование их с заинтересованными ведомствами, получение необходимых виз и заключений, предварительное обсуждение проектов, в том числе и всенародный референдум»⁶⁸. В содержание законодательной техники включают в этом случае также нормы, закрепляющие основную правотворческую процедуру (законодательную инициативу, порядок внесения и рассмотрения проектов и др.)⁶⁹, правила и приемы опубликования законов⁷⁰, организационно-методические правила перевода актов с одного языка на другой⁷¹. Рамки законодательной техники расширяют также путем отнесения к ее содержанию требований того, чтобы нормативные акты содержали указание на дату и место их принятия, а также подпись должностного лица⁷².

⁶⁸ Законодательная техника / Под ред. Д.А. Керимова. Л., 1965. С. 4. См. также: Керимов Д.А. Кодификация и законодательная техника. М., 1962. С. 44–47; Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / Под ред. С.Н. Братуся и И.С. Самощенко. М., 1962. С. 185.

⁶⁹ Законодательная техника / Под ред. Д.А. Керимова. С. 5.

⁷⁰ См.: Венгеров А.Б. Теория государства и права. Ч. 2. Теория права. Т. 2. М., 1996. С. 45; Дмитриевцев К.Н. Процесс правотворчества в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1994. С. 23.

⁷¹ См.: Пиголкин А.С. Подготовка проектов нормативных актов (организация и методика). М., 1966. С.9; Бойко Л.М. Законодательная техника (теория и практика): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ташкент, 1984. С. 7.

⁷² См.: Общая теория государства и права: Академический курс: в 2 т. / Под ред. М.Н. Марченко. Т. 2. Теория права. М., 1998. С. 367–368 (автор соответствующей главы – А.Ф. Черданцев).

Надлежащая организация работы по подготовке проектов нормативных актов, процедура их принятия и подписания играют, безусловно, важную роль в правотворчестве, но непосредственного отношения к выработке нормативных предписаний не имеют. Процедурно-организационные правила лишь регулируют специфические социальные связи, которые возникают при решении собственно *технических* вопросов – определении стиля, языка, логики и структуры нормативных актов⁷³. Л.Л. Кругликов верно подметил, что при столь широкой трактовке законодательная техника «смыкается с понятием правотворчества, нормообразования, с технологией подготовки, обсуждения, принятия и опубликования правовых актов...»⁷⁴. Е.В. Ильюк полагает даже, что законодательная техника, рассматриваемая в широком смысле слова, тождественна теории правотворчества⁷⁵. Вряд ли можно вести речь о тождестве (поскольку теория правотворчества не исчерпывается процедурными и техническими вопросами), но тенденция включения в содержание данной техники практически всех правотворческих компонентов, свойственная широкому подходу, обозначена верно.

Уязвимость такого воззрения на законодательную технику осознают и его приверженцы. Например, Ю.А. Тихомиров признает, что он и другие сторонники широкого понимания техники «сближают ее с элементами законодательного процесса»⁷⁶. Упомянутое «сближение», заметим, выразилось в том, что коллективный труд о законодательной технике, редактором которого является Ю.А. Тихомиров, ровным счетом ничего не оставил на долю теории законотворчества (в этой работе проанализированы

⁷³ Одним из первых выступил с критикой включения в понятие законодательной техники организационно-процедурных правил В.М. Горшенев (см.: Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972. С. 246–250).

⁷⁴ Кругликов Л.Л. О средствах законодательной техники в уголовном праве // Проблемы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. Ярославль, 1996. С. 4.

⁷⁵ См.: Ильюк Е.В. Законодательная техника построения диспозиции статьи уголовного закона: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1989. С. 6.

⁷⁶ Законодательная техника / Под ред. Ю.А. Тихомирова. С. 9.

не только организационно-процедурные вопросы, но и сущностные аспекты правотворчества – познание объективных закономерностей и т.п. вопросы). Однако, поясняет далее ученый, «авторы считают такое "расширенное наполнение" оправданным, поскольку оно способствует более строгой связи содержательных и формально-юридических средств подготовки законов»⁷⁷.

Надо сказать, что вряд ли сегодня найдутся ученые, которые попытаются оспорить строгую связь познавательных, содержательных, формальных и организационно-процедурных элементов правотворчества. Более того, эти процессы в своем единстве образуют настоящий сплав. В то же время тесная взаимосвязь указанных компонентов отнюдь не приводит к утрате ими относительной автономности. И задача правовой науки как раз и видится в том, чтобы, изучая правовое явление в комплексе (в данном случае правотворчество), вычленить его составляющие и подвергнуть их отдельному анализу (только такой подход создает благоприятные условия для их дальнейшего синтеза в теорию правотворчества).

Таким образом, следует признать несостоятельной широкую трактовку законодательной техники, по сути дела «растворяющую» ее в понятии правотворчества.

При узком подходе под законодательной техникой подразумевают совокупность средств, приемов, методов, операций и т.п. компонентов, задействуемых в процессе выработки нормативных актов с целью обеспечения их совершенства. Техника связывается здесь со стадией «собственно технического построения норм с присущими ей техническими средствами и приемами...»⁷⁸. Предвестником этого подхода явилось учение Иеремии Бентама, который, как уже упоминалось, исследовал проблемы внешнего оформления права. У Бентама нашлись многочисленные последователи, отождествившие законодательную технику с его «но-

⁷⁷ Законодательная техника / Под ред. Ю.А. Тихомирова.

⁷⁸ Нашиц А. Правотворчество: Теория и законодательная техника. М., 1974. С. 138. В этом же ключе рассматривали законодательную технику П.И. Люблинский (см.: Люблинский П.И. Указ. соч. С. 2) и А.М. Винавер (см.: Винавер А. Законодательная техника // Право и жизнь. 1926. Кн. 2 – 3. С. 5).

мографией», т.е. с вопросами языкового оформления правовых норм и структуризацией нормативных актов⁷⁹.

Некоторые ученые решили не ограничивать законодательную технику рамками внешнего оформления права и добавили к названным также вопросы выработки структуры права (например, А.А. Ушаков⁸⁰, Д.А. Ковачев⁸¹, С.С. Алексеев⁸²). Эта позиция представляется правильной, но и она, на наш взгляд, нуждается в развитии и дополнении.

Сторонники узкого понимания законодательной техники отмечают, что она не относится к содержанию права. Еще Р. Иеринг подчеркивал, что вопрос о материальной пригодности права не принадлежит к технике права⁸³. А.В. Наумов полагает даже, что исключение содержательно-правового аспекта вообще является главным в подходе к определению законодательной техники⁸⁴. Нам эти высказывания представляются верными в том смысле, что законодательная техника не участвует в выработке *существа* правовой нормы. А что касается содержания права, то к нему упомянутая техника, как представляется, имеет самое прямое отношение.

Для обоснования высказанной мысли напомним, что механизм правотворчества включает, на наш взгляд, три базовых компонента: 1) формирование законодательной воли; 2) перевод законодательной воли в содержание и структуру уголовного права; 3) перевод законодательной воли во внешнюю форму уголовного права.

⁷⁹ См., напр.: Семенов И.А. Законодательная техника советского уголовного права. С. 11. Подробнее об этом см.: Нашиц А. Указ. соч. С. 144.

⁸⁰ См.: Ушаков А.А. О понятии юридической техники и ее основных проблемах. С. 82–83.

⁸¹ См.: Ковачев Д.А. О понятии законодательной техники // Учен. зап. ВНИИ СЗ. Вып. 18. М., 1969. С. 31–35.

⁸² См.: Алексеев С.С. Указ. соч. С. 273.

⁸³ См. Иеринг Р. Юридическая техника / пер. с нем. Ф.С. Шендорфа. СПб., 1905. С. 22.

⁸⁴ См.: Наумов А.В. Форма уголовного закона и ее социальная обусловленность // Проблемы совершенствования уголовного закона. М., 1984. С. 19.

Законодательная воля определяет существо правового решения, представляет собой замысел творца права, который он хочет воплотить в содержании права. И воплощение этого замысла так же не лишено технического субстрата, как и процесс внешнего оформления права. Так, при формировании идеи запретить под страхом наказания какое-либо деяние учитывается множество факторов, в том числе идеологические, политические, экономические, социальные, исторические. Важное значение на данном этапе имеет учет криминологических правил. Описываемое в уголовном законе деяние должно быть общественно опасным, достаточно типичным (не единичным), но не слишком распространенным и т.д.

В дальнейшем проект уголовно-правового запрета, подкрепленный данными криминологии, следует четко проработать с позиции содержания и формы. Вот эта проработка и является технической стадией воплощения воли законодателя в праве. На этом этапе создаваемый запрет обретает форму состава преступления, законодатель использует определенный тип его конструкции, типизирует его элементы, согласует их между собой, логически корректно определяет границы основного и квалифицированного состава и т.д. Эти технические приемы значительно корректируют содержание уголовно-правового запрета, но его сущность они не видоизменяют. Однако эти *технические операции по переводу законодательной воли в правовое содержание* традиционно упускаются из виду сторонниками узкого подхода к законодательной технике⁸⁵.

Сущностные же аспекты правотворчества, к которым законодательная техника, действительно, не имеет никакого отношения, присущи процессу формирования законодательной воли. В связи с этим мы полностью солидарны с Ф. Жени, который против-

⁸⁵ Кстати, С.С. Алексеев в 1982 г., акцентируя основное внимание на прямой привязанности техники к внешней форме и структуре права, вскользь упомянул о том, что она относится и к содержанию права (см.: Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 2. С. 273). Это было большим шагом вперед, если учесть, что еще в 1973 г. выдающийся ученый связывал понятие законодательной техники лишь с формой права (см.: Алексеев С.С. Проблемы теории права. С. 139).

поставил законодательную технику «основным, субстанциальным элементом юриспруденции – элементом моральной и социологической природы»⁸⁶. К сущностным аспектам правотворчества относятся, к примеру, решения о необходимости криминализации и декриминализации деяний, пенализации и депенализации. Эффективность применения правовой нормы, конечно же, зависит от законодательной техники, от того, насколько искусно выработаны содержание и форма данной нормы. Однако главным образом ее эффективность определяется сутью, т.е. сущностью правовой нормы, тем, насколько соответствует реалиям законодательная воля. Уголовно-правовые предписания, не обусловленные социально, являются «мертворожденными» (видимо, прав был Герберт Спенсер, рекомендуя законодателю «прежде чем вмешиваться в социальные процессы, тщательно их изучить»⁸⁷).

Следовательно, вполне мыслимо создание совершенного с точки зрения законодательной техники права, но не работающего на практике. Так, многие предписания УК РФ можно до бесконечности «шлифовать», повышая уровень технического совершенства их содержания и формы, однако от этого эффективно работать они не начнут. В равной мере *мыслимо создание технически совершенного законодательства, но не соответствующего понятиям о добре и справедливости, к примеру, дозволяющего убийства и грабежи, работоторговлю*. К этим – сущностным – аспектам законодательная техника безразлична. С позиции законодательной техники важно, чтобы *содержание* даже такого аморального законодательства было, среди прочего, логичным, системным, внутренне непротиворечивым, а также характеризовалось оптимальными дефинициями, классификациями и законодательными конструкциями.

Предвидим возражения, что законодательная техника не участвует в образовании *содержания права*, так как это дело политики, экономики и т.д. Но оппоненты будут правы, на наш взгляд,

⁸⁶ См.: Жени Ф. Законодательная техника в современных гражданско-правовых кодификациях // Журнал Министерства юстиции. № 8. Октябрь. 1906. С. 125.

⁸⁷ Спенсер Г. Грехи законодателей // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 134.

лишь отчасти: ей безразлична сущность правового регулирования, но не его содержания (юридически *прописываемого* содержания). *Существо* законодательного решения формируется без помощи исследуемой техники, потому что делает это законодатель, действительно опираясь на политические, социологические и другие правотворческие факторы (подробно описанные в первой главе пособия), а не на технические средства и приемы. Техника подключается тогда, когда законодатель в принципе собрался с мыслями, решил, что он хочет сказать, и только затем взялся выразить свою волю в праве. Скажем, решил запретить разбои. В жизни эти деяния в завершенном виде предполагают не только нападение, но изъятие и последующее обращение имущества в пользу виновного. Однако чисто *технически* законодатель предпочел перенести момент окончания разбоя на более раннюю стадию – стадию приготовления (ст. 162 УК), т.е. сконструировал состав разбоя по типу усеченного⁸⁸. Здесь хорошо видно, что не законодательная техника предопределяет выбор запрещаемого деяния – это сущностный процесс, но она *предоставляет в распоряжение законодателя арсенал средств и приемов для оптимальной выработки содержания правового решения*. Оптимального содержания не с точки зрения того, как данное решение будет работать на практике, а с позиции соответствия задумке законодателя. Верна ли задумка, идея – вопрос существа дела и не затрагивает законодательную технику. Хотя может быть в нем, этом вопросе, и заключается «соль» правообразования.

Но содержание лишь мысленно можно отделить от формы. В реальности они не существуют друг без друга. «Форма содержательна, содержание оформлено», – гласит известный философский постулат. В конкретных предметах, конкретизирует его

⁸⁸ Надо сказать, что в одном из проектов УК состав разбоя был сконструирован по типу материального, что представляется более правильным. Однако этот проект вызвал резкую критику (см., напр.: Тенчов Э.С. Преступления против собственности в проекте Уголовного кодекса // Вопросы уголовной ответственности и ее дифференциации (в проекте Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации). Ярославль, 1994. С. 87). В итоге было принято решение вернуться к старой (ст. 146 УК 1960 г.) – усеченной – форме описания данного преступления.

Ж.Т. Туленов, содержание и форма существуют в непрерывном единстве⁸⁹. Это в полной мере относится и к праву. «Создание права, – правильно писал А.А. Ушаков, – происходит одновременно, в единстве содержания и формы»⁹⁰. Форма имеет большое значение (как сказали бы философы, она активна). Вообще, для любого творца, по справедливому замечанию Гегеля, «служит плохим оправданием, если говорят, что по своему содержанию его произведения хороши (или даже превосходны), но им недостает надлежащей формы»⁹¹.

Форма права подразделяется на внутреннюю и внешнюю. При создании *внутренней формы* выделяются отрасли, подотрасли, институты и, наконец, «кирпичики» – нормы и нестандартные нормативно-правовые предписания. Таким образом, создается скелет права, его *структура*. *Внешняя форма* права прежде всего представлена в его языковой оболочке и структуре нормативного акта (если право выражено в такого рода источнике). Отсюда в правообразовании явно просматривается процесс внешнего оформления права, в ходе которого также используются специфические средства и приемы (термины, примечания, перечневый и ссылочный приемы и т.д.).

*Таким образом, понятие законодательной техники объемлет, на наш взгляд, выработку как внешней формы, так структуры и содержания права, за исключением его сущности. В дальнейшем мы не будем оговаривать, что сущность права определяется законодательной волей (политикой, экономикой, национальными и географическими особенностями страны и др. факторами), а потому, хотя и входит в содержание права, к законодательной технике отношения не имеет*⁹².

⁸⁹ См.: Туленов Ж.Т. Взаимосвязь категорий диалектики. М., 1986. С. 30.

⁹⁰ Ушаков А.А. Методологические основы и законодательный метод в советском правотворчестве // Учен. зап. Перм. гос. ун-та (юрид. науки). Пермь, 1966. С. 136.

⁹¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. I. М., 1986. С. 225. Добавим, что еще древние греки провозгласили основой классического искусства гармонию содержания и формы.

⁹² Кстати, вполне возможно противопоставление законодательной технике как искусству оформления законодательной воли *техники формирования этой воли* (т.е. техники выработки сущности правового решения).

Для обозначения процесса внешнего оформления права считаем целесообразным оперировать термином «*внешняя законодательная техника*»⁹³. Механизм же образования содержания и структуры права обозначим термином «*внутренняя законодательная техника*».

Очевидно, необходимо проиллюстрировать работу той части законодательной техники, которая относится к построению содержания права, т.е. внутренней техники. К ее компетенции относятся, в частности, вопросы согласования между собой различных фрагментов правового содержания. К примеру, из содержания УК явствует, что умышленные преступления наказываются строже неосторожных (такова воля законодателя). Подход очевидно справедливый, но могло быть и наоборот. В любом случае выбор одного из этих подходов лежит за рамками законодательной техники. Ее задача сводится к другому – последовательно провести в законе (его содержании и форме) задуманную линию, будь она справедливой или несправедливой. Отсюда отступления в нынешнем УК от избранного законодателем на стадии формирования воли справедливого подхода – результат недоработок внутренней законодательной техники.

Например, сейчас умышленное уничтожение чужого имущества, повлекшее причинение крупного ущерба, который охватывался умыслом виновного, наказывается по ч. 1 ст. 167 УК. То же деяние, причинившее крупный ущерб по неосторожности, квалифицируется по ч. 2 этой же статьи, т.е. строже. Причина – во внутренней противоречивости положений ч. 1 и ч. 2 данной ста-

Последняя, думается, должна включать ряд правил криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации, приемы прогнозирования, правила проведения научного эксперимента, анкетирования населения и тому подобные вопросы.

⁹³ Следует заметить, что рядом ученых (в частности, Ф. Жени и А.А. Ушаковым) термин «внешняя законодательная техника» употреблялся для обозначения организационно-процедурной стороны правотворчества (см.: Жени Ф. Указ. соч. С. 131–132; Ушаков А.А. О понятии юридической техники и ее основных проблемах // Ученые записки ПГУ им. А.М. Горького. Т. XIX. Вып. 5 (юрид. науки). Пермь, 1961. С. 3). Однако, как мы уже отмечали, эти вопросы не входят, на наш взгляд, в круг законодательно-технических.

тьи, которой при надлежащем согласовании основного и квалифицированного составов можно было избежать (чтобы сделать это сейчас, достаточно исключить из текста ч. 2 ст. 167 слова «по неосторожности»).

Еще одним примером недоработки внутренней законодательной техники является п. «д» ч. 2 ст. 117 УК во взаимосвязи с примечанием к данной статье. Часть 1 ст. 117 УК определяет истязание как причинение физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями. Данное деяние наказывается заметно строже, если оно сопровождается применением пытки (п. «д» ч. 2 ст. 117). Однако точного перевода воли законодателя в содержание уголовного права не получилось. В данном случае воля состоит в том, чтобы строже наказать истязание с «особыми мучениями». Перевод воли в содержание осуществляется с опорой на логические правила. Поэтому логически должны быть согласованы основной и квалифицированный составы преступления.

Согласно же примечанию к ст. 117 УК, под пыткой понимается причинение физических или нравственных страданий в целях понуждения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека, а также в целях наказания *либо в иных целях*. Получается, что любое причинение страданий уже само по себе есть пытка, поскольку последняя не ограничена закрытым перечнем целей. В принципе это правильно, поскольку понятие пытки должно лежать в объективной плоскости и связываться с особыми страданиями потерпевшего, а не с целями, которые преследует истязатель. Законодатель этого не учел, попытался привязать понятие пытки к целям и в итоге допустил логическое пересечение между основным и квалифицированным составом. Таким образом, точного перевода воли законодателя в содержание уголовного права не получилось. Если бы законодатель задумался о согласовании содержания, он бы более логично определил понятие пытки как квалифицирующего признака истязания.

Невысокий уровень внутренней техники, как нам представляется, продемонстрировал законодатель и при реконструировании в 2002 г. основного состава незаконного предпринимательства (ч. 1 ст. 171 УК). С принятием в 2002 г. Федерального закона

№ 72 в ч. 1 ст. 171 УК появилось указание на представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию, документов, содержащих заведомо ложные сведения⁹⁴. Теперь из текста ст. 171 УК следует, что представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию, документов, содержащих заведомо ложные сведения, само по себе может причинить крупный ущерб. Разумеется, это не так, поскольку ущерб наступает в результате осуществления предпринимательской деятельности.

Можно было, конечно, сформулировать диспозицию точнее (например, «осуществление предпринимательской деятельности с нарушением правил регистрации, в том числе путем представления таких-то сведений»), но дело даже не в этом. Предоставление ложных сведений – разновидность нарушения правил регистрации, в связи с чем указание на этот способ явно излишне. Из понятия основного деяния – «осуществление предпринимательской деятельности с нарушением условий регистрации» – уже следует, что если фирма или индивидуальный предприниматель при такой регистрации сообщили заведомо ложные сведения, налицо нарушение условий регистрации и, при наличии крупного ущерба либо дохода, наличествует состав незаконного предпринимательства (именно по такому пути шла практика и до анализируемой конкретизации). Таким образом, введение в рассматриваемый состав способа в виде предоставления ложных сведений сделало его внутренне противоречивым. Очевидно, что авторы-разработчики этого нововведения недостаточно качественно проработали его содержание и взаимосвязь с иными элементами состава.

Отметим, что воля правотворца в любом случае объективируется с помощью языка (т.е. внешней техники). Однако приведенные выше примеры свидетельствуют не о том, что законодатель подобрал неудачные формулировки предписаний закона, а о том, что он недостаточно хорошо проработал их содержание. Текстуальное несовершенство в данном случае производно от содержательного.

Изложенные выше взгляды на законодательную технику позволяют оценить как небесспорное определение законодательной

⁹⁴ См.: Федеральный закон от 25.06.2002 г. № 72-ФЗ // Российская газета. 2002. 28 июня.

техники, разработанное Н.Ф. Кузнецовой. По ее мнению, указанная техника в уголовном праве означает «систему инкорпорации, кодификации и конструирования уголовно-правовых институтов и норм, обеспечивающую эффективность УК»⁹⁵. Эта дефиниция представляется слишком широкой, поскольку, например, кодифицированное уголовное правотворчество состоит в выработке и сущности, и содержания, и формы уголовного права. Законодательная же техника охватывает не все эти процессы. Кроме того, приведенная дефиниция представляется нелогичной, поскольку понятие конструирования институтов и норм логически пересекается с понятием кодификации. Наконец, эффективность уголовного закона зависит не только и не столько от законодательной техники, сколько от сущности уголовного права (определяемой криминологическими показателями и массой иных факторов). Указанной технике отводится, так сказать, служебная роль – последовательное и точное выражение воли правотворца в уголовном законе.

Трудно согласиться и с подходом К.К. Панько. По его мнению, «законодательная техника – это обусловленная закономерностями развития правовой системы совокупность определенных средств, приемов, правил, используемых в законотворческой деятельности с целью обеспечения высокого качества ее результатов»⁹⁶. На наш взгляд, и в данном определении дается крайне широкая трактовка искомому понятию, поскольку на качество результатов законотворчества оказывает влияние не только законодательная техника, но и сущность правового решения.

Настоящий калейдоскоп мнений наблюдается в науке по вопросу о компонентах законодательной техники. В своих определениях последней И.Л. Брауде, Д.А. Ковачев говорят о правилах⁹⁷; И.К. Ильин, Н.В. Мионов – о приемах и методах⁹⁸;

⁹⁵ Кузнецова Н.Ф. О законодательной технике в уголовном праве // Вестник Моск. ун-та. 2004. № 4. С. 52.

⁹⁶ Панько К.К. Методология и теория законодательной техники уголовного права России. Воронеж, 2004. С. 97.

⁹⁷ См.: Брауде И.Л. Вопросы законодательной техники // Советское государство и право. 1957. № 6. С. 7; Ковачев Д.А. Механизм правотворчества социалистического государства. Вопросы теории. М., 1977. С. 94.

А.С. Пиголкин – о правилах и приемах⁹⁹; Б.А. Миренский – о правилах, средствах, приемах и методах¹⁰⁰; С.С. Алексеев, В.М. Галкин – о средствах и приемах¹⁰¹ и т.д. Некоторые ученые, по всей видимости, не считают данный вопрос принципиальным. В частности, Д.А. Керимов в одной работе определяет законодательную технику как совокупность правил¹⁰², в другой – как систему требований, оперируя, кроме того, понятиями технических средств и приемов¹⁰³. Не решает, как представляется, рассматриваемой проблемы и Ю.А. Тихомиров, именующий любую составляющую законодательной техники термином «элемент»¹⁰⁴.

В то же время выяснение статуса составляющих законодательной техники немаловажно. Во-первых, пока это не сделано, понятие исследуемой техники будет иметь неопределенное содержание. Во-вторых, разные компоненты законодательной техники имеют различную природу, подчиняются самостоятельным законам. Скажем, из-за того, что одни ученые рассматривают юридическую конструкцию как технический прием, а другие – как техническое средство, в теории наблюдаются существенные противоречия в вопросах о ее понятии и механизме работы.

Проанализировав все многообразие проявлений интересующей нас техники, мы пришли к выводу, что *ее первичными компонентами являются средства, приемы и правила*. Средство в узком смысле трактуется как «орудие (предмет, совокупность

⁹⁸ См.: Ильин И.К., Миронов Н.В. О форме и стиле правовых актов (некоторые вопросы законодательной техники) // Советское государство и право. 1960. № 12. С. 66.

⁹⁹ См.: Пиголкин А.С. Указ. соч. С. 10.

¹⁰⁰ См.: Миренский Б.А. Законодательная техника и проблемы уголовного права // Советское государство и право. 1986. № 12. С. 106.

¹⁰¹ См.: Алексеев С.С. Проблемы теории права. Т. 2. С. 139; Галкин В.М. Проблемы уголовно-законодательной техники // Проблемы совершенствования советского законодательства. Тр. 18. М., 1980. С. 170.

¹⁰² См.: Керимов Д.А. Понятие законодательной техники // Вопросы кодификации советского права. Л., 1958. Вып. 2. С. 9.

¹⁰³ См.: Керимов Д.А. Законодательная техника. С. 3.

¹⁰⁴ См.: Тихомиров Ю.А. Законодательная техника как фактор эффективности законодательной и правоприменительной деятельности // Проблемы юридической техники / Под ред. В.М. Баранова. С. 42–43.

приспособлений) для осуществления какой-либо деятельности»¹⁰⁵. Поэтому под средствами законодательной техники должны пониматься не явления или методы (способы), а *sui generis* нематериальные инструменты законодателя, например юридические конструкции (конструкции преступления, освобождения от уголовной ответственности и др.), термины. В отличие от них приемы – это способы в осуществлении чего-нибудь¹⁰⁶. Следовательно, приемы исследуемой техники суть способы построения нормативных предписаний, в том числе соединенные с использованием определенного средства. В качестве их примера можно назвать приемы примечания, дефиниции, непосредственно-определенный и ссылочный приемы изложения нормативных предписаний.

Подчеркнем, что *приемом* является и *использование технического средства*¹⁰⁷. Так, в настоящее время детально исследовано использование языковых средств в праве – законодательный стиль. Говорится о монологическом и т.п. приемах. С.С. Алексеев систему таких приемов именовал законодательной стилистикой¹⁰⁸. В данном случае языковые единицы (к примеру, термины и обычные слова) – это средства, а их употребление – прием законодательной техники. Однако не все приемы сводятся к использованию технических средств. Таковы, например, ссылочный и перечневый приемы.

Правила законодательной техники регулируют применение ее средств и приемов. Скажем, обширный их блок посвящен использованию языковых средств. Имеются в виду правила о недопущении экспрессивности, языковой стандартизованности, композиционности, унифицированности стиля и др. Немало правил регламентирует использование такого технического приема, как дефиниция. Суть этого приема состоит в определении какого-либо понятия, встречающегося в нормативном акте. Правила тре-

¹⁰⁵ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995. С. 749.

¹⁰⁶ См.: там же. С. 580.

¹⁰⁷ См.: Кругликов Л.Л. О средствах законодательной техники в уголовном праве. С. 12.

¹⁰⁸ См.: Алексеев С.С. Проблемы теории права. Т. 2. С. 155.

буют при этом фиксировать в определении существенные, имеющие правовое значение признаки, избегать «порочного круга» в дефиниции и т.д.

Нетрудно видеть, что правила носят зависимый от средств и приемов характер, они как бы привязаны к ним, поэтому вряд ли правильно ставить данные компоненты в один ряд. Думаем в связи с этим, что технические *средства и приемы* следует считать *основными* первичными компонентами в содержании законодательной техники, а *правила* – *производными*.

Средства, приемы и правила мы не случайно называем *первичными* компонентами техники. *Отдельные из них, будучи связанными между собой, могут образовывать, на наш взгляд, и более крупные единицы в содержании законодательной техники.* В данном смысле можно говорить, например, о *методиках* построения санкции и языкового выражения нормативных предписаний, о *методике* структуризации нормативного акта. Здесь возможна аналогия с содержанием права, элементарными единицами, «кирпичиками» («клетками») которого являются нормативные предписания – стандартные (правовые нормы) и нестандартные (например, правовые предписания о принципах и целях)¹⁰⁹. Однако в содержании права можно вычленить и более весомые компоненты – «нормативно-правовые общности» (правовые институты, субинституты и другие блоки однородных предписаний). Роль клеточек в содержании законодательной техники как раз и играют ее средства, приемы и правила, а роль «общностей» – методики.

¹⁰⁹ Мнение о том, что содержание права не исчерпывается нормами права, а включает также нестандартные (нетипичные) предписания, одним из первых высказал В.М. Горшенев (см.: Горшенев В.М. Норма права и иные нормативные обобщения в структуре советского права // Проблемы эффективности правового регулирования. Куйбышев, 1977. С. 4; Он же. Нетипичные нормативные предписания в праве // Советское государство и право. 1978. № 3. С. 115). Данный взгляд весьма убедителен, поскольку нормой права принято именовать *правило поведения*, обладающее к тому же определенной структурой. Однако некоторые правовые предписания лишены таких свойств (например, содержащиеся в ст. 2 УК положения о его задачах), так как они не носят предоставительно-обязывающего характера и не имеют присущей норме права структуры.

Указанные компоненты законодательной техники тесно взаимодействуют, образуя единый механизм оформления воли правотворца. При этом их совокупность обладает, по нашему мнению, всеми признаками *системного образования*. Данная система включает две подсистемы – внутреннюю и внешнюю законодательную технику. Названные подсистемы в свою очередь состоят из элементарных единиц (средств, приемов и правил) и их блоков (методик).

Выше отмечалось, что некоторые ученые говорят о принципах законодательной техники. Действительно, как и в любом информационном массиве, в данной технике также можно определить фундаментальные идеи, которые пронизывают все ее содержание (например, принцип системности). Но самостоятельными элементами техники они, по нашему мнению, не являются. Равно как не являются, например, правовые принципы самостоятельными элементами структуры (системы) права.

Объектом *законодательной техники в уголовном правотворчестве*¹¹⁰ является уголовное законодательство. Состоит оно, прежде всего, из УК РФ, за редкими исключениями, названными в первой главе настоящего пособия. При этом ряд источников уголовного права находится на «нелегальном положении» (УИК, УПК, союзные акты и др.), а потому должны быть отражены в уголовном законодательстве.

Но какова задача законодательной техники? Указанная техника решает, на наш взгляд, задачи разного уровня. Настолько разного, насколько неоднородны компоненты самой техники. Например, язык права призван *максимально точно передать содержа-*

¹¹⁰ Иной термин – напрашивающийся сам собой – «законодательная техника в уголовном праве» представляется неточным. Уголовное право – это «продукт» правотворчества, а потому техника, участвующая при его создании, в само право входить не может. Думается, данное обстоятельство и побудило И.А. Семенова отказаться от такого термина, употребленного им в одной из своих статей (см.: Семенов И.А. О понятии законодательной техники в советском уголовном праве // Проблемы совершенствования законодательства по укреплению правопорядка и усиление борьбы с правонарушениями. Свердловск, 1982). В дальнейшем он оперировал выражениями «законодательная техника уголовного права» и «законодательная техника в уголовном правотворчестве».

ние уголовного права, логические приемы и правила – обеспечить последовательность и внутреннюю непротиворечивость выражения воли законодателя, прием обобщения – компактно разместить уголовно-правовые предписания. И так далее. Думается, что для обозначения этих и всех иных задач, стоящих перед законодательной техникой, вполне пригоден термин «оптимум» (лат. *optimum* – наилучшее). Оптимально означает «наилучший вариант решения какой-либо задачи или достижения какой-либо цели»¹¹¹. Отсюда задачей искомой техники выступает оптимальное выражение воли правотворца в уголовном законодательстве.

Итак, законодательная техника в уголовном правотворчестве представляет собой систему средств, приемов и правил, используемых для оптимального выражения воли правотворца в уголовном законодательстве. Данная система включает две подсистемы – внутреннюю и внешнюю законодательную технику. Названные подсистемы в свою очередь состоят из элементарных единиц (средств, приемов и правил) и их блоков (методик). Законодательная техника объемлет выработку как внешней формы, так структуры и содержания права, за исключением его сущности. Сущность же уголовного права определяется законодательной волей, формируемой на основе познания и учета целой группы факторов (политических, экономических, криминологических, исторических и т.д.).

§ 2. Отграничение понятия законодательной техники от сходных понятий, взаимосвязь с интерпретационной техникой

Вопрос о соотношении понятия законодательной техники с другими, близкими ей категориями, имеет большое значение. Из логики известно, что установление отношений между понятиями позволяет глубже их познать. Поэтому разграничим изучаемый феномен с юридической техникой, правотворческой техникой, законотворческой техникой, нормотворческой техникой, законодательной технологией и некоторыми другими понятиями.

¹¹¹ Современный словарь иностранных слов. СПб., 1994. С. 427.

Понятия законодательной и юридической техники зачастую отождествляются. Такой подход имеет давние традиции. К примеру, известная работа Р. Иеринга в некоторых дореволюционных переводах неточно именовалась как «Законодательная техника». Но большая часть работы Р. Иеринга посвящена отнюдь не ей, а анализу способов познания права (его научной обработки). Его сочинение не случайно названо «Юридическая техника» (хотя науке времен Р. Иеринга был хорошо известен термин «законодательная техника»). Дело в том, что в ней рассматривается едва ли не весь технический компонент в праве (включающий, говоря современным языком, правотворческую, интерпретационную, правоприменительную техники). Отмеченное обстоятельство, к сожалению, не всегда принимается в расчет.

Например, в 2007 г. увидел свет учебник Т.В. Кашаниной «Юридическая техника», который она посвятила 100-летию выхода в России названной книги Р. Иеринга¹¹². Издание Т.В. Кашаниной примечательно не только юбилейной датой, к которой оно приурочено, но и тем, что оно является, по сути дела, первым российским учебником по юридической технике (обладающим целым рядом несомненных достоинств)¹¹³.

Однако и Т.В. Кашаниной не удалось избежать узкой трактовки работы именитого немца: «Речь в книге Р. Иеринга все же шла только о способах создания законов, т.е. о законодательной технике»¹¹⁴. Чтобы убедиться в обратном, достаточно упомянуть, что в качестве двух главных целей юридической техники Р. Иеринг называл усвоение права путем количественного и качественного его упрощения, а также применение права к конкретному случаю¹¹⁵. Таким образом, выдающийся немецкий правовед не

¹¹² См.: Кашанина Т.В. Юридическая техника: учебник. М., 2007.

¹¹³ Подробный анализ данной работы см.: Кругликов Л.Л. Иванчин А.В., Санташов А.Л. Юридическая техника: от Рудольфа Иеринга до наших дней // Проблемы совершенствования юридической техники и дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе: Сб. науч. статей. Вып. 2. Ярославль, 2007. С. 20–30.

¹¹⁴ Кашанина Т.В. Указ. соч. С. 21.

¹¹⁵ См.: Иеринг Р. Юридическая техника; пер. с нем. Ф.С. Шендорфа. СПб., 1905. С. 25–26. Заметим, однако, что указанная работа Р. Иеринга

сводил юридическую технику к законодательствованию. Он проповедовал широкую трактовку искомой техники, понимая под ней искусство в области права, включая, говоря современным языком, и правоприменительную сферу. Справедливости ради заметим, что большинство зарубежных исследователей именно так и передает учение Р. Иеринга о юридической технике, в частности, Жан Луи Бержель¹¹⁶.

Место юридической техники нередко определяют в сфере правотворчества¹¹⁷. Соответственно готовятся учебные программы и дидактические материалы. Вместе с тем все чаще говорят о том, что не нужно замыкать юридическую технику рамками правотворчества. Она присутствует практически во всех видах практики, не менее важна в правоприменении и толковании норм права¹¹⁸. Эта правильная, на наш взгляд, мысль находит в правовой науке все большее признание. Само слово «юридическая», привязанное к понятию техники¹¹⁹, указывает на всю область юридической практики, где требуются определенные знания, умения, сноровка. Отсюда заслуживает поддержки выделение некоторыми учеными различных видов юридической техники. В частности, А.Ф. Черданцев подразделяет последнюю на технику: а) законодательную, б) систематизации нормативных актов, в) их учета и г) индивидуальных актов¹²⁰.

представляет собой фрагмент его знаменитого труда «Geist des Römischen Recht», увидевшего свет в 1883 г.

¹¹⁶ Бержель Ж.-Л. Общая теория права; пер. с фр. М., 2000. С. 506–524.

¹¹⁷ См., например: Венгеров А.Б. Теория государства и права. С. 45; Теория государства и права / Под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. М., 1997. С. 313.

¹¹⁸ См.: Баранов В.М. Предисловие // Проблемы юридической техники. С. 10; Соловьев О.Г. Юридическая техника в механизме уголовно-правового регулирования: проблемы теории и практики: учеб. пособие. Ярославль, 2008. С. 32.

¹¹⁹ В Толковом словаре В. Даля техника определяется как знание, умение, приемы работы и приложение их к делу, обиход, сноровка (см.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. СПб.; М., 1882. С. 404).

¹²⁰ См.: Общая теория государства и права: Академический курс: в 2 т. Т. 2. С. 367–368.

В свете сказанного труднообъяснимой представляется позиция И.Л. Брауде, согласно которой юридическая техника является частью законодательной¹²¹. Недопустима, думается, и другая крайность, т.е. чрезмерно широкое понимание юридической техники. Так, Л. Успенский исходил из столь широкого понимания юридической техники, что в работе о ней рассмотрел практически все вопросы теории права (от источников права до его применения)¹²².

Различие между законодательной и юридической техникой иногда усматривают и в том, что первая должна участвовать в выработке лишь законов¹²³, а вторая – любых нормативных актов, в том числе и подзаконных. Действительно, в строгом смысле слова (буквально) законодательная техника призвана «дать законы». Но с давних пор и по сей день абсолютным большинством ученых (зарубежных и отечественных, включая дореволюционных) ее понятие прилагается ко всей системе нормативных актов – законодательству. Термина, которым обозначался бы процесс технической выработки только подзаконных нормативных актов, попросту не существует. Понятие же юридической техники для наименования этого процесса, на наш взгляд, неприемлемо, учитывая его широкие рамки. Оно не сможет отразить, в частности, самое главное – узкую специфику деятельности по переводу воли правотворца в подзаконный нормативный акт. Да и нет смысла, на наш взгляд, из-за некоторой условности, присущей рассматриваемому термину и понимаемой всеми, пытаться изменить его содержание. Есть и более условные термины («усеченный состав», «квалифицирующий признак», «общие начала назначения наказания» и т.д.), которые успешно выполняют свою функцию короткой и ясной передачи сути явления. Сказанное позволяет, как представляется, оперировать термином «законодательная техника» применительно к процессу выработки всего законодательства.

¹²¹ См.: Брауде И.Л. Указ. соч. С. 55.

¹²² См.: Успенский Л. Очерки по юридической технике. Ташкент, 1927.

¹²³ См., напр.: Тихомиров Ю.А. Указ соч. С. 39; Бражник С.Д. Преступления в сфере компьютерной информации: проблемы законодательной техники: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2002. С. 9.

Понятие правотворческой техники имеет, на наш взгляд, больший объем, нежели понятие законодательной техники. Довольно распространено и иное мнение – о тождестве сравниваемых понятий¹²⁴. Представляется, однако, что правотворческая техника включает в себя и элементы формирования законодательной воли (т.е. сущностные аспекты), и элементы, охватываемые понятием законодательной техники (касающиеся оптимального выражения этой воли). Кстати, криминализация как один из видов уголовного правотворчества также отличается от законодательной техники именно тем, что она включает как выработку существа решения, так и его техническую «доводку». Иными словами, криминализация начинается с идеи уголовно-правового запрета и завершается его выражением в уголовном законе. Только тогда четко определяются границы запрета. Законодательная техника касается лишь той части процессов криминализации, которые состоят в технической проработке содержания и формы состава преступления.

Понятие законотворчества (и производное от него понятие законотворческой техники¹²⁵) находится с понятием законодательной техники в состоянии логического пересечения. С одной стороны, законотворчество трактуется как деятельность по созданию только законов, а законодательная техника, согласно нашей позиции, изложенной выше, призвана обеспечивать совершенство любого нормативного акта, в том числе подзаконного. С другой стороны, законотворческая техника включает в себя и элементы формирования законодательной воли (т.е. сущностные аспекты), и сугубо технические операции по ее переводу в содержание и форму права. Кстати, понятие законотворчества включает и организационно-процедурные аспекты, которые к законодательной технике отношения не имеют.

¹²⁴ См.: Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 2. С. 272; Общая теория государства и права: Академический курс: В 2 т. Т. 2. С. 367.

¹²⁵ Понятие законодательной техники и понятие законотворческой техники (законотворчества) нередко используются как равнозначные. См., напр.: Законодательная техника: Научно-практическое пособие / Под ред. Ю.А. Тихомирова. М., 2000. С. 159; Панько К.К. Методология и теория законодательной техники уголовного права России. Воронеж, 2004. С. 164.

Понятие нормотворческой техники в логическом смысле также пересекается с понятием законодательной техники. С одной стороны, первое понятие подразумевает и процесс формирования законодательной воли, с другой стороны, второе понятие не ограничено построением норм права. Законодательная техника применяется и в ходе выработки нестандартных нормативных предписаний.

В настоящее время в теории права предпринимаются попытки расширить законодательно-технический тезаурус понятиями «законодательная тактика», «законодательная стратегия» и «законодательная технология». В.Н. Карташов полагает, что юридическая техника есть составная часть юридической технологии. В состав законодательной технологии, по его мнению, входят: законодательная техника; законодательная тактика; юридическая стратегия; регламент; показатели, характеризующие качество и эффективность; методы надзора и контроля за законотворчеством. Юридическую же технику составляют лишь средства, инструментальная часть любой юридической деятельности. Средства В.Н. Карташов делит на общесоциальные (понятия, суждения, языки, знаки, буквы и т.д.) и специально юридические (юридические понятия, термины, конструкции и др.). В противовес технике указанный автор выделяет юридическую тактику как совокупность приемов¹²⁶.

Этот подход разделяет и ряд других ученых. В.М. Баранов, например, отмечает, что «все то, что ныне в правовой науке и практике принято обозначать понятием "юридическая техника", правильнее называть "юридическая технология"... Юридическая технология – это совокупность принципов, приемов, процедур

¹²⁶ См.: Карташов В.Н. Законодательная технология: понятие, основные элементы, методика преподавания // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сб. статей: В 2 т. Т. 1. С. 25–26. Взгляды В.Н. Карташова развивают его ученики (см.: Бахвалов С.В. Законодательная технология (некоторые проблемы теории и методологии): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006). См. также: Карташов В.Н., Бахвалов С.В. Правотворческая практика субъектов Российской Федерации (некоторые проблемы законодательной технологии). Ярославль, 2007. С. 31–43.

формирования и реализации всех видов юридической практики, образующих своего рода правовую техносферу, состояние которой определяется уровнем экономического, политического, технического и культурного развития конкретного государства»¹²⁷.

Полагаем, однако, что новизна данного подхода скорее терминологическая, нежели сущностная. Так, частью техники являются ее приемы, которые предлагается охватить понятием тактики. Но что нового это дает? На наш взгляд, в условиях разброса мнений касательно понятия самой законодательной техники внедрение в науку неологизмов малопродуктивно. Целесообразнее пользоваться общепринятыми терминами «законодательная техника» и «юридическая техника», прочно вошедшими в юридический лексикон еще в XIX веке, тем более что приемом является и применение технического средства. Поэтому деление на технику и тактику весьма искусственно, результаты их изолированного рассмотрения вряд ли принесут пользу. Трактовка же технологии мало чем отличается от понятия правотворчества в его структурном аспекте.

Видимо, эти соображения сыграли не последнюю роль при определении названия Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра – «Юридическая техника», президентом которого является В.М. Баранов. Название «Юридическая техника» имеет и научно-практический ежегодник, главным редактором которого является он же, а членом редакционной коллегии – В.Н. Карташов¹²⁸. Но в любом случае подчеркнем, что этот интересный и комплексный подход заслуживает дальнейшего обсуждения в правовой доктрине.

Применение уголовного закона немислимо без его толкования (интерпретации). Именно «с толкованием, – писал еще М.Д. Шаргородский, – связаны самые насущные проблемы судебной прак-

¹²⁷ Баранов В.М. Предисловие // Проблемы юридической техники. С. 13.

¹²⁸ На сегодняшний день уже издано два его номера: Юридическая техника: Ежегодник / Гл. ред. В.М. Баранов. 2007. № 1; Юридическая техника: Ежегодник / Гл. ред. В.М. Баранов. 2008. № 2. Готовится третий выпуск.

тики»¹²⁹. В учении о толковании выделяются средства, приемы и правила их использования, поэтому в доктрине используется понятие интерпретационной техники (техники толкования)¹³⁰. Поскольку «оболочкой» уголовного права является уголовное законодательство, постольку уяснить последнее без проникновения сквозь эту «оболочку» невозможно. Следовательно, именно уголовное законодательство является объектом толкования.

На наш взгляд, в юриспруденции, в том числе в уголовно-правовой доктрине, недооценивается взаимосвязь интерпретационной и законодательной техники. В соответствующих главах учебников при описании толкования уголовного закона традиционно говорится о его понятии и видах в зависимости от субъекта, объема и, наконец, о его способах. При этом обрисовка способов обычно сводится к краткой характеристике систематического и грамматического приемов толкования. О связи этих приемов и толкования в целом с законодательной техникой, как правило, не говорится ни слова.

Однако почему возможно систематическое толкование? Потому, что правотворец системно излагает в уголовном законе свою волю. Почему мы задействуем грамматические приемы? Опять же по указанной причине, ибо законодатель в ходе правотворчества опирается на арсенал языковых средств. «Так как в нормативном акте государственная воля выражена на языке права, то для обеспечения реального действия юридических норм нужен, условно говоря, обратный перевод»¹³¹, – верно подметил С.С. Алексеев. Интерпретация и заключается в этом обратном переводе, расшифровке текста закона. А для расшифровки, как известно, нужно знать шифр или код, в качестве которого выступает в данном случае законодательно-технический инструмента-

¹²⁹ Шаргородский М.Д. Избранные работы по уголовному праву. СПб., 2003. С. 176.

¹³⁰ Об интерпретационной технике в уголовном праве см.: Соловьев О.Г. Юридическая техника в механизме уголовно-правового регулирования: проблемы теории и практики. Ярославль, 2008; Он же. Уголовно-правовые средства охраны бюджетных отношений: проблемы юридической техники. Ярославль, 2008. С. 88–109.

¹³¹ Алексеев С.С. Общая теория права: В 2 т. Т. II. М., 1982. С. 292.

рий. Поэтому знание специфических средств и приемов построения уголовно-правовых предписаний призвано служить, по нашему мнению, прочной основой толкования уголовного закона. Таким образом, *именно знание секретов законодательной техники – ключ к уяснению и объяснению уголовного закона.*

Так, большее значение, нежели сегодня, в процессе толкования уголовного закона необходимо отводить уголовно-правовым конструкциям. Как средство толкования, данные конструкции нацеливают интерпретатора на максимально полное выяснение всех элементов соответствующего законодательного построения. «Юридическая конструкция при толковании норм права дает направление мыслительного процесса интерпретатора, организует его мысли»¹³², – обоснованно писал А.Ф. Черданцев. К примеру, конструкция наказания заставляет нас искать и уяснять элементы наказания. Ее использование требует путем познания соответствующих статей УК ответить, в частности, на следующие вопросы: за какие преступления установлено данное наказание; кто может быть субъектом анализируемого наказания (и соответственно кто – нет); каковы правоограничения, образующие содержание данного вида наказания; каковы его количественные параметры, т.е. минимум и максимум его срока (размера); возможна ли его замена другим наказанием. Ответы на эти вопросы и предопределяют полноту выяснения содержания определенного вида наказания. Отсутствие же у интерпретатора информации хотя бы об одном из элементов юридической конструкции означает неполноту в уяснении содержания законоположений.

Целый раздел законодательной техники образует методика использования языковых средств (о ней речь пойдет в главе четвертой пособия). Языку уголовного закона присуща масса закономерностей. Так, в уголовном законе «по умолчанию» множественное число слова, по общему правилу, используется для обозначения как нескольких соответствующих понятий, так и одного. Например, в диспозиции ст. 245 УК РФ говорится о жестоким обращении с животными. Однако проявление жестокости по отношению и к одному животному образует состав данного

¹³² Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург, 1993. С. 152.

преступления. Разумеется, в таком оформлении содержания есть недостаток. Но его можно преодолеть, если учесть указанный выше технический нюанс в ходе «обратного перевода».

Тем не менее встречаются попытки буквально истолковать закон, считать множественное число прямым волеизъявлением законодателя. В частности, Э.С. Тенчов, ссылаясь, правда, на ст. 49 Конституции РФ о толковании неустраняемых сомнений в пользу обвиняемого, приходит к выводу, что в подобных случаях «совершение деяния против одного лица или в отношении одного предмета вообще не образует преступления»¹³³.

В этой связи в науке предлагалось даже «закрепить в УК соответствующее правило, ограничивающее распространение форм множественного числа на единственное при определении признаков преступного деяния»¹³⁴. Думается, что это правило необходимо адресовать не правоприменителю, а законодателю. Действительно, использование слова во множественном числе в значении единственного не отвечает принципу законности («*nullum crimen sine lege*» – нет преступления без указания на то в законе). Пока же ситуация не исправлена, в ходе толкования нужно учитывать изложенные выше особенности отечественной законодательной техники и идти на крайнюю меру – толковать уголовный закон расширительно.

Таким образом, в перспективе учение об интерпретационной технике должно, на наш взгляд, в большей мере, нежели сегодня, опираться на основы законодательной техники ввиду генетической взаимосвязи этих видов юридической техники.

Контрольные вопросы

1. В чем заключается дуализм в трактовке законодательной техники, и какой из подходов представляется более состоятельным?

¹³³ Тенчов Э.С. Язык уголовного закона // Проблемы юридической техники: Сб. статей / Под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 582.

¹³⁴ Ильюк Е.В. Законодательная техника построения диспозиции статьи уголовного закона. Свердловск, 1989. С. 5.

2. Какие компоненты в механизме уголовного правотворчества можно охватить понятием законодательной техники?

3. Определите понятие законодательной техники в уголовном правотворчестве.

4. Что такое «внутренняя форма уголовного права» и «внешняя форма уголовного права»?

5. Имеет ли законодательная техника отношение к выработке содержания уголовного права?

6. Что понимается под внутренней законодательной техникой?

7. Приведите примеры дефектов УК РФ, характеризующих несовершенство внутренней законодательной техники.

8. Что представляет собой внешняя законодательная техника?

9. Что понимается под средствами, приемами и правилами законодательной техники?

10. Какие компоненты законодательной техники могут быть обозначены как первичные, а какие являются вторичными?

11. Какое место в структуре законодательной техники занимают методики?

12. Чем законодательная техника отличается от правотворческой и законотворческой техники?

13. В чем различие между законодательной техникой и юридической техникой?

14. Какой смысл в понятие юридической техники вкладывал Р. Иеринг?

15. Какова взаимосвязь законодательной и интерпретационной техники в сфере уголовного права?

ГЛАВА III. АНАЛИЗ КОМПОНЕНТОВ ВНУТРЕННЕЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ В УГОЛОВНОМ ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ

§ 1. Проблема определения круга компонентов внутренней законодательной техники, их общая характеристика

Выяснение круга средств и приемов законодательной техники, а также правил их применения во многом зависит от подхода к понятию этой техники. Ряд криминалистов включает в законодательную технику существенные аспекты уголовного правотворчества (аспекты формирования законодательной воли). Так, М.И. Ковалев к законодательно-техническим компонентам причислял принцип экономии репрессии, принципы стабильности и динамичности уголовного законодательства, правило соответствия санкции реальной общественной опасности преступления во всех возможных вариантах его¹³⁵. Д.А. Керимов также пишет, что «стабильность закона – одно из важных требований законодательной техники»¹³⁶.

Думается, что указанные разнородные компоненты выходят за рамки законодательной техники, в том числе *внутренней ее подсистемы*. Они определяют существо уголовно-правовых предписаний и задействуются на стадии формирования законодательной воли.

Правотворец объявляет преступлениями только те деяния, с которыми иными правовыми (неуголовными) средствами бороться невозможно. При установлении уголовно-правового запрета он рассчитывает, что запрещаемые им деяния длительный период времени будут представлять общественную опасность. Однако собственно к объективации воли правотворца в уголовно-

¹³⁵ См.: Ковалев М.И. Советское уголовное право: Курс лекций. Вып. 2: Советский уголовный закон. Свердловск, 1974. С. 186–205.

¹³⁶ Керимов Д.А. Законодательная техника: Научно-методическое и учебное пособие. С. 30

правовых предписаниях названные соображения отношения не имеют. Мыслимо создание совершенного с точки зрения законодательной техники права, но излишне репрессивного и нестабильного. В равной мере сущностным процессом является, на наш взгляд, и установление социально обусловленных санкций.

Поэтому более правильную, как представляется, позицию заняла Н.А. Лопашенко, рассмотрев стабильность кодифицированного акта в качестве принципа кодификации – одной из форм правотворчества¹³⁷.

Сразу же оговоримся, что *реальный спектр первичных компонентов (средств, приемов и правил) внутренней техники столь широк, что даже не представляется возможным сформулировать его закрытый перечень*. Сюда относятся все мыслимые средства, приемы и правила (законы) научного познания, включая богатый логический инструментарий, всевозможные способы и средства организации и проработки правового содержания, отработанные в ходе многочисленных кодификаций инструменты и методы «доводки» содержания права до «кондиции» и т.д., и т.п.

Но если за основу деления взять «объект строительства» и перейти на уровень вторичных компонентов техники (методик), то, по мнению автора, формулирование закрытого перечня таких методик возможно. Дело в том, что все содержание уголовного права можно разделить на закрепленные в нем фактические предпосылки, т.е. простые и сложные юридические факты, фактические составы и фактические группы – составы преступлений, перечни смягчающих и отягчающих обстоятельств, основания освобождения от ответственности и наказаний и т.д.¹³⁸ Любая из этих предпосылок влечет определенные уголовно-правовые последствия (наказание, его уменьшение или увеличение, освобождение от ответственности и наказания и др.). С «инженерной»

¹³⁷ См.: Лопашенко Н.А. Принципы кодификации уголовно-правовых норм. Саратов, 1989. С. 35

¹³⁸ Подробнее о различиях между этими тремя видами фактических предпосылок (отдельными юридическими фактами, их составами и группами) см.: Исаков В.Б. Юридические факты в советском праве. М., 1984. С. 13; Исаков В.Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. Свердловск, 1980. С. 30–46.

точки зрения каждая из предпосылок и каждое последствие должны быть регламентированы в уголовном законе. Поэтому если системно подойти к уголовному праву, то мыслимо определение полного круга методик внутренней техники. Главными же из них являются, на наш взгляд, *методика конструирования состава преступления* и *методика построения санкции уголовно-правовой нормы*. Главенствующее значение данных методик объясняется тем, что большая часть уголовно-правовых норм определяет виды и всевозможные разновидности преступлений, а также наказания за их совершение.

Кроме того, как уже отмечалось, воля законодателя переводится не только в содержание уголовного права, но и в его структуру. Речь идет о создании *внутренней формы уголовного права* – выделения в нем уголовно-правовых предписаний и их общностей, т.е. институтов. Этот процесс призван обслуживать, на наш взгляд, еще один важный вторичный компонент внутренней техники – *методику системного построения уголовного права*.

Охарактеризуем сначала эту методику, затем две указанные выше, после чего рассмотрим разнообразные первичные компоненты внутренней техники.

Методика системного построения уголовного права. Классическим образцом уголовно-правового предписания является правовая норма. Она также имеет свою структуру. Законодатель излагает свои веления не хаотично, а по образцу правовой нормы, т.е. наполняя содержанием каждый ее структурный элемент. Этим достигается внутренняя логика и беспробельность содержания уголовного права. Однако указанное содержание только к нормам не сводится: некоторые веления законодатель излагает не по схеме нормы права (например, об уголовно-правовых принципах в ст. 3 – 7 УК). Данные предписания, напомним, в науке получили наименование «нестандартных», «нетипичных»¹³⁹. Но ос-

¹³⁹ Следует сказать, что в науке широко представлен и иной взгляд на содержание отрасли права, согласно которому его образуют только нормы права (см., напр.: Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975. С. 83; Теория государства и права: Учебник / Под ред. В.К. Бабаева. М., 1999. С. 369–377; Яценко Б.В. Правоположения в уголовном праве // Государство и право. 2000. № 6. С. 34).

тается вне сомнений тот факт, что львиная доля содержания уголовного права заключена все-таки в нормах (правилах поведения). Это обстоятельство легко объясняется, если вспомнить о предназначении любой отрасли права – регулировать поведение людей. Законодатель преимущественно и вырабатывает предписания о правилах поведения, именуемые в юриспруденции правовыми нормами. Отсюда важным приемом указанной методики выступает *построение по типу уголовно-правовой нормы*.

Возникает вопрос, а можно ли говорить о приеме построения нетипичного уголовно-правового предписания? Поскольку какого-то типичного образца нестандартного уголовно-правового предписания не существует, постольку не существует, как представляется, и определенного (единого) технического приема для его выработки.

Однако для создания внутренне непротиворечивого и согласованного содержания уголовного права явно недостаточно изложения законодателем своей воли по формуле «если – то – иначе» либо «если – то» (о том, какая формула имеет, на наш взгляд, больше прав считаться истинной, речь далее). Требуется группировка создаваемых норм, регулирующих однородные общественные отношения (их консолидация). В результате образуются институты уголовного права¹⁴⁰. Во многом прав, на наш взгляд, известный французский ученый Жан-Луи Бержель, утверждающий, что именно «юридические институты обеспечивают гармоничный характер строящейся правовой системы»¹⁴¹.

К сожалению, наука уголовного права в данном вопросе служит слабым подспорьем законодателю (хотя именно она призвана указать ему верный путь). Учение об институтах уголовного права фундаментальной разработки не получило. Как следствие, уголовно-правовым институтом называют порой элементарные

¹⁴⁰ О понятии института права см.: Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975. С. 119–135; Проблемы теории государства и права / Под ред. С.С. Алексеева. М., 1987. С. 216.

¹⁴¹ Бержель Ж.-Л. Общая теория права / Под общ. ред. В.И. Даниленко. / пер. с фр. М., 2000. С. 316.

образования. Например, предписания о необходимой обороне¹⁴², крайней необходимости¹⁴³, добровольном отказе от преступления¹⁴⁴. Нормы, регламентирующие указанные явления, бесспорно важны. Однако правовой институт образует не одна правовая норма, а их система. Отсюда представляется правильным говорить о нахождении упомянутых норм в институте обстоятельств, исключающих преступность деяния, и институте неоконченного преступления. Этими институтами содержание уголовного права, разумеется, не исчерпывается. Отчетливо вырисовываются институты соучастия, назначения наказания, преступлений против жизни и здоровья, половых и имущественных преступлений и др. Таким образом, техническим приемом выступает выражение законодательной воли целыми блоками уголовно-правовых норм, т.е. *построение по типу уголовно-правового института*.

Два указанных выше технических приема и ряд подчиненных им компонентов сводятся к одному знаменателю – выработке структуры права. Поэтому их блок мы сочли возможным назвать *методикой* как более крупным, чем отдельные средства, приемы и правила, компонентом в содержании техники – *методикой системного построения уголовного права*¹⁴⁵.

¹⁴² См., в частности: Побегайло Э.Ф., Ревин В.П. Необходимая оборона и задержание преступника в деятельности органов внутренних дел. М., 1987. С. 5.

¹⁴³ См., например: Антонов В.Ф. Обстоятельства применения института крайней необходимости в деятельности правоохранительных органов: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.

¹⁴⁴ См.: Соколова Н.В. Значение института добровольного отказа от преступления в укреплении социалистической законности // Укрепление социалистической законности и усиление охраны прав граждан. Ташкент, 1966. С. 68–83.

¹⁴⁵ С.С. Алексеев системным построением именовал тот элемент, который мы именуем построением по типу правовой нормы (см.: Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 2. С. 274). Однако система правовой отрасли помимо норм включает и институты (по самым «скромным» представлениям). Поэтому более верно, на наш взгляд, термином «системное построение» обозначать процесс образования всей системы правовой отрасли.

Методика конструирования состава преступления и методика построения санкции уголовно-правовой нормы. Одним из первых попытался вычленить правила построения диспозиций и санкций из однородной законодательно-технической массы М.И. Ковалев¹⁴⁶. До логического завершения данное начинание довел его ученик И.А. Семенов, четко указавший на построение диспозиций и санкций статей уголовного закона как на самостоятельные элементы законодательной техники¹⁴⁷. Обратим внимание, что М.И. Ковалев (а затем и его последователи) писал о построении диспозиций и санкций *статей Особенной части УК*, т.е. о внешней форме права. На уровне содержания уголовного права этим составным частям статьи соответствуют гипотеза и санкция уголовно-правовой нормы. В гипотезе нормы и закрепляется конструируемый состав преступления (подробнее об этом – далее). Поэтому в рамках внутренней законодательной техники правильнее, думается, вести речь о методиках построения *состава преступления и санкции нормы*.

Позднее постаралась разработать первый компонент (построение диспозиции) Е.В. Ильюк¹⁴⁸. Классификация и типология санкций, к которым обращается законодатель при строительстве *Особенной части УК*, была произведена Л.Л. Кругликовым¹⁴⁹, а А.П. Козлов рассмотрел вкуче с другими немало технических вопросов построения различных видов и типов санкций¹⁵⁰.

Заметим, что уральские криминалисты (М.И. Ковалев, И.А. Семенов, Е.В. Ильюк), сосредоточив основное свое внимание на внешней форме права, рассмотрели в основном проблемы языкового выражения указанных уголовно-правовых образова-

¹⁴⁶ См.: Ковалев М.И. О технике уголовного законодательства // Правоведение. 1962. № 3. С. 142.

¹⁴⁷ См.: Семенов И.А. Законодательная техника советского уголовного права. С. 12.

¹⁴⁸ См.: Ильюк Е.В. Законодательная техника построения диспозиции статьи уголовного закона.

¹⁴⁹ См.: Кругликов Л.Л. Классификация уголовно-правовых санкций // Советское государство и право. 1983. № 5. С. 63–67.

¹⁵⁰ См.: Козлов А.П. Уголовно-правовые санкции. Красноярск, 1989; Он же. Механизм построения уголовно-правовых санкций: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1991.

ний (лишь попутно упоминая о разновидностях конструкций составов преступлений и санкций и других вопросах внутренней техники). Между тем языковое изложение диспозиций и санкций *статей* не затрагивает главных – технико-содержательных – аспектов построения *составов преступлений и санкций*. Это взаимосвязанные, но различные аспекты образования составов преступлений и санкций. Касательно санкций это обстоятельство учли другие ученые (в частности, Л.Л. Кругликов и А.П. Козлов), что позволило сделать существенные подвижки в исследовании методики построения санкций. Методика же конструирования состава преступления такой разработки не получила и потому по большому счету является «белым пятном» в учении о законодательной технике¹⁵¹.

Теперь несколько подробнее остановимся на построении санкций. Это крайне трудоемкий процесс, который опирается прежде всего на криминологические данные. Санкция – мерило общественной опасности преступления, поэтому для ее создания важен правильный «замер» уровня вредоносности деяния. К сожалению, даже умозрительный анализ санкций УК показывает, что они не всегда криминологически обусловлены. Например, явные диспропорции наблюдаются между санкциями за похищение человека (ст. 126 УК) и незаконное лишение свободы (ст. 127 УК). Крайней степени несоответствие достигает в частях третьих: ч. 3 ст. 126 предусматривает лишение свободы на срок от 8 до 20 лет, а ч. 3 ст. 127 УК – на срок от 4 до 8 лет. Есть большое сомнение в том, что разрыв в 12 лет между верхними пределами этих

¹⁵¹ Более подробно об этом см.: Иванчин А.В. Методика конструирования состава преступления и совершенствование уголовного закона // Проблемы совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства: Материалы Международной научно-практической конференции. Вологда, 2006. С. 77–82; Он же. Системный подход к конструированию состава преступления // Системность в уголовном праве: Материалы II Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая – 1 июня 2007 г. М., 2007. С. 152–155.; Он же. Конструирование составов преступлений: разработка методики и пути совершенствования // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Пятой Международной научно-практической конференции (24 – 25 января 2008 г.). М., 2008. С. 66–69.

санкций оправдан криминологически, поскольку эти преступления близки (хотя и не одинаковы) по уровню общественной опасности.

Не случайно и в советское время в нашей стране, и сегодня в ряде зарубежных стран ответственность за похищение человека и незаконное лишение свободы предусмотрена в одной статье. При этом явно завышенным представляется максимальное наказание за похищение человека в сравнении с более опасными преступлениями, например убийством (простое убийство наказуемо на срок до 15 лет – ч. 1 ст. 105 УК), захватом заложника (максимумы наказания совпадают – ст. 206 УК). Но равнозначны ли такие объекты, как жизнь и свобода человека? Либо свобода человека и эта же свобода «плюс» общественная безопасность? Риторический вопрос.

Итак, определение наказания за преступление (создание санкции) – процесс во многом сущностный, относящийся к формированию воли законодателя. Но воля законодателя носит абстрактный характер, конкретные же приемы ее перевода в содержание санкции – дело техники. Техника, в частности, решает, должны ли пересекаться санкции основного и квалифицированного составов или же максимум первой санкции должен совпадать с минимумом второй. В УК РФ встречаются оба варианта. Например, санкция ч. 1 ст. 162 УК предусматривает лишение свободы на срок от 3 до 8 лет, а санкция ч. 2 – от 5 до 10 лет, т.е. они накладываются друг на друга. Пересечение составляет 3 года. Иной пример – ст. 128 УК. Здесь санкция ч. 1 грозит лишением свободы на срок до 3 лет, а санкция ч. 2 – от 3 до 7 лет. То есть пересечения вообще нет.

В этом вопросе мы солидарны с М.Н. Каплиным, который убедительно доказывает, что с позиции законодательной техники предпочтительнее первый прием («перехлест санкций»). «Санкции за преступления, предусмотренные ч. 1 и 2 (3,4) одной статьи Особенной части должны пересекаться между собой. Это необходимо потому, что квалифицирующий признак может быть малозначительным (например, превышение крупного размера на 10 рублей, убийство беременной женщины, собиравшейся делать аборт, и т.п.). Не должно быть единых минимальных или макси-

мальных пределов наказуемости для разновидностей одного преступления, поскольку в этом случае выделение квалифицированного состава теряет всякий смысл»¹⁵².

Поэтому санкции ст. 128 УК и им подобные не отвечают требованиям внутренней техники. И уже совсем очевидным браком в построении представляются санкции с разрывом между максимумом за основной состав и минимумом за квалифицированный. Например, санкция ч. 1 ст. 127 УК (незаконное лишение свободы) предусматривает лишение свободы на срок до 2 лет, а санкция ч. 2 – от 3 до 5 лет. Куда девался один год, логически не объяснимо.

В доктрине сформулированы и иные технические правила: *санкция и диспозиция должны также соответствовать друг другу по широте*. Это значит, что «чем выше формализованность диспозиции, тем меньше должен быть интервал между минимумом и максимумом санкции, и наоборот»¹⁵³. «При наличии альтернативных признаков состава широта санкции статьи Особенной части УК должна обуславливаться не только широтой выраженности каждого признака в отдельности, но и возможным сочетанием этих признаков в одном преступлении»¹⁵⁴.

При построении санкции законодатель использует тот или иной их тип, под которым, как отмечает Л.Л. Кругликов, понимается комбинация различных видов санкций¹⁵⁵. В основу типологии санкций названный ученый положил им же разработанное деление санкций статей Особенной части на следующие виды: 1) простые и кумулятивные (критерий деления – наличие или отсутствие в санкции дополнительных наказаний); 2) единичные и альтернативные (критерий – число основных наказаний в санк-

¹⁵² Каплин М.Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья: Дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2002. С. 51.

¹⁵³ Козлов А.П. Уголовно-правовые санкции. С. 32.

¹⁵⁴ Каплин М.Н. Указ. соч. С. 98.

¹⁵⁵ Кругликов Л.Л. Классификация уголовно-правовых санкций // Советское государство и право. 1983. № 5. С. 66–7; Он же. Смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства в уголовном праве (Вопросы теории). Воронеж, 1985. С. 128.

ции); 3) относительно-определенные и абсолютно-определенные (критерий – наличие или отсутствие градации в каждом из основных наказаний, предусмотренных санкцией); 4) с чисто уголовно-правовым содержанием и с указанием на иные меры воздействия (критерий очевиден)¹⁵⁶. Составив из названных видов 4-элементную комбинацию, включающую в себя по одному виду санкции из каждого деления, Л.Л. Кругликов получил 16 теоретически мыслимых типов санкций и установил, что в УК 1960 г. использованы только 10 из них¹⁵⁷.

УК 1996 г., как известно, отказался от закрепления в санкциях статей помимо уголовной иных мер ответственности, поэтому четвертая из приведенных выше классификаций санкций потеряла свое значение (по крайней мере, на сегодняшний день). С учетом этого тип санкции образуется теперь на основе трех первых из вышеназванных подразделений. В связи с этим Л.Л. Кругликов отмечает, что в нынешнем УК встречаются 5 типов санкций: 1) простая, альтернативная, относительно-определенная; 2) простая, единичная, относительно-определенная; 3) кумулятивная, альтернативная, относительно-определенная; 4) кумулятивная, единичная, относительно-определенная и 5) простая, альтернативная, смешанная¹⁵⁸.

Совершенно понятно, что выбор законодателем того или иного типа санкции должен быть последовательным в зависимости от характера посягательства и вида диспозиции, однако какой-либо закономерности в этом процессе сегодня не наблюдается. Трудно говорить даже о том, что законодатель хотя бы интуитивно принимает в расчет названные типы санкций, устанавливая конкретные наказания. Иначе было бы невозможно объяснить существенный разброс в применении единичных и альтернативных, а также простых и кумулятивных санкций. Так, «по четырем из шести разделов Особенной части колебания в соотношении

¹⁵⁶ См.: Кругликов Л.Л. Классификация уголовно-правовых санкций. С. 66-67.

¹⁵⁷ См.: Там же. С. 67.

¹⁵⁸ См.: Кругликов Л.Л. О видах и типах санкций в уголовном законодательстве // Юрид. зап. ЯрГУ им П.Г. Демидова. Ярославль, 1997. Вып. 1. С. 180-181.

составляют 40 – 49% (единичные) и 60 – 51% (альтернативные санкции); в разделе 7 "Преступления против личности" соотношение заметно иное – соответственно 34,5 и 65,5%, а в разделе 12 "Преступления против мира и безопасности человечества" оно качественно иное: 77 и 23%, т.е. абсолютное большинство составляют уже единичные виды санкций»¹⁵⁹. Впрочем, указанные погрешности были присущи и ранее действовавшему законодательству. В частности, И.Я. Козаченко, проанализировав санкции за преступления против жизни и здоровья в советском уголовном законодательстве, также обнаружил изъяны в их построении (бессистемность, несогласованность и пр.)¹⁶⁰.

Но какова законодательно-техническая природа указанных типов санкций? Отметим, что в основе законодательного регулирования всех видов наказаний (штрафа, исправительных работ, ареста, ограничения свободы и т.д.) лежит обобщенная структурная их модель – уголовно-правовая конструкция наказания. Виды же наказаний описаны в ст. 47 – 57 и ст. 59 УК, а не в санкции статьи Особенной части. В последней содержится лишь указание на вид и размер угрожаемого виновному наказания¹⁶¹. Санкция статьи Особенной части УК, таким образом, отсылает к видам наказания, которые построены на базе уголовно-правовой конструкции. Типы же санкции, следовательно, есть не что иное, как различные комбинации таких «отсылок». Очевидно, что сами по себе эти комбинации не являются моделями, а значит, и конструкциями. «Если объекты берутся как нечто элементарное, моделирование лишается смысла. Объекты, исследуемые путем моделирования, должны быть сложными, иметь систему, состоять из

¹⁵⁹ Кругликов Л.Л. О видах и типах санкций в уголовном законодательстве. С. 182. См. также: Он же. Сбои в конструировании санкций в уголовном законодательстве // Юридическая техника: Ежегодник / Гл. ред. В.М. Баранов. № 2. Н. Новгород, 2008. С. 110–114

¹⁶⁰ Козаченко И.Я. Санкции за преступления против жизни и здоровья: обусловленность, структура, функции, виды. Томск, 1987. С. 192–200, 210–211, и др.

¹⁶¹ См.: Уголовное право России: Часть Общая: Учебник для вузов / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 1999. С. 51.

элементов»¹⁶². Отсюда конструирование санкции статьи Особенной части по одному из отмеченных выше типов является, на наш взгляд, особым приемом внутренней законодательной техники, входящим в методику построения санкции уголовно-правовой нормы.

Теперь перейдем к краткой характеристике *первичных компонентов внутренней техники*. Важнейшим средством внутренней техники являются *уголовно-правовые конструкции* (конструкции преступления, наказания, освобождения от уголовной ответственности и др.), элементы которых правотворец задействует при выработке содержания соответствующих законодательных построений (они будут подробно рассмотрены в параграфе третьем данной главы). Отдельные из этих конструкций входят на правах первичного «инженерного» средства в соответствующие методики. Так, конструкция преступления входит в методику конструирования состава преступления, конструкция наказания – в методику построения санкции.

К внутренней технике мы относим также *бланкетный прием формирования уголовно-правовых норм*. Понимаем, что данный подход с позиции сложившихся в теории права взглядов нетрадиционен. Указанный прием анализируется в одном ряду с непосредственным и ссылочным приемами изложения нормативного материала и рассматривается обычно как *способ экономии данного материала, используемый при его внешнем оформлении*¹⁶³. Ссылочный прием предполагает отсылку к тому же самому акту, а бланкетный – к другому. Вместе с тем такое понимание, как нам кажется, не раскрывает истинную природу одного из видов бланкетного приема, а именно – уголовно-правового. Нужно различать ситуации, когда отсылка производится к акту одной (с излагаемым предписанием) отраслевой принадлежности и когда – к иной. Скажем, Федеральный закон «Об акционерных обществах»

¹⁶² Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. С. 125.

¹⁶³ См., напр.: Общая теория государства и права: Академический курс: В 2 т. Т. 2. С. 371–372; Карташов В.Н. Введение в общую теорию правовой системы общества. Ч. 2. Правотворческая практика, система и структура права: Текст лекций. Ярославль, 1996. С. 66.

содержит ссылки на ГК РФ. В данном случае мотив законодателя очевиден – не допускать ненужных повторов. Однако, если ссылка производится на акт другой отраслевой принадлежности, мотив законодателя лежит в иной плоскости – он не рискует вмешиваться в сферу регулирования другой отрасли права. Уголовное право как раз и имеет дело с такой разновидностью бланкетного приема. Поскольку разграничение предметов правового регулирования осуществляется при выработке содержания права, постольку бланкетный уголовно-правовой прием мы причисляем к внутренней законодательной технике¹⁶⁴.

Бланкетный прием в УК РФ использован не всегда оптимально. Так, к уголовной ответственности по ст. 198 УК можно привлечь только лицо, которое либо не представило в налоговый орган декларацию (иные документы), либо представило ее (иные документы), но с искаженной информацией. Вместе с тем уголовный законодатель не учел, что не по всем налогам действующим НК РФ предусмотрена обязанность подать декларацию (иные документы) для уплаты налога. Так, согласно ст. 363 НК РФ налогоплательщики, являющиеся физическими лицами, уплачивают транспортный налог *на основании налогового уведомления*, направляемого налоговым органом. Аналогичное правило установлено и в ст. 397 НК РФ применительно к земельному налогу. Таким образом, сознательная неуплата данных налогов указанными лицами сегодня уголовно не наказуема.

Недооценены системные взаимосвязи уголовного закона и в ст. 312 УК в части описания предмета банковских операций – «денежных средств (вкладов)». Использование скобок наводит на мысль о тождественности данных терминов, что не соответствует действительности. Анализ гражданского, банковского и страхо-

¹⁶⁴ К сожалению, объем настоящей работы не позволяет обсудить вопрос (пожалуй, главный из всех мыслимых) об оптимальной форме этого бланка. Действующий же УК крайне неоднобразен в этом плане. Бланкетные нормы выражаются и путем частичной конкретизации нарушений (ст. 171, 172 и др.), и с помощью «чистых» бланков («нарушение правил...», «незаконное приобретение...» и т.п.). При этом весьма многочисленны подварианты этих двух способов. Потребность в их унификации налицо.

вого законодательства показывает, что под вкладом понимаются денежные средства в валюте РФ или иностранной валюте, размещаемые *физическими лицами* в банке. Понятно, однако, что арестованы могут быть не только денежные средства физических лиц, но и организаций. И неправомерные операции с такими средствами то же подпадают под действие ч. 1 ст. 312 УК. Если вклад – это денежные средства (пусть и размещенные только физическими лицами), то помещение этого термина в скобках после слов «денежные средства» ничего, кроме путаницы, в закон не привносит. Думается, что вполне адекватно мысль законодателя выразила бы и формулировка «денежные средства, на которые наложен арест».

Во внутренней технике резонно, на наш взгляд, выделять также *различные логические средства, приемы и правила*¹⁶⁵. Немаловажная роль в этой методике отводится *приемам определения и деления (в том числе классификации)*. Определение рассматривают обычно в контексте внешнего оформления права¹⁶⁶, что нельзя, по нашему мнению, признать верным. Данный прием применяется в ходе разработки содержания права, поскольку с его помощью определяются *понятия*. Внешнее же выражение образованной дефиниции подчиняется обычным языковым правилам. В результате такой совместной работы внутренней и внешней техник в уголовный закон вводятся дефиниции (легальные определения). Сейчас их немало и в Общей, и в Особенной частях УК. Тем не менее потенциал данного приема использован в УК, как представляется, не в полной мере и не всегда удачно. В примечании к ст. 264, к примеру, понятие «других механических транспортных средств» частично конкретизировано, а затем определено посредством указания на «иные» такие же средства. Полагаем, что ценность подобных определений невелика.

¹⁶⁵ О значении логического компонента в законодательно-техническом «деле» см.: Законодательная техника: Научно-практическое пособие. С. 103–117; Керимов Д.А. Законодательная техника: Научно-методическое и учебное пособие. С. 55–70.

¹⁶⁶ См., в частности: Апт Л.Ф. Правовые понятия в законодательстве // Проблемы юридической техники. С. 301.

Классификация также весьма известный технический прием. Одной из самых первых классификаций, усвоенных законодателем, является систематика преступлений на основании их объекта. М.Ф. Владимирский-Буданов отмечает, что уже «Русская правда» подразделяла преступления в зависимости от их объекта, «рассматривая сначала преступления против личных прав: убийство, нападение на здоровье и на честь, затем преступления имущественные»¹⁶⁷.

Результатом классификации является также категоризация преступлений (ст. 15 УК). Однако с позиции логики сегодняшней ее вариант небезупречен. Фактическим основанием категоризации являются сегодня *два критерия* – максимум наказания в виде лишения свободы (санкция) и форма вины. Сразу же возникает вопрос о допустимости такого двойного учета формы вины, поскольку последняя уже принята во внимание законодателем при конструировании санкции. Ведь санкция является отражением уровня (характера и степени) общественной опасности преступления, а значит, и формы вины тоже. Нелогичность налицо. Законодатель грубо нарушил правило о единстве основания деления.

Последствия игнорирования данного логического правила весьма парадоксальны. Например, нарушение правил дорожного движения, совершенное лицом, находящимся в состоянии опьянения, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц (ч. 6 ст. 264 УК), наказывается по максимуму – *девятью годами* лишения свободы и относится к *категории средней тяжести*. Другое же деяние, умышленное, наказывается *шестью годами*, но относится к *категории тяжких преступлений* (например, ч. 3 ст. 158, ч. 2 ст. 240 УК). Очевидно, что, оставаясь в плоскости формальной логики (впрочем, и диалектической тоже), такое положение нормальным не назовешь. Отметим, что сегодняшней вариант ст. 15 УК РФ, содержащийся и в теоретической модели УК, и в одном из проектов УК, в окончательную его редакцию не попал. И лишь в 2001 г. ст. 15 УК обрела такой нелепый, на наш взгляд, вид. Думается, что критерий деления преступлений на виды (категории) должен быть один, а именно максимальное нака-

¹⁶⁷ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д., 1995. С. 317–318.

зание, предусмотренное санкцией. Тогда категоризация преступлений приобретет логически завершённый вид.

Есть и иное решение проблемы, которое предлагает А.П. Козлов, также критикующий ст. 15 УК за ее внутреннюю противоречивость: «...Законодатель создал еще одно противоречие, которого он должен был избегать; из созданного противостояния есть только один выход: уменьшить все санкции только за неосторожные преступления, приведя их размеры в соответствие с категориями преступлений средней и небольшой тяжести»¹⁶⁸. Думается, что для такого шага необходимо криминологическое обоснование (переоценка санкций – сущностный процесс, который мы относим к *законодательной воле*). *Технически* же, исходя из сегодняшней наказуемости неосторожных преступлений, те из них, которые наказываются свыше пяти лет (наказуемых свыше десяти – нет), представляется необходимым отнести к разряду тяжких.

Следует согласиться с мнением о том, что к компонентам внутренней законодательной техники относятся также *презюмции* и *фикции*¹⁶⁹. Ю.Г. Зуев под уголовно-правовой презюмцией понимает «закрепленное в уголовном законодательстве предположение о наличии (отсутствии) юридически значимого факта, обстоятельства, основанное на закономерности связи между сходными предполагаемому и наличному фактами, обстоятельствами, подтвержденное правоприменительной практикой и влекущее уголовно-правовые последствия»¹⁷⁰.

К.К. Панько пишет, что «фикция придает правовое значение заведомо несуществующему, или маловероятному, или тому, ве-

¹⁶⁸ Козлов А.П. Понятие преступления. СПб., 2004. С. 791.

¹⁶⁹ См.: Красавчиков О.А. Указ. соч. С. 127–130; Бабаев В.К. Презюмции в советском праве. Горький, 1974. С. 14; Он же. Презюмции в российском праве и юридической практике // Проблемы юридической техники. С. 329; Панько К.К. Фикции в уголовном праве (в сфере законотворчества и правоприменении): Дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 1998; Зуев Ю.Г. Презюмции в уголовном праве: Дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2000; Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. С. 51.

¹⁷⁰ Зуев Ю.Г. Уголовно-правовые презюмции: понятие, признаки, виды // Проблемы юридической техники. С. 335.

роятность чего неизвестна, а презумпция формулирует правило, проверенное предшествующим опытом и потому верно отражающее подавляющее большинство ситуаций, на которые рассчитано, предоставляя в то же время возможность учесть специфику остальных ситуаций путем опровержения презумпции»¹⁷¹. «Фикция, – по его мнению, – выделяется из общего ряда средств законодательной техники тем, что она "передергивает", "подтасовывает", подменяет действительность»¹⁷².

Здесь следует сделать некоторые оговорки. Во-первых, необоснованным представляется отнесение презумпций и фикций к *средствам* техники. По своей природе они представляют собой *способы* организации правового содержания, т.е. *приемы* техники. Во-вторых, не допустимо, на наш взгляд, смешение уголовно-правовых предписаний, содержащих презюмируемые или фиктивные положения, с одноименными приемами техники. Эти предписания – результат правотворчества, а не технические приемы. Например, ст. 86 УК РФ закрепляет фикцию (лицо считается несудимым по истечении определенного периода времени), а ст. 20 УК – презумпцию (предполагается, что малолетний не понимает общественную опасность совершаемого деяния). Это примеры «готового права». Фикции же и презумпции *как приемы являются универсальными (безотносительными к содержанию) способами обработки уголовно-правового материала*. Результаты их работы (уголовно-правовые предписания) носят, в отличие от самих приемов, самый разнообразный характер: презумпции знания уголовного закона (ст. 9, 10 УК), вменяемости (ст. 21 УК), невменяемости (ст. 21) и др.; фикции в положениях о рецидиве (ч. 4 ст. 18 УК), в нормах об освобождении от ответственности (ст. 83 УК) и т.д.

При переводе воли законодателя в содержание уголовного права используются также *императивный* и *диспозитивный приемы*. Результатом их работы выступают императивные и диспозитивные предписания. Первые не допускают свободы усмотрения правоприменителя, вторые допускают¹⁷³. К сожалению, не

¹⁷¹ Панько К.К. Методология и теория законодательной техники уголовного права России. С. 232.

¹⁷² Там же. С. 227.

¹⁷³ См.: Алексеев С.С. Общая теория права. Т. II. С. 72–74.

всегда отечественный законодатель оптимально применяет эти приемы. Иллюстрацией могут служить общие виды освобождения от уголовной ответственности, регламентированные в ст. 75, 76 УК. Так, согласно ч. 1 ст. 75 УК, лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, *может быть освобождено от уголовной ответственности*, если после совершения преступления добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию преступления, возместило причиненный ущерб или иным образом загладило вред, причиненный в результате преступления, и вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным. В ст. 76 также использована формулировка «может быть». Буквальное толкование данных статей УК показывает, что освобождение является *правом*, а не *обязанностью* правоприменителя.

Если освобождение – обязанность правоприменителя, то используется не диспозитивное (дискреционное) предписание, а императивное – «освобождается» (как в ст. 78, 90 УК и в большинстве примечаний, содержащих специальные виды освобождения). К императивным предписаниям относится и норма об освобождении по амнистии (ст. 84 УК)¹⁷⁴.

Мнение о диспозитивном характере ст. 75 и 76 УК разделяет большинство современных криминалистов¹⁷⁵. Вот пример типич-

¹⁷⁴ Формулировка «могут быть освобождены», употребленная в ст. 84 УК, не означает диспозитивности этого вида освобождения. Она указывает лишь на тот очевидный факт, что Государственная Дума вправе, но не обязана объявлять амнистию. И одновременно «она предусматривает *обязанность* (курсив наш. – А.И.) органа, применяющего акт амнистии, освободить конкретное лицо от уголовной ответственности» (Уголовное право России: Часть Общая: Учебник для вузов / Отв. ред. проф. Л.Л. Кругликов. С. 460).

¹⁷⁵ См., напр.: Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: Теория и законодательная практика. С. 136; Головки Л. Классификация оснований освобождения от уголовной ответственности // Законность. 1998. № 11. С. 38–40; Уголовное право Российской Федерации: Общая часть / Под ред. Б.В. Здравомыслова. М., 1996. С. 428; Курс уголовного права: Общая часть. Т. 2: Учение о наказании // Под ред. Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М., 1999. С. 163; Уголовное право: Часть общая. Часть особенная: Учебник / Под ред. Л.Д. Гаухмана, Л.М. Колодкина и С.В. Максимова. М., 1999. С. 240.

ной характеристики общих видов освобождения: «...Применение всех видов освобождения, кроме связанного с истечением сроков давности (ст. 78 УК РФ), не обязательно, а лишь возможно. То есть лицо, совершившее преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности, но может и не быть освобождено»¹⁷⁶. Адекватно букве закона воспринимается смысл этих статей и практикой. Так, согласно п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09 декабря 2008 г. № 25, прекращение уголовного дела о преступлении, предусмотренном статьей 264 УК РФ, за примирением сторон (статья 25 УПК РФ) является правом, а не обязанностью суда; принимая решение, следует оценить, соответствует ли оно целям и задачам защиты прав и законных интересов личности, общества и государства¹⁷⁷ (ст. 25 УПК корреспондирует ст. 76 УК). Конституционный Суд РФ также поддержал данную позицию¹⁷⁸.

Но такова ли была воля законодателя? Адекватно ли ее выразили в содержании права? Думается, что нет. Подчеркнем, что данная проблема отнюдь не лексического свойства. Языковая оболочка («может быть освобождено») лишь производна от содержания, которое, на наш взгляд, не соответствует воле законодателя. Якобы по логике УК, правоприменитель, *выявив все необходимые фактические предпосылки (явку с повинной, примирение с потерпевшим и т.д.)*, предстает этаким царем-батюшкой: «Хочу – казню, хочу – милую». В принципе так сейчас и происходит на практике из-за этой диспозитивности, создающей широкий простор для злоупотреблений.

¹⁷⁶ Наумов А.В. Российское уголовное право. С. 441–442.

¹⁷⁷ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷⁸ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 04 июня 2007 г. № 519-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Ленинского районного суда города Махачкалы о проверке конституционности статьи 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (документ не опубликован).

Но это мнимая логика. Вовсе не *такой* смысл вкладывал законодатель в анализируемые статьи. Они *задумывались* как компромисс в борьбе с преступностью. Под нормами же, допускающими компромисс, понимаются «нормы, в которых лицу, совершившему преступление, *гарантируется* (курсив наш. – А.И.) освобождение от уголовной ответственности или смягчение наказания в обмен на совершение таким лицом поступков, определенных в законе и обеспечивающих реализацию основных задач уголовно-правовой борьбы с преступностью»¹⁷⁹.

Поэтому с момента принятия УК РФ ряд специалистов, не глядя на диспозитивный характер статей, толкует их расширительно, т.е. как императивные. «Если основания освобождения будут установлены, – пишет Ф.Р. Сундуков, – то орган дознания, следователь, прокурор или суд обязаны принять решение об освобождении лица от уголовной ответственности»¹⁸⁰. Усмотрение правоприменителя при реализации упомянутых статей может выражаться, как отмечает В.В. Сверчков, исключительно в оценке им соответствующих обстоятельств в качестве оснований освобождения от уголовной ответственности¹⁸¹. Данная позиция имеет и уголовно-процессуальное обоснование¹⁸². Ст. 212 и 254 УПК требуют прекращения уголовного дела (преследования) при наличии оснований, указанных в ст. 75 и 76 УК.

¹⁷⁹ Аликперов Х.Д. Преступность и компромисс. Баку, 1992. С. 65.

¹⁸⁰ Уголовное право России: Часть Общая: Учебник для вузов / Отв. ред. проф. Л.Л. Кругликов. С. 460 (Ф.Р. Сундуков – автор соответствующей главы).

¹⁸¹ См.: Сверчков В.В. О диспозитивности и императивности в институте освобождения от уголовной ответственности (наказания) // Юридическая техника и вопросы дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе: Сб. науч. статей / Под ред. Л.Л. Кругликова. Ярославль, 1998. С. 40.

¹⁸² Подробнее об этом см.: Леонтьевский В.А. Освобождение от уголовной ответственности: проблемы обеспечения законности процессуальных решений. С. 39–41. Лишь освобождение с применением принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90 УК) обрисовано в УПК противоречиво. Ст. 427, которая говорит о прекращении преследования на стадии предварительного расследования, изложена в этой части диспозитивно, а ст. 431, распространяющаяся на судебные стадии, – императивно. Надо думать, что это не замысловатая логика авторов УПК, а технический «брак» в их работе.

Все это так. Но пока воля законодателя искажена, ст. 75 и 76 УК однозначно толковаться не будут. Тем более после появления приведенного выше разъяснения Пленума Верховного Суда РФ. Исправить ситуацию можно лишь на законодательном уровне, приведя содержание рассматриваемых норм в соответствие с действительной волей законодателя (путем использования в тексте этих статей слова «освобождается»)¹⁸³.

Вообще, *если фактическая предпосылка описана в законе достаточно полно (как, например, в ст. 75 и 76 УК), то, по общему правилу, представляется целесообразным использовать императивную форму изложения нормы. Если же правотворец не смог достаточно полно выразить в законе фактическую предпосылку, влекущую правовые последствия, возможно применение диспозитивных предписаний.*

Например, примечания к ст. 337 и 338 УК закрепляют явно «незавершенные строительством» фактические составы. Дело в том, что указанное в них единственное основание освобождения (самовольное оставление части вследствие стечения тяжелых обстоятельств) представляется явно недостаточным для категорического решения вопроса об освобождении «беглецов». В такой ситуации формулировка «может» позволяет учесть и другие существенные обстоятельства совершения преступления. Очевидно, однако, что и эти обстоятельства нуждаются в законодательной формализации. Отсюда по мере накопления практики и выработки рекомендаций *de lege ferenda* данные фактические составы следует доукомплектовать необходимыми условиями, а норму – преобразовать в императивную.

В связи со сказанным полагаем, что на сегодняшний день оправдан диспозитивный характер ряда норм института освобождения от наказания (ст. 80, ч. 2 ст. 81 и ст. 82 УК). Так, ст. 82 УК, по сути дела, не указывает основание освобождения, называя лишь

¹⁸³ К выводу о необходимости придания данным статьям императивной формы пришел и В.В. Сверчков. Заслуживает внимания его аргументация, содержащая опросы практических работников и увязку данной проблемы со ст. 300 УК (см.: Сверчков В.В. О диспозитивности и императивности в институте освобождения от уголовной ответственности (наказания). С. 37).

его условия (беременность или наличие детей в возрасте до четырнадцати лет). Основания освобождения, предусмотренные ст. 80 и ч. 2 ст. 81 УК (соответственно поведение в период отбывания наказания и тяжелое заболевание, препятствующее отбыванию наказания), по большому счету, очерчивают круг лиц, относительно которых должен ставиться сам вопрос об освобождении. Таким образом, за фразой «может» в ст. 80, ч. 2 ст. 81 и ст. 82 УК скрывается необходимость учета судом всей совокупности объективных и субъективных данных о лице и его поведении. Более того, данная формулировка и дает основание суду учесть эти данные. И пока необходимые для освобождения лица фактические предпосылки хотя бы посредством оценочных понятий не будут названы в самом законе, диспозитивный характер указанных предписаний будет обоснован¹⁸⁴.

¹⁸⁴ В связи со сказанным, зададимся вопросом: если при «диспозитиве» правоприменитель не обязан освободить лицо, а вправе сделать это, чем тогда является стремление лица к освобождению? Не субъективным правом – точно, поскольку субъективному праву всегда корреспондирует юридическая обязанность. В данном же случае правоприменитель не обязан применять поощрительную меру. В то же время он вправе это сделать. Надежда на это поощрение и стимулирует позитивное поведение лица, отбывающего наказание, пробуждает его интерес к такому поведению (правда, не очень эффективно стимулирует, поскольку не дает никаких гарантий). Думается, что это и есть тот самый *законный интерес*, природа которого вызывает столько споров среди ученых. Законный интерес гарантирован в значительно меньшей степени, нежели субъективное право, ведь ему, как правильно подчеркивается Ф.Р. Сундуровым и Л.В. Бакулиной, не корреспондирует юридическая обязанность (см.: Сундуров Ф.Р., Бакулина Л.В. Лишение свободы и права осужденных в России / Под ред. В.А. Якушина. Тольятти, 2000. С. 35). Отсюда ясно, что этот интерес не есть право (это – своего рода «суррогат» права). Законодательство также подтверждает вывод о том, что права и законные интересы суть различные явления, так как зачастую говорят о правах *наряду* с законными интересами. Данный факт не позволяет присоединиться к ученым, утверждающим, что законный интерес – это интерес, признанный законом путем предоставления его обладателю *субъективного права* (см.: Крашенинников Е.А., Лисова Т.Н. Заметки об охраняемых законом интересах // Вопросы теории охраняемых законом интересов. Ярославль, 1990. С. 3–6).

Кстати, в указанном направлении законодатель делает определенные подвижки. В 2003 г. в ч. 1 ст. 79 УК слова «может быть условно-досрочно освобождено» были заменены императивным оборотом «подлежит условно-досрочному освобождению». Это полностью соответствует изложенному выше техническому правилу, поскольку ст. 79 УК с момента принятия УК в 1996 г. уже закрепляла «полноправное» (хотя и оценочное) основание освобождения, позволяющее суду принять во внимание все необходимые обстоятельства, – отсутствие необходимости в полном отбывании наказания для исправления осужденного. Установив, что осужденный для своего исправления не нуждается в полном отбывании наказания, суд *обязан* его освободить. Поэтому теперь наблюдается соответствие между волей законодателя и содержанием уголовно-правовой нормы¹⁸⁵.

Еще два парных технических приема – *изложение уголовно-правовых норм по типу общих и специальных*. Законодательно-техническое правило их применения сформулировано В.Н. Кудрявцевым: существование специальной нормы наряду с общей тогда имеет смысл, когда эта специальная норма как-то иначе решает вопросы уголовной ответственности по сравнению с общей нормой (например, о виде и размере наказания)¹⁸⁶. Действительно, поскольку уголовно-правовой запрет уже содержится в общей норме, появление специальной можно оправдать лишь установлением другой, более или менее строгой санкции. «Однако, – как верно подметил М.Н. Каплин, – в законе это правило выполняется не всегда, примером чего являются составы, предусмотренные ст. 131 и 132 УК. Объяснить их различие с точки

¹⁸⁵ Данная позиция обоснованно звучала еще в период разработки проекта УК. «В новом Уголовном кодексе России, – писал С.Н. Сабанин, – вместо слов "может быть применено" должно содержаться категорическое указание на применение судом условно-досрочного освобождения» (см.: Сабанин С.Н. Справедливость освобождения от уголовного наказания. Екатеринбург, 1993. С. 136).

¹⁸⁶ См.: Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972. С. 248–249.

зрения уголовной политики очень сложно, поскольку санкции за их совершение одинаковы»¹⁸⁷.

Завершая параграф, еще раз подчеркнем, что полный перечень первичных компонентов внутренней техники определить не представляется возможным. Сюда относятся, вне сомнения, *приемы юридической типизации*¹⁸⁸, *унификации*¹⁸⁹ и *нормативной конкретизации*¹⁹⁰, *аксиомы*¹⁹¹, *символы*¹⁹² и еще многие и многие иные средства и способы качественной «отделки» правового содержания. Например, каждой известной классификации составов преступлений может быть присвоен статус законодательно-технического приема, поскольку законодатель задействует их при обрисовке в уголовном законе преступлений. Так, по моменту окончания можно выделить *приемы построения составов по типу усеченных, формальных, материальных и создания опасности, по функциональной роли последствий в составе – приемы конструирования составов по типу формальных, материальных и формально-материальных*. И так далее. Сколь неоднородно, многообразно и зачастую непостижимо содержание уголовного права, столь разнообразен (и даже необъятен) круг средств, приемов и правил внутренней законодательной техники в уголовном пра-

¹⁸⁷ Каплин М.Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья. С. 29–30.

¹⁸⁸ См.: Нашиц А. Правотворчество: Теория и законодательная техника. М., 1974. С. 193.

¹⁸⁹ Отметим, что унификация является, на наш взгляд, общим требованием, предъявляемым как к внутренней, так и к внешней законодательной технике в уголовном правотворчестве. На это обоснованно обращается внимание и в специальном научном исследовании, посвященном уголовно-правовой унификации: «Как прием законодательной техники унификация представляет собой способ совершенствования содержания и формы права, сведение их к чему-либо единому, весьма сходному или совпадающему» (Кругликов Л.Л., Смирнова Л.Е. Унификация в уголовном праве. СПб., 2008. С. 54).

¹⁹⁰ Об одной из разновидностей данного приема см.: Кругликов Л.Л. Конкретизация уголовно-правового значения обстоятельств дела как законодательный прием // Проблемы юридической техники. С. 564–577.

¹⁹¹ См.: Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. С. 51.

¹⁹² См.: Там же. С. 158–179.

вотворчестве. Правовая же наука призвана выявлять эти первичные компоненты, определять оптимальные формы и правила их применения в процессе уголовно-правового строительства и отдавать «с инструкцией» на службу законодателю.

§ 2. Построение по типу уголовно-правовой нормы

«Законодательная техника предполагает четкое представление законодателя о правовой норме... Такое представление позволяет целесообразно расположить законодательный материал в логической последовательности его нормативно-правового содержания»¹⁹³. Не этим ли значением нормы права объясняется тот факт, что две докторские диссертации об уголовно-правовом «строительстве» защищены учеными (Т.В. Кленовой¹⁹⁴ и В.П. Коняхиным¹⁹⁵), первые серьезные изыскания которых были посвящены именно уголовно-правовым нормам¹⁹⁶?

Данный прием, напомним, заключается в том, что законодатель, строя уголовное законодательство и выражая свою волю, должен мыслить сначала уголовно-правовыми нормами и только потом переходить к их внешнему закреплению. Такой подход приносит известную пользу, внося свою лепту в создание беспробельного и системного законодательства.

Однако единодушия в понимании анализируемого приема не наблюдается. Этот факт, впрочем, не удивляет, если учесть разноголосицу в трактовке самой нормы права. По сути дела, основные споры, которые ведутся в общей теории права и отраслевых

¹⁹³ Общая теория государства и права: Академический курс: в 2 т. Т. 2. С. 182–183 (автор соответствующей главы – Д.А. Керимов).

¹⁹⁴ См.: Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм: Дис. ... д-ра юрид. наук. Самара, 2002.

¹⁹⁵ См.: Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права: Дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2002.

¹⁹⁶ См.: Кленова Т.В. Уголовно-правовая норма (понятие, структура, виды): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1986; Коняхин В.П. Нормы Общей части УК РСФСР: содержание, виды, функции: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1985.

науках вокруг нормы права, оказались в данном случае спроецированы на законодательно-техническую плоскость.

Таким образом, главный вопрос заключается в том, по какой схеме законодатель строит «правовое здание» при помощи указанного приема (отражение дискуссии о структуре правовой нормы). Оставив в стороне крайности¹⁹⁷, находим здесь две позиции: 1) «если – то – иначе» и 2) «если – то».

Первая из них господствует, так как преобладает мнение о трехчленности (трехзвенности, трехэлементности) нормы права. «Структура уголовно-правовой нормы ничем не отличается от структуры иных норм советского права, – отмечали В.С. Прохоров, Н.М. Кропачев, А.Н. Тарбагаев, – т.е. уголовно-правовая норма имеет и диспозицию, и гипотезу, и санкцию»¹⁹⁸. Т.В. Кленова в унисон им заявляет, что только трехэлементная структура правовой нормы (гипотеза, диспозиция, санкция) позволяет говорить о самостоятельном характере этой нормы¹⁹⁹. «При отсутствии хотя бы одной из трех указанных составных частей структуры, – развивает она свою мысль, – все сообщаемое в норме правило теряет логическую осмысленность и целостность, и механизм правового регулирования оказывается не обеспеченным нормой»²⁰⁰. Эта позиция «с легкой руки» С.С. Алексеева получила наименование концепции логической нормы права²⁰¹.

Вместе с тем, по нашему мнению, именно логики данной концепции и недостает. Дело в том, что реализация нормы права не обязательно связывается с актуализацией санкции. Скажем, гражданин соблюдает содержащийся в диспозиции уголовно-правовой нормы (регулятивной) запрет совершения какого-либо

¹⁹⁷ К примеру, Г.А. Петрова в структуре уголовно-правовой нормы усмотрела 4 элемента: 1) гипотезу, 2) субъектов уголовно-правового отношения, 3) диспозицию и 4) санкцию (см.: Петрова Г.О. Норма и правоотношение – средства уголовно-правового регулирования (теоретический аспект): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 1999. С. 20–21).

¹⁹⁸ Прохоров В.С., Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность. Красноярск, 1989. С. 41.

¹⁹⁹ См. Кленова Т.В. Указ. соч. С. 161.

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ См.: Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 2. С. 43.

преступления, и тем самым эта трехчленная норма якобы применяется. Такое положение вступает в противоречие с элементарной логикой, поскольку реализация нормы права должна означать и актуализацию всех ее частей, т.е. не только гипотезы и диспозиции, но и санкции. Однако санкция «работает» не всегда. Отсюда следует вывод, что и два первых элемента правовой нормы – гипотеза и диспозиция – образуют в единстве самостоятельный регулятор поведения.

Добавляет сомнений в истинности господствующего воззрения на структуру правовой нормы также попытка ответить на вопрос, какой факт вызывает применение санкции? С позиции сторонников трехэлементности правовой нормы в ее содержание «входят предписания, определяющие применение мер уголовного наказания к лицу, нарушившему запрет совершения преступления»²⁰². Таким образом, основанием применения санкции содержит уже совершенно новый юридический факт – *нарушение запрета*. Новый – потому что в гипотезе заключены условия, при наличии которых лицо обязуется *не нарушать запрет*. Более того, санкция указывает на новые права и обязанности, в том числе на обязанность нарушителя *подвергнуться принуждению*. Новые – потому что в диспозиции говорится об обязанности соблюдать запрет и соответственно о праве *не быть подвергнутым принуждению*. Интересно, как эти диаметрально противоположные явления могут уживаться в рамках *одной* правовой нормы?

Противоречие разрешается просто: санкция не может быть третьим элементом правовой нормы, поскольку содержит в себе совершенно новое правило поведения, отличное от закрепленного в диспозиции якобы этой же нормы²⁰³.

Рассуждая так или примерно так (благо, противоречие видно с разных сторон), ряд ученых иначе взглянул на структуру нормы права. Последняя, как они обоснованно, на наш взгляд, считали, двучленна и состоит из гипотезы и диспозиции. А то, что обычно

²⁰² Кленова Т.В. Указ. соч. С. 170–171.

²⁰³ См.: Благов Е.В. Норма уголовного права: структурный аспект // Категориальный аппарат уголовного права и процесса. Ярославль, 1993. С. 92.

называют санкцией, есть диспозиция особого вида правовой нормы, чья гипотеза всегда указывает на факт правонарушения либо на обстоятельства, препятствующие реализации первичных юридических прав и обязанностей²⁰⁴.

В итоге было доказано существование в праве двух видов норм – регулятивных и охранительных²⁰⁵. Регулятивными являются те нормы, в состав которых входит юридический факт, связанный с предоставлением субъектам прав и возложением на них обязанностей в целях обеспечения нормальной организации общественных отношений. Охранительными – нормы, устанавливающие правовые последствия правонарушений или других обстоятельств, препятствующих осуществлению регулятивных норм²⁰⁶.

Заметим, что данное воззрение на правовую норму имеет гораздо больше оснований именоваться логическим, нежели так называемая концепция логической (трехэлементной) нормы. Убедительны в этом плане рассуждения Е.Я. Мотовиловкера: «Структура – это не просто конгломерат элементов, но способ связи, образующий некую целостность. Поэтому рассматриваемый тезис (о трехзвенности нормы. – А.И.) можно принять, если убедиться, что логические отношения гипотезы, диспозиции и санкции представляют структурное единство. Однако ни гипотеза, ни диспозиция логически непосредственно с санкцией не связаны: гипотеза – потому что она есть условие, влекущее диспозицию; диспозиция – потому что она как структурное образование

²⁰⁴ См.: Курылев С.В. О структуре юридической нормы // Труды Иркутск. гос. ун-та. Т. XXVII. Вып. 4. 1958. С. 172–189; Томашевский Н.П. О структуре правовой нормы и классификации ее элементов // Вопросы общей теории советского права. М., 1960. С. 27–33. Добавим, что эта точка зрения господствовала до революции (см., в частности: Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 1909. С. 125; Люблинский П.И. Указ. соч. С. 19; Спасович В. Учебник уголовного права. СПб., 1863. Вып. 1. С. 68).

²⁰⁵ Эта терминология имеет некоторую условность, которая не должна смущать: разумеется, и регулятивные, и охранительные нормы выступают *регуляторами* поведения: первые – правомерного, вторые – связанного с фактом правонарушения.

²⁰⁶ См.: Курылев С. В. О структуре юридической нормы. С. 186; Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 2. С. 67.

является правовым последствием, заканчивающим нормативное предписание. Диспозиция сама по себе логически не способна вызвать санкцию. Таким образом, санкция в компании с гипотезой и диспозицией остается без своего логического основания. Выходит, что концепция трехчленности юридической нормы не в состоянии выразить правовую норму как структурное образование, как способ связи определенных элементов, ибо ее модель структуры нормы содержит в себе логический пробел в отношении "диспозиция-санкция"²⁰⁷.

Суммируя изложенное, подчеркнем: уголовно-правовая норма (как и любая юридическая норма) состоит из двух элементов. Следовательно, проектируя «уголовно-правовое здание», «архитектор» должен мыслить формулами «если – то».

Разделяя мнение о двухэлементной структуре уголовно-правовой нормы, мы в то же время возражаем против следующего постулата: «Особенность этой отрасли права (уголовной. – А.И.) заключается в том, что она состоит из норм, которые содержат в гипотезе преступление и, следовательно, являются охранительными»²⁰⁸. Регулятивные же нормы входят якобы в содержание других отраслей права. Так ставится под сомнение существование в содержании уголовного права *запрета* совершать преступления.

На первый взгляд будто бы все правильно. Действительно, запрещающей может быть лишь регулятивная норма права. Поскольку уголовное право состоит из охранительных норм, запрещающие (регулятивные) должны находиться в других отраслях права. «Подобно тому, как кража, грабеж, повреждение личного имущества граждан входят в класс явлений, охватываемый понятием "посягательство на право личной собственности", – пишет Е.Я. Мотовиловкер, – запреты красть, грабить, повреждать личное имущество уже содержатся в запрете препятствовать собст-

²⁰⁷ Мотовиловкер Е.Я. Теория регулятивного и охранительного права. Воронеж, 1990. С. 7.

²⁰⁸ Мотовиловкер Е.Я. Норма, отношение и ответственность в уголовном праве // Уголовная ответственность: проблемы содержания, установления, реализации. Воронеж, 1989. С. 35. То же мнение см.: Благов Е.В. Норма уголовного права: структурный аспект. С. 96.

веннику осуществлять правомочия владения, пользования и распоряжения имуществом в пределах, установленных законом (ст. 92 ГК РСФСР)»²⁰⁹.

Однако данная позиция лишь внешне логична. Представляется, что каждой охранительной уголовно-правовой норме (содержащей в гипотезе преступление) корреспондирует также *уголовно-правовая, но регулятивная норма, запрещающая это преступление совершать (либо обязывающая совершить какое-либо деяние)*.

Аргументируем тезис. Если признать, что нормы уголовного права являются исключительно охранительными, то возникает неразрешимый при таком подходе вопрос. А именно: в какой, кроме уголовной, отрасли права содержится ряд регулятивных (запрещающих и обязывающих норм), которым корреспондируют уголовно-правовые? Например, какая отрасль запрещает заранее не обещанное укрывательство особо тяжких преступлений (ст. 316 УК)? Или, какая правовая отрасль обязывает лицо оказать помощь человеку, если оно само поставило его в опасное для жизни или здоровья состояние (ст. 125 УК)? Ответ: никакая, если не считать уголовного права. В то же время ясно, что, соблюдая указанный запрет или исполняя соответствующую обязанность, лицо актуализирует именно регулятивные правовые нормы (ведь существование этих норм не ставится под сомнение). Охранительная норма потому и называется так, что охраняет регулятивную. Иначе говоря, охранительная норма не мыслима без регулятивной. Таким образом, с очевидностью следует вывод, что эти регулятивные нормы заключены в самом уголовном праве²¹⁰.

²⁰⁹ Мотовиловкер Е.Я. Указ. соч. С. 37–38.

²¹⁰ Мы не отрицаем, что и в других отраслях права также содержатся запреты, например, не нарушать права собственника. Но в том и состоит суть уголовного права, что *оно выделяет из всех нарушений прав собственника наиболее опасные и само их запрещает, конкретизируя общий гражданско-правовой запрет*. Эта конкретизация и есть создание новой уголовно-правовой нормы, регулятивной по своей природе. При ином подходе трудно понять, каким образом уголовное право выполняет свою превентивную функцию.

Видимо, приверженцы критикуемого нами подхода предугадали вышеприведенный аргумент. Иначе как тогда объяснить их утверждение о том, что уголовно-правовая норма иногда охраняет и нормы морали²¹¹. Представляется, однако, что любой регулятор поведения, будучи подкреплён санкцией государства, превращается в фрагмент права. Главное отличие нравственных норм от норм права в том и состоит, что первые подкреплены силой общественного порицания, а вторые – мерами государственного принуждения.

Поэтому вполне обоснованным представляется определение законодателем преступления как *запрещенного* Уголовным кодексом деяния (ч. 1 ст. 14 УК)²¹². Обратим внимание, что здесь запрещенность понимается в широком смысле, т.е. как запрет и активного поведения (запрет в узком смысле), и пассивного поведения – бездействия (суть обязанность).

Ученые, усматривающие в уголовном праве только охранительные нормы, ориентируются исключительно на внешнюю форму уголовного права – статьи Особенной части УК. В этих статьях из-за соображений законодательской техники прямо выражена лишь формула охранительной уголовно-правовой нормы. Данный прием напоминает энтимему, из которой легко восстанавливается регулятивная уголовно-правовая композиция. Энтимема (в пер. с греческого – «в уме») представляет собой силлогизм, в котором подразумевается, а не высказывается одна из его частей (посылка или заключение)²¹³. То есть в статьях Особенной части эта норма содержится, но выражена в скрытом виде.

²¹¹ «Запреты более продуктивно видеть в нормах гражданского, семейного, трудового и других отраслей права, которые действительно регулируют обычное поведение людей, а также в нормах морали (не убей, не укради и проч.)», – пишет, к примеру, Е.В. Благов (Благов Е.В. Указ. соч. С. 96). Данное мнение разделяет и Г.П. Новоселов (см.: Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления: Методологические аспекты. М., 2001. С. 168–169).

²¹² Заметим, что в ч. 1 ст. 14 УК слово «запрещенный» употреблено в широком смысле. Оно охватывает запреты пассивного поведения, например, оставления места ДТП (ст. 265 УК) – суть обязанности, и собственно запреты – запреты активного поведения.

²¹³ См.: Бойко А.П. Логика. М., 1994. С. 52.

Данный момент хорошо объяснил еще Иеремия Бентам: «Сказать судье: "Вели повесить всякого, кто должным образом по закону будет уличен в воровстве", – значит, хотя и не прямым, но все-таки столь же понятным образом, внушить людям вообще, что они не должны воровать, как сказать им прямо: "Не воруйте"; и легко видеть, насколько вероятнее, что первый способ будет более действителен»²¹⁴. Далее он описал формы, «*которыми может одинаково быть выражено повеление, запрещающее воровство*» (курсив наш. – А.И.)²¹⁵. Среди них характерные: «Кто ворует, тот будет наказан так и так», «Воровство есть то, когда человек делает так и так; наказание за воровство бывает такое и такое»²¹⁶.

Таким образом, в ходе формирования уголовного законодательства, запрещая совершение определенных деяний и подкрепляя запреты наказаниями, правотворец прямо выражает в статье Особенной части *гипотезу и диспозицию охранительной уголовно-правовой нормы (санкцию)*. В гипотезу он помещает информацию о составе преступления, а в санкцию – информацию о видах и размерах наказаний (о типовом наказании). Этого вполне достаточно для понимания адресатом того факта, что уголовный закон не только наказывает за совершение преступлений, но и запрещает их. Впрочем, прием «редуцированного» выражения уголовно-правовых норм законодатель освоил не сразу. Так, в Артикуле Воинском Петра I еще встречаются «развернутые» веления. Артикул 13, к примеру, гласит: «Всем офицерам и рядовым надлежит священников любить и почитать. И никто да не дерзает оным как словом, так и делом досаду чинить, и презирать, и ругаться. А кто против того погрешит, имеет по изобретению его преступления вдвое так, как бы то над простолудином (над другим) учинил, наказан быть»²¹⁷.

²¹⁴ Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М., 1998. С. 396.

²¹⁵ Там же. С. 399.

²¹⁶ Там же.

²¹⁷ Законодательство Петра I / Отв. ред. А.А. Преображенский, Т.Е. Новицкая. М., 1997. С. 754.

Теоретически в УК РФ можно было текстуально выразить и регулятивные, и охранительные нормы. Например, регулятивную норму, запрещающую убийство (*убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку, запрещается*) и норму, ее охраняющую (*убийство наказывается...*). Из-за таких «спаренных» предписаний объем уголовного закона заметно бы увеличился. Ясно поэтому, что такой прием крайне неудовлетворителен в техническом отношении, поскольку не обеспечивает экономию нормативного материала. Технически более совершенна передача *этого же содержания* иным способом: прямое выражение в Особенной части УК охранительных предписаний и закрепление в Общей части Кодекса указания на запрещенность преступлений, например, в статьях о задачах уголовного закона, понятии преступления и т.д. Эти статьи являются ссылочными по своей сути, т.е. они показывают, что уголовный закон запрещает деяния, указанные в Особенной части.

Поэтому современный законодатель обоснованно и пошел по такому естественному пути. Пути, по форме краткому и столь же понятному. Исходя из этого объяснимо указание в ч. 1 ст. 14 УК на запрещенность преступлений (запрещенность и активного, и пассивного поведения). Указание на запрет крайне важно, поскольку оно способствует выполнению превентивной функции уголовного права. «Уголовно-правовой запрет самим своим существованием предполагает предупреждение преступных посягательств на охраняемые им общественные отношения»²¹⁸.

Таким образом, процесс создания регулятивной нормы имеет ныне «усеченный» характер. Законодатель в ходе правотворчества ориентируется на композицию охранительной нормы, описывая преступление (его специфические признаки) в статьях Особенной части. Путем указания на его запрещенность в Общей части происходит «рождение» и корреспондирующей ей регулятивной нормы.

Однако вряд ли правильно сужать круг уголовно-правовых норм до регулятивных и охранительных, равно как и до одних охранительных. Думается, авторы, развивающие данную идею, зна-

²¹⁸ Уголовный закон: Опыт теоретического моделирования. М., 1987. С. 14.

чительно обедняют механизм уголовно-правового регулирования. Уголовное право регулирует и такие отношения, в основе возникновения которых лежит фактическая предпосылка, прямо не связанная ни с нормальным ходом общественных отношений, ни с реакцией государства на совершение общественно опасного посягательства. Например, отношения по освобождению от уголовной ответственности преступника в связи с его позитивным посткриминальным поведением. Или отношения, возникающие при реализации прав на необходимую оборону либо задержание преступника. Нормы, регулирующие эти и подобные им отношения, получили название поощрительных. В их гипотезе указывается на позитивное послепреступное поведение лица, обстоятельства, вызывающие право на необходимую оборону и задержание преступника, и т.п. факты. В диспозиции описываются соответственно право на освобождение от уголовной ответственности либо право на причинение вреда (с гарантией, что лицо не будет подлежать ответственности) или другие меры поощрения. Эти диспозиции нередко именуется «поощрительными санкциями»²¹⁹.

Некоторые отношения регулируются нормами, лишь внешне напоминающими поощрительные. Таковы, к примеру, нормы об исключении ответственности вследствие физического и психического принуждения, освобождении от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности (ст. 78 УК) или стечением тяжелых обстоятельств (ст. 337, 338 УК). В основе принятия подобных норм лежит иная мотивация, нежели стимулирование какого-либо поведения (учитываются соображения, основанные на принципах субъективного вменения, неотвратимости ответственности, гуманизма и т.д.). Однако есть признак, который роднит эти уголовно-правовые нормы с поощрительными, – *все они носят исключительный характер*. Общим правилом является применение уголовной ответственности (наказаний, условного осуждения) или иных мер принуждения (медицинского или воспита-

²¹⁹ См.: Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве: Теоретико-информационный аспект / Под ред. Н.И. Матузова. Саратов, 1994. С. 49. Данный термин в науке иногда подвергают критике (см., напр.: Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001. С. 201).

тельного характера). Из-за этого уголовное право справедливо называют репрессивной отраслью. Уголовное право, собственно говоря, и создано для того, чтобы наказывать преступника. Все же остальные меры (исключение ответственности либо освобождение от нее, освобождение от наказания или его отбывания) носят характер исключения. Следовательно, наряду с регулятивными и охранительными уголовно-правовыми нормами, можно выделить один вид норм (с различными подвидами) – *исключительные*.

Таким образом, *уголовное право содержит три вида норм, условно именуемых регулятивными, охранительными и исключительными. Все они строятся, на наш взгляд, по формуле «если – то» и соответственно имеют двухэлементную структуру.*

Подчеркнем, однако, что *прямо выражаются в уголовном законе лишь два последние вида норм, поскольку построение охранительной нормы и указание в Общей части на запрет предусмотренного ею деяния автоматически создают корреспондирующую ей регулятивную норму.*

Законодатель должен иметь ясное представление о том, в какой элемент охранительной нормы помещать конструируемый состав преступления. Отсутствие единого мнения о правовой норме затрудняет решение этого вопроса. Впрочем, неопределенность присутствует в основном в учениях приверженцев концепции трехчленной нормы: рождаются теории о гипотезе нормы, слитой с диспозицией²²⁰, Общей части как гипотезе для норм Особенной части²²¹ и т.п.

Уже отмечалось, что норма уголовного права имеет, как и любая другая норма, две части – гипотезу и диспозицию (санкцию). Преступление является фактической предпосылкой (сложным юридическим фактом или фактическим составом, или юридическим фактом, в широком смысле слова). В свою очередь «юридический факт – это всякое обстоятельство, *предусматри-*

²²⁰ См.: Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. М., 1967. С. 118; Курс советского уголовного права: Часть Общая. Т. I. Уголовный закон. М., 1970. С. 180.

²²¹ Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. М., 1984. С. 45.

ваемое гипотезою юридической нормы (курсив наш. – А.И.) и влекущее за собою, как следствие, возникновение, равно изменение и прекращение юридического отношения»²²², – отмечал еще Ф.В. Тарановский²²³. Следовательно, по нашему мнению, состав преступления описывается в гипотезе охранительной уголовно-правовой нормы.

§ 3. Уголовно-правовые конструкции: понятие и виды

Уголовно-правовыми конструкциями именуются юридические конструкции, используемые при построении уголовного законодательства. Первым пристальное внимание на юридические конструкции обратил еще Р. Иеринг. Именно их, наряду с юридическим анализом и логической концентрацией, он причислил к *основным приемам* юридической техники. Под юридической конструкцией ученый понимал *«обработку правового материала в смысле естественно-исторического метода»*²²⁴.

Чтобы уяснить смысл этого метода, нужно упомянуть о различии Р. Иерингом низшей и высшей юриспруденции. Деятельность низшей состоит в толковании – извлечении наружу полного содержания законодательной воли. Чтобы конструировать, юриспруденция, по мнению названного ученого, должна сначала интерпретировать²²⁵. Но юриспруденция не должна останавливаться на этой низшей ступени. Высшей ступенью является естественно-историческое понимание права. *«Естественно-исторический метод знаменует собою возвышение правового материала в состояние высшего агрегата. Это возвышение мате-*

²²² Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права. Юрьев, 1917. С. 161.

²²³ Впрочем, в общей теории права мнение о гипотезе нормы как месте «дислокации» юридического факта разделяет большинство ученых. См., напр.: Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). С. 188.

²²⁴ Иеринг Р. Юридическая техника. С. 80.

²²⁵ Там же. С. 65.

риала есть в то же время и возвышение самой юриспруденции»²²⁶.

«Юридическая конструкция, таким образом, является пластическим искусством юриспруденции, – писал немецкий юрист, – предмет и цель ее – юридическое тело. Каждая работа, касающаяся его, поскольку она работа созидающая, подходит под понятие юридической конструкции – независимо от того, имеет ли она своим объектом тело, в его целом виде, вызывая его к жизни, или является только со свойством вспомогательным, объясняя отдельные происшествия в жизни тела, устраняя кажущиеся противоречия частных с основным понятием – словом, какова бы такая работа ни была, лишь бы она имела своим предметом строение тела»²²⁷.

Правовыми телами Р. Иеринг именовал правовые институты и понятия (в числе последних и права в субъективном смысле). Заострим внимание, наконец, на ключевом слове в приведенной выше дефиниции – *строение* (тела). За примерами строения правовых тел Р. Иеринг обращается к субъективным правам, называя среди их «анатомических моментов» (как бы мы сказали, элементов) субъекта, объект, содержание, действие, иск. В установлении такого рода конститутивных элементов какой-либо правовой субстанции (вида договора, законодательного понятия и т.д.) Иерингу, по сути дела, и виделась сущность юридической конструкции.

Р. Иеринг осветил также вопрос о том, как юридическая конструкция относится к главной задаче техники – «облегчению субъективного овладения правом». В результате обработки права конструкцией оно, на взгляд Р. Иеринга, возводится в систему – самую выгодную форму позитивного материала²²⁸. Это означает, что, анализируя правовое тело путем установления его конститутивных элементов, исследователь собирает разрозненные законодательные постановления в одно целое, в систему. Данные элементы служат своего рода вопросами, которые он задает позитивным правоположениям. «Пусть они и будут только *вопросы*, которые мы предлагаем материалу, но вопрос представляет собой

²²⁶ Иеринг Р. Юридическая техника. С. 68.

²²⁷ Там же. С. 80.

²²⁸ Там же. С. 96

шаг к познанию, он не редко есть и самое познание»²²⁹, – не без оснований отмечалось ученым. Р. Иеринг в данном случае ведет речь исключительно о *научном познании, понимании права* и во все не касается законодательной техники. И второй момент примечателен (в силу своей глубины): это понимание носит *системный* характер.

Изложенное свидетельствует, что Р. Иеринг довольно широко понимал юридическую конструкцию. Особенно заметен данный факт на примерах, которыми он иллюстрирует ее законы. Здесь конструкциями называются и понятия, и теории, и законодательные положения, и тому подобные далеко не конструктивные явления. В то же время *Р. Иерингом была высказана ключевая, на наш взгляд, идея о познании права путем анализа строения правовых тел или их системы*. Ее-то все более поздние исследователи и стремились довести до логического завершения.

Среди отечественных дореволюционных ученых обстоятельному анализу юридическую конструкцию подверг Н.М. Коркунов, также относивший ее к приемам, но уже не технико-юридическим, как Р. Иеринг, а к общим приемам научного исследования. Свое видение юридической конструкции Н.М. Коркунов изложил в параграфе, посвященном *научной обработке права*, следующим за параграфом о толковании. Такая схема изложения материала была им избрана не случайно. «Одно толкование не может дать полного понимания права. Прежде всего толкование как объяснение смысла только данной нормы слишком непосредственно связано с правом данной страны, данного времени. Как только нам приходится иметь дело с применением иностранного закона или хотя бы и нашего, туземного, но вновь изданного, толкование, выработанное нами для объяснения нашего или старого закона, оказывается ни к чему не пригодным»²³⁰, – писал Н.М. Коркунов (опять, заметим, речь идет не о законодательной технике, а о научной обработке права).

Поэтому видный русский правовед предложил сфокусировать внимание не на законах, а на постоянных или, по крайней

²²⁹ Иеринг Р. Юридическая техника. С. 99.

²³⁰ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. Изд. 9-е. СПб., 1914. С. 553–554.

мере, более устойчивых элементах, не меняющихся с каждой переменной законодательных определений – юридических отношениях. Тогда, по его мнению, можно получить более прочные и устойчивые выводы. «Только изучение юридических отношений, а не толкование отдельных законодательных постановлений дает обобщенное и систематическое знание права, знание научное»²³¹. Н.М. Коркунов выделял три приема такого научного изучения права – анализ, конструкцию и классификацию.

«Основной прием юридической конструкции, – указывал профессор Н.М. Коркунов, – заключается в том, что отношения юридические, существующие между людьми, объективируются, рассматриваются как самостоятельные существа, возникающие, изменяющиеся в течение своего существования и, наконец, прекращающиеся. Затем в организации, в структуре этих отношений различают их субъектов, т.е. тех лиц, между которыми происходят отношения, и их объекты, т.е. те силы, пользование которыми служит поводом установления отношений. Наконец, в содержании отношений различают всегда два элемента: право и соответствующую праву обязанность»²³². «Подобно тому, – пояснял Н.М. Коркунов, – как определением числа, соотносительной длины и положения осей определяются все свойства кристалла, так и определение всех свойств различных юридических отношений сводится к определению их субъекта и объекта, содержания и условий установления и прекращения. Конструкция юридических отношений выполняет совершенно ту же функцию, как и конструкция кристаллографических схем. Это есть приравненное для целей юридического исследования идеальное построение»²³³.

Таким образом, Н.М. Коркунову удалось развить взгляды Р. Иеринга: его суждения о юридической конструкции отличаются заметно большей определенностью. Он более внятно сформулировал и центральную идею Р. Иеринга – о познании правовых явлений посредством последовательного анализа их структурных частей. Эта мысль, заметим, содержит что-то близкое платоновскому учению об идеях. Платон, как мы знаем, обнаружил общие

²³¹ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. С. 354.

²³² Там же. С. 359.

²³³ Там же.

структуры, формы, находящиеся в истоке чувственных вещей как их замыслы, идеи, противопоставив им сами вещи – дома, деревья и т.д. Для него всеобщие формы и классы, виды неорганической природы и живых существ имели свои идеальные прообразы. Во всех них Аристотел улавливал некую норму, структуру, именуя ее идеей. Сейчас уже мало кто со скепсисом воспринимает суждения греческих мыслителей, ибо за ними практически всегда можно найти логику и здравомыслие. И платоновские рассуждения об идеях также не лишены этих компонентов. *Юридическая конструкция и предстает перед нами своего рода структурной идеей определенного вида правовых явлений. Именно в находке и развитии указанной идеи применительно к праву и состоит, как нам кажется, главная заслуга Р. Иеринга и Н.М. Коркунова.*

В советское время юридические конструкции обстоятельно исследовал А.Ф. Черданцев, причислив их к *моделям*. Действительно, им присущи все свойства последних, поскольку любая юридическая конструкция: 1) служит формой отражения действительности; 2) создается в результате абстракции; 3) находится с отражаемым объектом в отношениях соответствия, аналогии (а не тождества); 4) является средством отвлечения и выражения внутренней структуры сложного явления; 5) выступает заменителем объекта, дает о нем информацию²³⁴. При этом А.Ф. Черданцев признал юридическую конструкцию *средством юридической техники*: «Важная роль моделям, в особенности юридическим конструкциям, принадлежит в процессе нормотворчества. В этом процессе юридические конструкции выступают в качестве средства построения нормативного материала, средства юридической техники»²³⁵. Тем самым *идея существования общей структуры однородных правовых явлений была перенесена в законодательно-техническую плоскость.*

А.Ф. Черданцев на первый план выдвигал познавательную функцию юридических конструкций: «во-первых, конструкция выступает в качестве метода познания права и правовых отноше-

²³⁴ Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург, 1993. С. 124–125.

²³⁵ Там же. С. 149.

ний, в качестве гносеологического инструмента правовой науки; во-вторых, в качестве средства юридической техники, средства построения нормативного материала...»²³⁶. Здесь хорошо заметно влияние на позицию А.Ф. Черданцева учений Р. Иеринга и Н.М. Коркунова.

С.С. Алексеев юридическим конструкциям отвел место в главе своего учебника, посвященной юридической технике, причислив их к средствам данной техники (юридической техникой он именовал прежде всего технику законодательную²³⁷). «Юридические конструкции представляют собой *специфическое построение нормативного материала*, соответствующее определенному типу или виду сложившихся правоотношений, юридических фактов, их связи между собой. ... Юридические конструкции представляют собой как бы готовые типовые "образцы", "схемы", в которые облекается нормативный материал. Их использование облегчает формулирование юридических норм, придает нормативной регламентации общественных отношений четкость и определенность, обеспечивает, следовательно, необходимую формальную определенность права»²³⁸. Тем самым С.С. Алексеев четко определил место юридических конструкций в правоведе-нии, признав за ними статус средств законодательной техники, не делая никаких оговорок об их гносеологической роли (хотя вообще отрицать последнюю было бы, по нашему мнению, неверным). Представляется, что такая – законодательно-техническая – трактовка юридических конструкций заслуживает поддержки и нуждается в дальнейшем развитии.

На наш взгляд, правильным является причисление юридических (в том числе уголовно-правовых) конструкций к *средствам*, а не приемам законодательной техники. Такое понимание соответствует этимологии слова «конструкция» – это строение, устройст-

²³⁶ Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. С. 151.

²³⁷ Понятием юридической техники С.С. Алексеев охватывал законодательную технику и технику индивидуальных актов (см.: Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 2. С. 272). Однако в большинстве своих рассуждений под юридической техникой он понимал законодательную технику.

²³⁸ Алексеев С.С. Проблемы теории права. Т. 2. С. 145–146.

во, взаимное расположение частей какого-либо предмета, сооружения и т.п., определяющееся его назначением²³⁹. Юридическую конструкцию, как и другие средства законодательной техники, можно представить в виде устойчивой субстанции, мысленно «пощупать». С приемами же, как известно, проведение таких мысленных экспериментов невозможно. Поэтому, на наш взгляд, юридическая конструкция является не приемом законодательной техники (и тем более приемом научной обработки права, общим приемом научного исследования, как считали дореволюционные юристы), а законодательно-техническим средством. Отрадно, что это мнение получает в правовой теории все большее признание²⁴⁰.

Однако не следует забывать, что применение какого-либо технического средства выступает способом построения нормативного материала. Отсюда использование юридической конструкции должно «квалифицироваться» как законодательно-технический прием. Так, использование уголовно-правовой конструкции преступления возможно путем конструирования в уголовном законе составов по типу материальных, формальных либо формально-материальных (это и есть технические приемы).

Результатом использования уголовно-правовых конструкций являются всевозможные составы преступлений (убийства, похищения человека, грабежа и т.д.), законодательные конструкции наказаний (штрафа, обязательных работ, лишения свободы и т.д.), иные нормативные построения. Они также имеют конструктивную природу, поскольку состоят из взаимосвязанных элементов. Следовательно, юридические конструкции служат прообразами, на основе которых «тиражируются» единичные законодательные конструкции. Вот здесь-то и возникает чисто лингвистическая проблема – полисемия (многозначность) термина «конструкция». Этот термин приемлем в равной мере для наименования и средства законодательной техники, и результата его работы. Чтобы избежать подобной двусмысленности, термин «юридическая конструкция» («уголовно-правовая конструкция») желательнее употреблять только в одном значении – в смысле средства законодательной техники. Для наименования результа-

²³⁹ См.: Современный словарь иностранных слов. СПб., 1994. С. 303.

²⁴⁰ См., например: Общая теория права: Курс лекций. С. 100.

тов применения этого средства вполне допустимы выражения «законодательная конструкция», «нормативная конструкция», «законодательное построение» и т.п.

Для определения сущности уголовно-правовых конструкций можно обратиться к конструкции преступления, которая объединяет элементы, традиционно изучаемые в общем учении о составе преступления. Под составом преступления принято понимать совокупность установленных уголовным законом признаков, характеризующих определенное общественно опасное деяние в качестве преступления²⁴¹. Указанное значение состава преступления является основным. В то же время «слово в процессе своего исторического развития кроме основного значения может приобретать новое, производное значение»²⁴². Такая эволюция и произошла с термином «состав преступления». А.Ф. Черданцев, в частности, рассматривает состав преступления уже не как законодательное описание определенного преступления, а как юридическую конструкцию.

И в этом значении – значении конструкции, законодательно-технического средства – термин «состав преступления» обозначает совсем иного плана правовой феномен, а именно обобщенную структурно-системную модель различных преступлений. Состав преступления, понимаемый в таком ракурсе, не бывает общим или специальным, материальным или формальным и т.д., потому что, как правильно отмечает А.Ф. Черданцев, «деление составов на виды с точки зрения этой общей их структуры не имеет под собой основы»²⁴³. Чтобы не создавать терминологической путаницы, состав преступления в значении средства законодательной техники («инженерного средства») есть смысл именовать (уголовно-правовой) конструкцией преступления.

Данная конструкция состоит из четырех частей (объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона), подразде-

²⁴¹ Данное определение состава преступления было выработано в ходе острой научной дискуссии 1954 – 1955 г.г. (см.: Уголовное право: История юридической науки / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1987. С. 42).

²⁴² Розенталь Д.Э. Русский язык: Пособие для поступающих в вузы. 5-е изд. М., 1994. С. 55.

²⁴³ Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. С. 142.

ляемых на элементы, изучаемые в общем учении о составе преступления. Объективная сторона, например, включает элементы «деяние», «последствия», «причинная связь», «способ», «средства», «орудия», «обстановка», «место» и «время»; субъективная сторона состоит из элементов «вина», «мотив», «цель» и «эмоции» и т.д. Эти элементы пусты, поскольку не заключают в себе никакого информационного заряда (они играют роль ярлыков). При регламентации соответствующего состава преступления законодатель отбирает необходимые ему элементы конструкции преступления, а после наполняет их юридически значимой информацией. Так, при обрисовке нарушения правил охраны труда, повлекшего причинение тяжкого вреда здоровью человека (ч. 1 ст. 143 УК), законодатель задействовал, среди прочих, такие элементы, как «деяние», «причинная связь», «последствия», «вина», «специальный субъект». А затем наполнил их правовым содержанием: в диспозиции ч. 1 ст. 143 говорится соответственно о нарушении правил охраны труда, повлекшем причинение тяжкого вреда здоровью человека, совершенном по неосторожности лицом, обязанным соблюдать эти правила.

Уголовно-правовая конструкция, следовательно, выступает своего рода каркасом, состоящим из элементов, который в ходе правотворческого процесса обрastaет юридически значимой информацией. Она может включать и такие элементы, которые вообще не присущи определенной разновидности моделируемых явлений. Скажем, неосторожные преступления, совершаемые без определенной цели, также строятся на базе конструкции, включающей элемент «цель». Получается, что уголовно-правовая конструкция является отражением структуры не отдельно взятого явления, а их *группы*. При этом данные явления характеризуются однородностью, общностью структурных частей (хотя не обязательно и всех). Данный факт не случаен, ведь уголовно-правовая конструкция – не просто модель, а модель, «отданная на службу» законодательной технике. Отсюда смысл в создании такой модели есть лишь тогда, когда регламентируется целая *группа жизненных явлений*. При их описании в УК конструкция и выступает в роли трафарета, каркаса, элементы которого (все или, что чаще всего, комбинацию) остается заполнить информацией. Уголовно-

правовая конструкция в итоге выступает формой отражения однотипных (однородных), сложных структурных явлений, подлежащих регламентации в законодательстве.

Следовательно, уголовно-правовая конструкция не может создаваться для регламентации одного типового явления, каким бы сложным оно не было. К примеру, неоконченного преступления, эксцесса исполнителя или порядка определения сроков наказаний при их сложении.

Обобщим изложенное. *Уголовно-правовая конструкция есть средство внутренней законодательной техники, представляющее собой структурную модель группы однородных правовых явлений, определенную комбинацию элементов которой законодатель наполняет юридически значимой информацией, регламентируя тем самым в уголовном законодательстве соответствующую разновидность данных явлений.*

В главе второй пособия отмечалось, что средства и приемы законодательной техники могут быть снабжены правилами, регуливающими их использование. Полагаем, что уголовно-правовая конструкция также должна подчиняться определенному правилу. Последнее можно сформулировать так: *при регламентации определенного жизненного явления правотворец обязан рассмотреть (обсудить) вопрос о включении или невключении отдельного элемента уголовно-правовой конструкции в конструкцию оформляемого явления.* Соблюдение этого правила позволит законодателю последовательно и беспробельно регламентировать соответствующее явление.

Уголовно-правовые конструкции, представляя собой как бы «готовые типовые образцы, схемы, в которые облекается нормативный материал»²⁴⁴, вне сомнений, облегчают формулирование предписаний уголовного закона. Без них построение уголовного законодательства носило бы весьма хаотичный, бессистемный характер, что можно видеть на примере ранних памятников уголовного права. С помощью уголовно-правовых конструкций достигается логическая стройность предписаний УК, их последовательность и взаимосвязь. «Специфической функцией юридических

²⁴⁴ Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 2. С. 276.

конструкций является именно введение в комплекс правовых норм элемента логической связанности...»²⁴⁵, – указывала А. Нашиц. Творец закона должен непременно рассмотреть каждый из элементов уголовно-правовой конструкции на предмет включения его в соответствующее законодательное построение. Таким образом, они, по верному замечанию А.Ф. Черданцева, «способствуют полному, беспробельному, четкому урегулированию тех или иных общественных отношений или их элементов»²⁴⁶ (добавим, что лишь при условии их умелого использования).

Уголовно-правовая конструкция, выступая формой, бессодержательным «остовом» регламентируемого явления, активно вмешивается в процесс выработки содержания уголовного закона. Ее элементы вынуждают правотворца волей-неволей задуматься об их использовании при регламентации какого-либо явления (здесь нелишне следовать поговорке «семь раз отмерь – один раз отрежь»). Тем самым подтверждается истинность философского положения об активности формы, ее способности оказывать значительное воздействие на содержание.

Процесс использования уголовно-правовой конструкции включает, по нашему мнению, два этапа (выделяемых условно, ведь по времени они совпадают): на первом законодатель отбирает интересующие его элементы, а на втором – наполняет их содержанием. При этом ошибки, свидетельствующие об издержках законодательной техники, могут быть допущены как на первом, так и на втором этапе. Результатом ошибок на первом этапе являются «переборы» и «недоборы» элементов в создаваемых нормативных построениях. Напомним лишь, что законодательная техника и методика конструирования состава преступления как ее часть опирается на криминологические требования, но последние в саму методику конструирования не включаются (они учитываются при формировании законодательной воли). Неучет этих требований также может привести к появлению в составе лишнего элемента или, напротив, его отсутствию.

²⁴⁵ Нашиц А. Указ. соч. С. 216.

²⁴⁶ Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. С. 149.

Так, примером «перебора» из-за нарушения криминологических требований является состав неисполнения обязанностей налогового агента, в который абсолютно излишне включен элемент «мотив» – личный интерес (ст. 199¹ УК). И без него указанное преступление достигает уровня общественной опасности, характерного для преступлений. Не случайно родственные налоговые преступления (ст. 198, 199 УК) обрисованы без указания на мотив их совершения. В этой связи Е.В. Румянцева обоснованно отмечает, что «исключение признака "личный интерес" из диспозиции ст. 199¹ УК приведет к логическому упорядочению данной нормы, позволит установить равные пределы ответственности для лиц, посягающих на охраняемые ею общественные отношения»²⁴⁷.

Еще один пример. До недавних пор торговля людьми (ст. 127¹ УК) была наказуема лишь при условии преследования виновным цели эксплуатации потерпевшего. *Криминологически* такой подход был несостоятелен, поскольку в реальности распространены и общественно опасны сделки с «живым товаром» без такой цели (например, продажа новорожденных детей). Поэтому в конце 2008 г. законодатель под воздействием массированной критики ученых и практиков был вынужден трансформировать цель эксплуатации из обязательного в факультативный признак состава торговли людьми²⁴⁸. Вообще, криминологическая обоснованность действующего уголовного закона – отдельная тема исследований, которая выявляет немало направлений для оптимизации уголовно-правового регулирования.

Примером чисто *технического «перебора»* являются составы хищений (кражи, присвоения и растраты, мошенничества, грабежа и др.). Они включают излишний, по мнению автора, элемент «последствия». Согласно примечанию 1 к ст. 158 УК, хищение описано по типу материального состава – как изъятие и (или) обращение чужого имущества, *причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества*. Но уже одно лишь изъятие имущества из фонда потерпевшего причиняет последнему

²⁴⁷ Румянцева Е.В. Техника конструирования и применения диспозиций статей о налоговых преступлениях (ст. 198 – 199² УК РФ): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. С. 15.

²⁴⁸ См.: Федеральный закон от 25 ноября 2008 г. № 218-ФЗ.

имущественный ущерб. Последующее же пополнение фонда виновного (обращение имущества в его пользу) на ущербе никак не отражается. Вместе с тем любое хищение, согласно господствующему толкованию упомянутого примечания, предполагает сумму двух деяний – изъятия и обращения²⁴⁹.

Получается, что причинение ущерба лишь промежуточный этап хищения, следующий за изъятием, но предшествующий обращению имущества в пользу виновного (или иного лица). Поэтому Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», определяя момент окончания хищения, вовсе и не упоминает об ущербе: кража и грабеж считаются оконченными, если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению²⁵⁰. Отсюда указание на последствия (ущерб) в определении хищения представляется логически несостоятельным, что не учли разработчики УК при технической проработке содержания понятия хищения. Поэтому есть резон, на наш взгляд, в реконструкции составов хищений – их трансформации из материальных в формальные (путем исключения из примечания 1 к ст. 158 УК слов «причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества»).

«Перебор» в элементе «способ» имеется в составе, предусмотренном ч. 1 ст. 183 УК, В диспозиции ч. 1, помимо конкретных видов способа (похищения документов, подкупа, угроз) указан «иной незаконный способ» собирания сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну. Таким образом, выделение указанных способов практически сведено к нулю, их конкретизация в статье лишена какой-либо функционально-смысловой нагрузки, так как охватывается более общим понятием. Гораздо техничнее смотрелся бы такой, например, вариант диспозиции ч. 1 ст. 183 УК: «Незаконное собирание сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну».

²⁴⁹ См., напр.: Мальцев В.В. Ответственность за преступления против собственности. Волгоград, 1999. С. 31; Лопашенко Н.А. Преступления против собственности: теоретико-прикладное исследование. М., 2005. С. 208.

²⁵⁰ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2. С. 2.

«Недобор» (недоукомплектовка) означает, что законодатель не принял во внимание такой элемент юридической конструкции, который необходим для регламентации соответствующего уголовно-правового запрета. Примером «недобора» является законодательная конструкция похищения человека, в которой отсутствует элемент «цель» (ст. 126 УК). Это служит причиной многочисленных ошибок на практике при отграничении похищения человека от убийств, изнасилований и иных преступлений, в ходе которых происходит изъятие потерпевшего. Для исправления ситуации представляется целесообразным дополнить законодательную конструкцию похищения человека искомым элементом, указав в ч. 1 ст. 126 УК на *цель удержания человека*.

Еще один пример «недобора» – состав нарушения правил охраны труда (ст. 143 УК), который предполагает специального потерпевшего – работника организации или иное лицо, деятельность которого постоянно или временно связана с данным производством. Думается, что это общепринятое на практике²⁵¹ и поддержанное в теории²⁵² мнение вполне обоснованно, поскольку *охраняется труд*, а трудятся в данной организации только упомянутые лица. Однако ошибки в понимании рассматриваемого состава неизбежны, так как в нем элемент «потерпевший» отсутствует. В связи со сказанным заслуживает поддержки предложение И.В. Бессоновой о закреплении в тексте ч. 1 ст. 143 указания на потерпевшего²⁵³.

²⁵¹ См.: п. 4 постановления № 16 Пленума Верховного Суда СССР «О практике применения судами уголовного законодательства, направленного на охрану безопасных условий труда и безопасности горных, строительных и иных работ» от 5 декабря 1986 г. // Сборник действующих постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и РФ по уголовным делам с комментариями и пояснениями / Отв. ред. В.И. Радченко. М., 1999. С. 223.

²⁵² См., напр.: Уголовное право: Особенная часть: Учебник для вузов / Отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. М., 1998. С. 158; Уголовное право России: Часть Особенная: Учебник для вузов / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 1999. С. 149; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постатейными материалами и судебной практикой / Под ред. С.И. Никулина. М., 2001. С. 420–421.

²⁵³ См.: Бессонова И.В. Нарушение правил охраны труда в уголовном праве России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 11.

Акцентируем внимание на том, что, играя в правотворчестве роль средства законодательной техники, уголовно-правовые конструкции не участвуют в выработке предписаний УК с точки зрения их существа. Поэтому, если ошибки допущены на стадии формирования законодательной воли, «конструкциями» ситуацию не исправить. Можно, например, до бесконечности совершенствовать составы ряда преступлений в сфере экономической деятельности, а практического эффекта по их применению не добиться²⁵⁴. Равным образом можно «шлифовать» предписания уголовного закона об аресте и ограничении свободы, но применяться данные наказания от этого не начнут (ведь «шлифовка» закона все равно не добавит средств федеральному бюджету). По-видимому, нужно было по-временить с их регламентацией в УК, о чем обоснованно говорилось некоторыми учеными в период разработки Кодекса²⁵⁵. В итоге воля законодателя оказалась искажена его же стараниями. В частности, на поверку декларацией является *альтернативность* многих санкций (ч. 1 ст. 107, ч. 1 и ч. 2 ст. 108 и др.).

Подчеркнем еще раз, что уголовно-правовые конструкции следует отличать от законодательных (нормативных) конструкций. Последние – «продукт» правотворчества, а первые – его средство. Все *содержащиеся в уголовном законодательстве нормативные*

²⁵⁴ Справедливо, на наш взгляд, оценил регламентацию экономических преступлений, тогда еще в проекте УК, А.Э. Жалинский: «... Удивляет, откровенно говоря, постоянное стремление создавать уголовно-правовые запреты вне какой-либо связи с реальной действительностью» (Жалинский А.Э. К вопросу о работе над проектом Уголовного кодекса // Вопросы уголовной ответственности и ее дифференциации (в проекте Особенной части Уголовного кодекса РФ). С. 40). Плоды этого стремления мы сейчас и пожинаем. Следует согласиться с мнением о чрезмерно завышенном уровне криминализации в гл. 22 УК. В связи с этим А.В. Наумов развивает мысль «о декриминализации деяний, предусмотренных, например, ч. 1 ст. 168, ч. 1 ст. 171, ч. 1 ст. 175, ч. 1 ст. 191, ст. 192, ч. 1 ст. 200 УК, путем отнесения их к административным проступкам» (Наумов А. Два года действия Уголовного кодекса РФ: достижения и просчеты // Российская юстиция. 1999. № 9. С. 30). Напомним, что с тех пор ст. 200 исключена из УК, а многие другие преступления частично декриминализированы.

²⁵⁵ См., напр.: Бриллиантов А.В. О формировании системы уголовных наказаний // Проблемы уголовной ответственности и ее дифференциации (в проекте Уголовного кодекса РФ). Ярославль, 1994. С. 74–75.

конструкции можно разделить на две группы: а) построенные на базе уголовно-правовых конструкций и б) сконструированные без их применения. К первой группе относятся, к примеру, составы определенных преступлений (кражи, бандитизма, превышения должностных полномочий и т.д.), конструкции видов наказаний (штрафа, обязательных работ, ареста, лишения свободы и др.), конструкции видов освобождения от уголовной ответственности. Во вторую группу входят уголовно-правовые нормы, их структурные элементы (гипотезы и санкции), законодательные конструкции видов преступных групп (ст. 35 УК), диспозиции и санкции статей Особенной части и некоторые другие нормативные построения.

Принадлежащие к первой и ко второй группе образования могут быть рассмотрены как конструкции, исходя из этимологии этого слова, поскольку они имеют определенное устройство, состоят из элементов. Но поскольку они представляют собой *результаты правотворчества*, его конечный продукт (фрагменты «готового» права), постольку средствами законодательной техники, а следовательно, и уголовно-правовыми конструкциями, они не являются²⁵⁶. Именовать их, на что уже обращалось внимание, можно, например, такими терминами, как «законодательная конструкция» или же «нормативная конструкция». Заметим, что употребление словосочетания «законодательная конструкция» в этом, приемлемом, на наш взгляд, значении довольно распространено²⁵⁷. Т.А. Костарева, в частности, пишет о законодательных конструкциях основного и квалифицированного составов преступления, законодательных конструкциях типов квалифицированных составов²⁵⁸.

²⁵⁶ По этой же причине мы позволим себе не согласиться с В.Б. Исаковым, причислившим к юридическим конструкциям норму права (см.: Исаков В.Б. Фактический состав в механизме уголовно-правового регулирования. Саратов, 1980. С. 29). Она является продуктом правотворчества, да и к тому же создается при помощи самостоятельного законодательного приема, рассмотренного в параграфе втором настоящей главы.

²⁵⁷ См., напр.: Коржанский Н.И. Объект посягательства и квалификация преступлений. Волгоград, 1976. С. 9.

²⁵⁸ См.: Костарева Т.А. Квалифицирующие обстоятельства в уголовном праве (понятие, законодательная регламентация, влияние на дифференциацию ответственности). С. 102, 104, 107 и др.

В свете сказанного трудно согласиться с подходом Т.В. Кашаниной к юридической конструкции. Она относит ее к техническим приемам, хотя тут же подчеркивает, что конструкция – это модель, состоящая из элементов²⁵⁹, т.е. определенное средство. Но не это главное. Юридическими конструкциями Т.В. Кашанина называет прямую демократию, легитимность, гражданство, прямые и косвенные налоги, пошлины, нейтралитет, состояние войны, алиби, смягчающие обстоятельства²⁶⁰. Думается, что указанные явления могут быть обозначены таким образом только в том случае, если термин «юридическая конструкция» употреблять в бытовом, но не специально-юридическом смысле. При таком подходе, когда конструкциями именуют относительно простые по структуре либо вовсе неконструктивные правовые образования, стирается грань между правовым понятием и конструкцией. Конечно, и понятие легитимности можно попытаться «замоделировать», но в итоге получится весьма неестественная конструкция. Юридические конструкции – это типовые модели сложных по строению явлений.

Виды уголовно-правовых конструкций. Сущность уголовно-правовой конструкции заключается в том, чтобы посредством общей модели сначала отразить сложное по структуре явление, а затем его регламентировать в нормативном акте. Отсюда становится ясным, что именно «объект отражения» генетически призван играть роль ключевого критерия подразделения уголовно-правовых, да и вообще юридических, конструкций на виды.

Существование одного из видов уголовно-правовых конструкций не вызывает никаких сомнений – это конструкция преступления. Именно конструирование основания уголовной ответственности по праву называют наиболее известной сферой применения юридических конструкций в уголовном праве²⁶¹.

Сложнее обстоит дело с выявлением иных видов уголовно-правовых конструкций. Для решения этой задачи нужно обнаружить в уголовном законе «следы» сознательного или интуитивного использования законодателем модели. Кроме того, необходимо

²⁵⁹ См.: Кашанина Т.В. Указ. соч. С. 177–178.

²⁶⁰ См.: Там же. С. 180–181.

²⁶¹ См.: Кругликов Л.Л. О средствах законодательной техники в уголовном праве. С. 8.

внимательно изучить уголовный закон и установить сложные правовые образования, «строительство» которых объективно предполагает наличие их модели, т.е. уголовно-правовой конструкции. Распознаются уголовно-правовые конструкции с помощью *системно-структурного* подхода к познанию правовых явлений²⁶².

В результате этих операций, помимо конструкции преступления, мы обнаружили в уголовном законе еще четыре вида уголовно-правовых конструкций: 1) деяния, совершенного при обстоятельствах, исключающих его преступность; 2) наказания (на ее базе построены виды наказаний в ст. 46 – 57 УК); 3) освобождения от уголовной ответственности; 4) освобождения от наказания²⁶³.

Предложенное деление уголовно-правовых конструкций носит характер «горизонтального». Вместе с тем А.Ф. Черданцевым была предпринята попытка классификации юридических конструкций, условно говоря, «по вертикали». Так, наряду с юридической конструкцией состава правонарушения, он считал возможным выделить конструкции материальных и формальных составов правонарушений, конструкцию сложной вины²⁶⁴, т.е. более мелкие конструкции. Думается, что отнесение такого рода конструкций к *юридическим* небесспорно. Все дробные конструкции являются комбинацией элементов общей конструкции, производны от нее. Поэтому при обрисовке определенного преступления (в целом или в части) законодателю будет вполне достаточно обращения к одной только уголовно-правовой конструкции преступления. С другой стороны, «мелкие» конструкции, образуясь на основе какой-либо юридической конструкции, нередко представляют собой *типичные* виды

²⁶² О роли данного метода написано достаточно. Из ряда источников, где он раскрыт, мы взяли за основу и использовали в ходе своего исследования два: Аверьянов А.Н. Системное познание мира: Методологические проблемы. М., 1985; Туленов Ж.Т. Взаимосвязь категорий диалектики. М., 1986. С. 22–27, 47–55 и др.

²⁶³ Вычлененные уголовно-правовые конструкции мы нередко сокращенно именуем терминами «конструкция преступления», «конструкция наказания» и т.д., поскольку из контекста ясно, что речь идет именно об уголовно-правовых конструкциях, а не содержащихся в УК законодательных построениях.

²⁶⁴ См.: Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. С. 151–152.

законодательных конструкций (например, формальные, материальные и формально-материальные типы составов). В этой связи регламентацию какого-либо явления с использованием элементов юридической конструкции по определенному *типу* есть все основания расценивать как *прием законодательной техники*.

Обратим внимание, что, помимо приемов построения составов по типу формальных и материальных, мы выделяем прием конструирования формально-материальных составов. Дело в том, что определенное преступление может включать разновидности, одни из которых описаны в законе с указанием на последствия, а другие – нет. К примеру, одна разновидность состава мошенничества (хищение) описана материально, а другая (приобретение права на чужое имущество) – формально. Поэтому в целом законодательную конструкцию состава мошенничества можно охарактеризовать как формально-материальную. Формально-материальную конструкцию имеют также деяния, описанные в ст. 171, ст. 180, ч. 3 ст. 206, ч. 3 ст. 211 УК и т.п.

Изучение УК показывает, что еще рано говорить о системном подходе законодателя к выбору одного из этих типов. Ряд составов сконструирован по типу материальных, хотя предпочтительнее представляется их формальная конструкция (например, состав отказа в предоставлении гражданину информации – ст. 140). Сюда относятся и составы хищений, о чем уже шла речь, которые целесообразно, на наш взгляд, реконструировать в формальные.

И наоборот, в ряде случаев напрашивалась конструкция материального состава, а законодатель по неизвестным причинам прибег к конструкции формального типа. Думается, не лишены оснований постоянные упреки в адрес законодателя о завышении уровня криминализации в гл. 22 УК. Так, представляется справедливым следующее рассуждение Л.Л. Кругликова: «Воспрепятствование законной предпринимательской деятельности по закону (ч. 1 ст. 169 УК) влечет уголовную ответственность при наличии самого факта неправомерного отказа в регистрации индивидуального предпринимателя или коммерческой организации, уклонения от регистрации и т.п. Но совершенно очевидно, что в таком виде норма обречена на неприменение, ибо деяние, выражающееся в создании упомянутых помех предпринимательской

деятельности, не достигает уровня общественной опасности, характерной для преступлений, – это по сути дисциплинарное или административное правонарушение, которое должно влечь не уголовную, а иной вид ответственности»²⁶⁵.

В других главах Кодекса также не все благополучно в этом отношении. Следует, видимо, согласиться с мнением, что основной состав, предусмотренный ст. 273 УК, также без достаточных оснований сконструирован по типу формального (исследования не подтверждают высокую общественную опасность данного деяния самого по себе, а вред наступает отнюдь не всегда)²⁶⁶.

Контрольные вопросы

1. В чем состоит проблема определения полного круга первичных компонентов (средств, приемов и правил) внутренней законодательной техники в уголовном правотворчестве?

2. Каковы основные методики внутренней техники в уголовном правотворчестве?

3. Что понимается под методикой конструирования состава преступления, какие средства и приемы она включает и какова степень ее разработанности в доктрине?

4. Что понимается под методикой построения санкции уголовно-правовой нормы?

5. Какова роль законодательной техники в механизме образования санкции уголовно-правовой нормы?

6. Какие технические правила построения санкций известны теории уголовного права?

7. По какому типу построены санкции статей Особенной части УК РФ?

8. Что представляет собой методика системного построения уголовного права?

²⁶⁵ Кругликов Л.Л. Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации // Новое уголовное законодательство стран СНГ и Балтии: Сб. науч. ст. / Под ред. Л.Л. Кругликова и Н.Ф. Кузнецовой. М., 2002. С. 254.

²⁶⁶ См.: Бражник С.Д. Преступления в сфере компьютерной информации: проблемы законодательной техники: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2002. С. 11.

9. В чем суть построения по типу уголовно-правовой нормы как технического приема, какова формула данного приема («если – то» либо «если – то – иначе»)?

10. В чем специфика выражения регулятивных правовых норм в современном уголовном законодательстве?

11. Каково назначение бланкетного приема в построении уголовного права?

12. Приведите примеры логических операций с уголовно-правовыми понятиями в УК РФ, оцените их с позиции правил (законов) логики.

13. Охарактеризуйте презумпции как законодательно-технический прием.

14. Раскройте понятие фикции как приема техники, на примерах из УК РФ покажите его отличие от презумпции.

15. В чем специфика императивного и диспозитивного приемов в построении уголовного законодательства?

16. Можно ли считать изложение уголовно-правовых норм по типу общих и специальных техническими приемами?

17. Какова роль Р. Иеринга в разработке юридических конструкций?

18. Дайте определение уголовно-правовой конструкции; объясните, как она работает.

19. Назовите виды уголовно-правовых конструкций; покажите их отличие от законодательных конструкций (нормативных построений), регламентированных в УК РФ.

20. Охарактеризуйте приемы построения составов преступлений по типу формальных, материальных и формально-материальных; всегда ли в УК РФ удачно использованы данные типы составов?

ГЛАВА IV. АНАЛИЗ КОМПОНЕНТОВ ВНЕШНЕЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ В УГОЛОВНОМ ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ

§ 1. Круг компонентов внешней законодательной техники в уголовном правотворчестве

Поименно назвать все первичные компоненты внешней техники – задача столь же непосильная, как и определение полного круга элементарных единиц внутренней техники. Человечество за долгую историю своего существования использовало необозримое количество средств и приемов внешнего выражения правовых предписаний. Но если попытаться выделить во внешней технике более крупные образования (вторичные компоненты, т.е. методики), то определение их перечня, на наш взгляд, возможно. Облегчает решение задачи тот факт, что здесь мы имеем дело с «чувственно воспринимаемой вещью» – внешней формой права. Впрочем, и по данному вопросу в правовой науке нашлось место для диспута.

Солидарность во взглядах обнаружилась лишь по вопросу о языке права. Данный компонент в том или ином объеме отнесли к внешней законодательной технике все без исключения исследователи: зарубежные (Бентам, Вах, Иеринг, Штосс и др.) и отечественные (П.И. Люблинский, А.М. Винавер, М.М. Гродзинский, А.С. Пиголкин, С.С. Алексеев и др.). «Одним из мощных орудий юридической техники является выработка точного, краткого и выразительного изложения»²⁶⁷, – писал П.И. Люблинский. А.А. Ушаков, вообще, указывал, что «проблема языка – важнейший вопрос юридической техники»²⁶⁸ (законодательную технику А.А. Ушаков именовал юридической). При этом первоначально

²⁶⁷ Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса / Под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М., 2004. С. 7.

²⁶⁸ Ушаков А.А. О понятии юридической техники и ее основных проблемах // Ученые записки ПГУ им. А.М. Горького. Т. XIX. Вып. 5 (юрид. науки). Пермь, 1961. С. 83.

не производилась какая-либо группировка всевозможных языковых составляющих – средств, приемов и правил. Постепенно, однако, сложилось учение о законодательном стиле, т.е. о приемах употребления различных лексических единиц, а также были обособлены правила, касающиеся языка закона.

Некоторые исследователи (в частности, М.Д. Шаргородский, О.А. Красавчиков, С.С. Алексеев²⁶⁹) причислили к техническим средствам лишь терминологию. Думается, что терминологией все языковые средства законодательной техники ограничивать не стоит. Большая роль принадлежит и нетерминологической лексике, пример чему – замена в 2008 г. из технических соображений союза «и» на грамматическую формулу «и» («или») в ч. 1 ст. 62 УК РФ. Хотя, вне сомнения, терминология составляет ядро правового языка²⁷⁰.

Полагаем, что множество языковых средств, приемов и правил – первичных компонентов – образует в содержании внешней законодательной техники в уголовном правотворчестве более крупный компонент – *методику языкового оформления уголовно-правовых предписаний*.

Наряду с языковым компонентом, к внешнему оформлению права ряд ученых обоснованно отнес и вопросы *структуры* нормативного акта, т.е. его внутреннего строения²⁷¹. П.И. Люблин-

²⁶⁹ См.: Шаргородский М.Д. Техника и терминология уголовного закона // Советское государство и право. 1948. № 1. С. 64–65; Красавчиков О.А. Советская наука гражданского права // Учен. труды Свердловского юридического института. Т. 6. Серия «Гражданское право». Свердловск, 1961. С. 124–132; Алексеев С.С. Проблемы теории права. Т. 2. С. 144.

²⁷⁰ Несмотря на важность правового языка, не стоит, как представляется, сводить к нему все внешнее оформление права и, тем более, всю законодательную технику, как это делают некоторые авторы. К примеру, Н.А. Власенко в работе о законодательной технике изложил лишь основы законодательной лингвистики (см.: Власенко Н.А. Основы законодательной техники: Практическое руководство. Иркутск, 1995).

²⁷¹ См., напр.: Ушаков А.А. О понятии юридической техники и ее основных проблемах. С. 84; Хамракулов Р.М. Вопросы теории и практики кодификации уголовного законодательства союзной республики. Душанбе, 1962. С. 42–44; Семенов И.А. Законодательная техника советского уголовного права. С. 6–7.

ский отмечает, что еще И. Бентам обратил внимание на важность данных вопросов: «Деление кодекса на части желательно по многим причинам: из-за легкости ссылок, легкости исправления, легкости ознакомления и наглядности для граждан. Чем больше в кодексе делений и подразделений, тем ближе кодекс подходит к личности, и тем яснее и полнее он для каждого гражданина»²⁷².

По этому пути пошел и С.С. Алексеев, выделивший в круге компонентов исследуемой техники такое ее средство, как «расположение нормативного материала в тексте акта в определенном порядке, его расчлененность и согласованность» («структурная организация текста нормативного документа»)²⁷³. В результате под «эгидой» указанного технического средства ему удалось объединить ряд более мелких законодательно-технических компонентов (например, выделение Общей и Особенной частей, разделов, глав, статей).

Полагаем, что в данном случае есть все основания вести речь о целой системе первичных компонентов, т.е. методике. Назовем ее *методикой структуризации уголовного закона*.

Анализируя структуру нормативно-правового акта, ряд ученых справедливо упоминает о необходимости правильного расположения нормативного материала в создаваемых структурных единицах²⁷⁴. Думается, что *размещение уголовно-правового материала* есть все основания возвести в ранг еще одной методики внешней техники построения уголовного законодательства. Дело в том, что структуризация уголовного закона и размещение в подразделениях закона уголовно-правовых предписаний – параллельные, тесно взаимосвязанные, но, тем не менее, самостоятельные процессы, имеющие свою собственную логику (что будет показано в последующих параграфах данной главы)²⁷⁵.

²⁷² Люблинский П.И. Указ. соч. С. 6.

²⁷³ Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 2. С. 278.

²⁷⁴ См., напр.: Алексеев С.С. Проблемы теории права. Т. 2. С. 154; Галкин В.М. Проблемы уголовно-законодательной техники. С. 174.

²⁷⁵ А.А. Ушаков операции по структуризации нормативного акта и размещению в нем законодательных предписаний объединил понятием юридической композиции в узком смысле слова (см.: Ушаков А.А. О понятии юридической техники и ее основных проблемах. С. 84).

Таким образом, *внешняя техника построения уголовного законодательства включает три методик: 1) языкового оформления уголовно-правовых предписаний, 2) структуризации уголовного закона и 3) размещения уголовного-правового материала.*

§ 2. Методика языкового оформления уголовно-правовых предписаний

В данной методике можно выделить языковые средства (слова, словосочетания, знаки препинания, устойчивые грамматические обороты и т.д.), приемы (законодательный стиль) и правила их использования. В целом к языку закона, как справедливо отмечалось Е.А. Фроловым, должны предъявляться самые строгие требования²⁷⁶. Среди них: официальный и документальный характер, ясность, простота и максимальная точность выражения юридических велений, лаконичность и компактность, логическая и грамматическая последовательность изложения, беспристрастность текста, формализм и стереотипность, унифицированность стиля²⁷⁷. О совершенстве закона, по словам И. Бентама, можно говорить только тогда, когда он будет «краток, понятен, недвусмыслен и доступен каждому»²⁷⁸. Точность, ясность и предельная лаконичность закона достигаются посредством его стандартизации: в итоге он трафаретен, сух и однообразен, насыщен речевыми клише²⁷⁹. К языку *уголовного закона* по праву предъявляются повышенные требования ввиду особой опасности серьезного ущемления прав личности при применении данного акта.

По мнению Н.А. Власенко, основными языковыми средствами выступают *грамматические предложения, юридические фра-*

²⁷⁶ См.: Фролов Е.А. Стабильность закона и соотношение формально определенных и оценочных понятий в уголовном праве // Проблемы советского уголовного права и криминологии. Свердловск, 1973. Вып. 28. С. 35.

²⁷⁷ Подробнее об этом см.: Язык закона / Под ред. А.С. Пиголкина. М., 1990; Власенко Н.А. Язык права. Иркутск, 1997.

²⁷⁸ См.: Бентам И. Принцип законодательства: О влиянии условий и места на законодательство / пер. М.О. Гершензона. Вып. 5. М., 1896. С. 103.

²⁷⁹ См.: Савицкий В.М. Язык процессуального закона (вопросы терминологии). М., 1987. С. 22.

зеологизмы, слова и аббревиатуры, к использованию которых предъявляются соответствующие правила. Так, при образовании нормативного предложения законодатель должен соблюдать ряд требований: а) адекватность грамматической формы (в частности, природе права противоречит использование вопросительных и побудительных предложений); б) отсутствие перегрузки простых предложений однородными членами (на наш взгляд, это правило вытекает из требования краткости); в) недопустимость использования нехарактерных природе правовых норм соединительных союзов «а», «но», «чтобы», «не то», «хоть» и т.д.; г) простота и доступность стиля, безличный характер содержания (но стремление к доступности не должно наносить ущерб полноте и точности предписания)²⁸⁰.

Фразеологические (грамматические) обороты – наиболее устойчивые сочетания слов, воспроизводимые в нормативном тексте как готовые единицы языка (например, «лицом с использованием своего служебного положения» – ст. 127¹, 127², 136 – 139 УК и т.д.). Следует согласиться с Н.А. Власенко в том, что фразеологизмы или устойчивые сочетания слов – величайшее достояние правового языка, а основным правилом их использования выступает их точное и недвусмысленное воспроизведение в нормах права²⁸¹. Л.Л. Кругликов справедливо говорит об их пользе при описании квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков преступлений²⁸². В действующем УК РФ довольно распространены следующие виды таких оборотов: «то же деяние», «те же деяния», «деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи». Нетрудно видеть, что данные языковые формулы, удачно сочетаясь со ссылочным приемом, позволяют избегать ненужных повторов (сразу же отсылая к основному и (или) квалифицированному составу преступления).

²⁸⁰ Законодательная техника: Научно-практическое пособие / Под ред. Ю.А. Тихомирова. М., 2000. С. 148–149. (Н.А. Власенко – автор главы о языковых и графических средствах).

²⁸¹ См.: Там же. С. 149–150.

²⁸² См.: Кругликов Л.Л. О конструировании квалифицированных составов преступлений // Правоведение. 1989. № 2. С. 45–46.

Слова – это основные лексические единицы любого текста, а аббревиатуры – это сокращения, образованные из первых букв слов, входящих в словосочетание (например, сокращение «ЭВМ» в ст. 272 – 274 УК). К использованию аббревиатур также предъявляется ряд требований (правил): необходимость их расшифровки в тексте нормативного акта; недопустимость употребления одинаковых сокращений и др.²⁸³

Ядром уголовно-правового языка, как уже отмечалось, является терминология. Термин – это слово (преступление, хищение, умысел и т.д.) или словосочетание (уголовная ответственность, тяжкие последствия, должностное лицо и др.), обозначающие определенное понятие. Термины подразделяются на 3 вида: употребительные, юридические и технические. Известны правила употребления терминологии: а) ее *единство*, т.е. недопустимость *синонимии* и *полисемии* терминов. При синонимии разными терминами обозначается одно и то же понятие, а при полисемии одним термином именуют различные понятия (вообще, центральное лингвистическое требование, предъявляемое к термину – это требование его однозначности²⁸⁴); б) *общепризнанность* и *понятность* терминологии и в) ее *устойчивость*.

К сожалению, каждое из этих правил в действующем УК РФ нарушается, что вносит путаницу в правоприменение. Это касается, в частности, полисемии и синонимии в описании последствий или «размаха» преступлений. Законодатель говорит о *вреде*, *существенном вреде*, *значительном ущербе*, *имущественном ущербе*, *ущербе*, *крупном* и *особо крупном* размере ущерба или дохода, *тяжких последствиях* и т.д. При этом значение данных терминов в разных статьях может совпадать, а иногда один термин имеет неодинаковый смысл в разных составах. Например, *особо крупный размер* в ст. 146 (нарушение авторских и смежных прав) составляет сумму более двухсот пятидесяти тысяч рублей, а в ст. 171 УК (незаконное предпринимательство) – более одного

²⁸³ Подробнее об этом см.: Законодательная техника: Научно-практическое пособие / Под ред. Ю.А. Тихомирова. С. 157–160.

²⁸⁴ В.М. Савицкий писал, что для высокоразвитой терминосистемы очевидна формула: «один термин – одно понятие» (см.: Савицкий В.М. Указ. соч. С. 24).

миллиона рублей. В то же время значение *крупного размера* в ст. 171 УК идентично понятию *особо крупного* в ст. 146 УК.

Вряд ли можно приветствовать проникновение в язык уголовного закона иностранных терминов, в результате чего он теряет ясность и доступность каждому. Кстати, упреки по поводу неоправданного использования иноязычной лексики в УК РФ делались уже в период его разработки²⁸⁵. Еще Чезаре Беккариа предостерегал, что темнота законов «достигает крайних пределов, если законы написаны на чуждом народу языке...»²⁸⁶. Так, в ч. 6 ст. 86 УК сказано: «аннулирует», хотя есть тождественное русское слово «прекращает». Представляется справедливой в этой связи также критика Э.С. Тенчовым ч. 2 ст. 28 УК, содержащей термины «психофизиологические качества» и «экстремальные условия»²⁸⁷. Впрочем, иногда использование иностранной лексики оправдано либо тем, что она уже прочно вошла в оборот («монополистические действия», «порнографические материалы» и т.п.), в том числе в международном праве (например, «легализация»), либо компрессией законодательного материала. В последнем случае представляется необходимым разъяснение значения вводимого в уголовный закон слова. Например, должны быть определены, по нашему мнению, термины «эпизоотия» и «токсины» (ст. 248, 249 УК), «аффинаж» (ст. 192 УК), «модификация» (ст. 272 – 274 УК).

При изложении содержания уголовно-правовых предписаний законодатель использует следующие языковые приемы: а) *абстрактный и казуистический*; б) *формальный и оценочный*²⁸⁸.

²⁸⁵ См., напр.: Борисов Э.Т. Погрешности законодательной техники существенны // Вопросы уголовной ответственности и ее дифференциации (в проекте Особенной части Уголовного кодекса). Ярославль, 1994. С. 16.

²⁸⁶ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. С. 213.

²⁸⁷ См.: Тенчов Э.С. Язык уголовного закона // Проблемы юридической техники. С. 579.

²⁸⁸ Представляется ошибочным отождествление абстрактного с оценочным приемом, а казуистического с формальным приемом (см., напр.: Соловьев О.Г. О приемах законодательной техники, используемых при описании объективной стороны налоговых преступлений // Налоговые и иные экономические преступления: Сб. науч. статей. Вып. 5 / Под ред. Л.Л. Кругликова. Ярославль, 2002. С. 63). О различии данных приемов го-

Абстрактный прием заключается в обобщающем выражении содержания уголовно-правовых предписаний, в употреблении общих формулировок. По мнению Фр. Жени, истинный законодатель должен «отвлекать себя от чистой казуистики и создавать постановления, достаточно широкие для того, чтобы охватить всю совокупность конкретных отношений, имеющих между собою общие черты и поддающихся выражению в одной формуле»²⁸⁹. Выскажем, однако, мысль, которая покажется на первый взгляд парадоксальной: право вообще не может создаваться при помощи казуистического приема, потому что оно, по определению, абстрактно. Казуистичны (в точном смысле этого слова) индивидуальные правовые акты, разрешающие конкретные жизненные ситуации (казусы). Нормативные акты, напротив, всегда обладают определенным уровнем абстракции, так как рассчитаны на регулирование неопределенного числа ситуаций. Подтверждают нашу мысль и приводимые в литературе иллюстрации казуистического приема. А.Ф. Черданцев, к примеру, указывает, что казуистически изложены «в УК РФ и КоАП РСФСР обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность»²⁹⁰. Да, их перечни громоздки. Но очевидно и то, что и они являются результатом обобщения конкретных обстоятельств, а потому также носят абстрактный характер.

Поэтому в действительности правовые предписания могут быть изложены *в большей или меньшей степени абстрактно*. Очевидно, что в ходе многовековой истории правотворчества постепенно сформировалось представление о том, насколько абстрактно следует излагать нормативные предписания – *об оптимальном уровне их абстрактности*. Наверное, данный уровень и имела в виду Е.В. Ильюк, рекомендуя законодателю сочетать аб-

ворит анализ УК. Например, диспозиция ч. 1 ст. 105 УК изложена абстрактно и не оценочно (формально).

²⁸⁹ Жени Фр. Законодательная техника в современных гражданско-правовых кодификациях; пер. с фр. (окончание) // Журнал Министерства юстиции. 1906. № 9. Ноябрь. С. 175.

²⁹⁰ Общая теория государства и права: Академический курс: в 2 т. Т. 2. С. 371.

абстрактный и казуистический приемы²⁹¹. При выходе за минимум этого уровня право чрезмерно детализируется, теряет характер нормативного обобщения, т.е. характеризуется низким уровнем абстрактности. «Излишние подробности в тексте закона усложняют пользование им и с точки зрения технической делают закон неудовлетворительным»²⁹², – не без оснований писал М.Д. Шаргородский. Вот в таких случаях и говорят о казуистичности правовых предписаний. Не возражая против самого термина, подчеркнем еще раз: *под казуистическим приемом представляется правильным понимать способ, при котором нормативные предписания излагаются недостаточно абстрактно.*

Результатом применения абстрактного метода являются, например, такие законодательные выражения, как «умышленное причинение» (описание вины и деяния), «похищение человека» (описание деяния и потерпевшего), «унижение чести и достоинства другого лица» (характеристика деяния и потерпевшего), «совершение развратных действий» (обрисовано деяние) и т.д. Абстрактные формулировки позволяют избежать пробелов в правовом регулировании, так как охватывают различные жизненные ситуации.

Казуистический прием состоит в излишней детализации: перечислении конкретных обстоятельств жизненных ситуаций, всевозможных случаев. Казуистично, к примеру, изложены диспозиции ч. 1 ст. 111 (в части описания вреда здоровью, относящегося к тяжкому по последствиям), ст. 133 УК (в части указания на виды обмана), ч. 1 ст. 222 (в части указания на виды незаконного оборота оружия). Этот способ изложения нормативного материала нередко приводит к пробелам в праве.

Если обратиться к истории, то одним из ярких примеров чрезмерной детализации является Прусское общеземское уложение 1794 г., которое, по словам Р. Каброяка, «предстало в виде настоящего "законодательного монстра", состоявшего из 19 208 статей и захваченного демоном казуистики, который попытался зарегламентировать все, не упустив ни мельчайшей детали: допустим, ни много ни мало пять статей отводилось положению

²⁹¹ Ильюк Е.В. Указ. соч. С. 13.

²⁹² Шаргородский М.Д. Техника и терминология уголовного закона // Советское государство и право. 1948. № 1. С. 60.

гермафродитов; в Кодекс, ничтоже сумняшеся, были включены даже предписания о том, сколько времени мать должна кормить грудью своего ребенка!»²⁹³. Не следствие ли это пресловутого немецкого педантизма? Впрочем, сам король раскритиковал данный Кодекс за его непомерный объем, и потому уже Германскому гражданскому уложению (BGB) «удалось избежать курьезных излишеств своего прусского предшественника»²⁹⁴.

Считается поэтому, что абстрактный прием присущ высокой ступени развития законодательной техники. С.С. Алексеев, к примеру, отмечает, что «абстрактный прием изложения нормативного материала соответствует более высокому уровню юридической культуры и развития науки»²⁹⁵. Не случайно тенденция развития законодательства проявляется в повышении уровня абстрактности его предписаний²⁹⁶. Однако такой подход нуждается, на наш взгляд, в уточнении, так как не меньшее зло таит в себе и слишком абстрактное выражение правовых норм. Так, из приведенных выше примеров лишь диспозицию ст. 133 УК можно было изложить более абстрактно, не раскрывая понятие действий сексуального характера с помощью и без того известных его видов.

Кстати, не редкость в УК РФ и прием, сочетающий казуистический способ с абстрактным. Имеются в виду ситуации, когда законодатель использует абстрактное понятие и частично его конкретизирует. Если частично конкретизируемое понятие является формальным, такой прием, по общему правилу, нежелателен. В абстрактных же понятиях оценочного свойства такая расшифровка представляется не только допустимой, но и желательной. Например, в п. «б» ч. 3 ст. 131 УК говорится об изнасиловании, повлекшем по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшей, заражение ее ВИЧ-инфекцией или иные тяжкие последствия. Границы оценочного понятия

²⁹³ Кабрияк Р. Кодификации. М., 2007. С. 408.

²⁹⁴ Там же.

²⁹⁵ Алексеев С.С. Проблемы теории права. Т. 2. С. 149.

²⁹⁶ Именно отсутствие казуистичности называлось исследователями одним из главных достоинств Уголовного уложения 1903 г. (см.: Колоколов Г.Е. Новое уголовное уложение: Толкование и критический разбор. М., 1904. С. 23).

«тяжкие последствия» столь размыты, что его частичная законодательная конкретизация в существенной мере облегчает процесс правоприменения. В этой связи П.И. Люблинский обоснованно отмечал, что «всякий такой перечень (т.е. частичная конкретизация. – А.И.) должен начинаться или заканчиваться указанием общего понятия, в противном случае он превращает диспозицию в казуистичную с широким допущением аналогии»²⁹⁷.

Отсюда следует важное техническое правило: законодатель должен излагать уголовно-правовые предписания в достаточной степени абстрактно. Необходимо достигать компромисс между абстрактностью и детализацией, по поводу которого точно высказался Р. Кабрияк: «Одна из основных проблем, которые предстоит решать составителям будущих кодификаций, заключается, пожалуй, в поиске "золотой середины" – едва уловимой точки равновесия между обобщением и уточнением»²⁹⁸.

Изложенные выше технические рекомендации современный законодатель соблюдает не всегда. Примером может служить ч. 1 ст. 312 УК, которая предусматривает ответственность, в частности, за *растрату, отчуждение, сокрытие* или *незаконную передачу* имущества, подвергнутого описи или аресту. Основной изъян данной диспозиции видится в использовании законодателем казуистического способа изложения состава преступления. Как известно, этот способ изложения нормативного материала нередко приводит к пробелам в праве, что произошло и в данном случае. Так, по одному из дел органами предварительного расследования было установлено следующее. Гражданина А. суд своим решением обязал к выплате денежных средств в пользу гражданина Б. В течение длительного времени за А. образовалась кредиторская задолженность. Для погашения этой задолженности судебный пристав-исполнитель обратил взыскание на имущество должника – произвел его арест, включив в опись и телевизор. На время решения процедурных вопросов по реализации арестованное имущество было оставлено на ответственное хранение должнику А. При этом А. был официально назначен ответственным

²⁹⁷ Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса / Под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М., 2004. С. 21.

²⁹⁸ Кабрияк Р. Кодификации. М., 2007. С. 412.

хранителем и ему разъяснены положения ст. 312 УК РФ. По прошествии месяца после ареста А., зная о предстоящем изъятии телевизора и не желая, чтобы он достался взыскателю, вынес его в место для сбора мусора, откуда он был убран неустановленными лицами. При проверке сохранности арестованного имущества этот факт был выявлен.

Правовой анализ данной ситуации приводит к неутешительному выводу о том, что деяние А. не содержит в себе признаков преступления, указанных в ч. 1 ст. 312 УК РФ. Дело в том, что распоряжение телевизором путем его выбрасывания не является его: отчуждением или передачей, поскольку имущество не вручалось третьему лицу; сокрытием, поскольку в нем не усматриваются признаков утаивания от государственных органов и их должностных лиц, при котором виновный сохраняет господство над вещью; растратой, поскольку таковая предполагает не просто распоряжение имуществом, но его обращение в пользу виновного (при потреблении) или третьих лиц (при израсходовании).

Кроме того, в силу казуистичности диспозиции ч. 1 ст. 312 УК из сферы ее действия выпали не только случаи выбрасывания арестованного имущества, но и уничтожение или повреждение такого имущества. Сегодня подобные действия также уголовно ненаказуемы, несмотря на всю нелогичность данной ситуации. Общественная опасность выбрасывания арестованного имущества заключается в том, что этот вид поведения, равно как и перечисленные в ч. 1 ст. 312, противодействует исполнению судебного акта, препятствует или делает невозможным возмещение причиненного преступлением или иным правонарушением имущественного ущерба. Поэтому налицо пробел в уголовном праве.

Здесь мыслимо (в порядке обсуждения проблемы) расширительное толкование ч. 1 ст. 312 УК с оценкой приведенных случаев распоряжения арестованным имуществом, например, как растраты. Однако вряд ли такой подход согласуется с принципом законности. Н.А. Лопашенко, излагая содержание данного принципа, справедливо отмечает следующее: «Когда встает вопрос об уголовном преследовании, работники правоохранительных органов должны установить точное соответствие содеянного норме закона. Отсутствие в конкретном деянии даже одного законода-

тельно описанного признака является безусловным препятствием наступления уголовной ответственности. В основу последней не может быть положена внешняя похожесть совершенного и законодательно закрепленного. ... В российском уголовном законодательстве отсутствует принцип аналогии, который позволял бы карать за пропущенные законодательством пробельные общественно опасные деяния. Восполнение пробелов в уголовном праве – исключительная компетенция законодателя»²⁹⁹.

Поэтому для восполнения пробельности ч. 1 ст. 312 представляется желательным отказаться от казуистического способа описания объективной стороны данного состава преступления, заменив его абстрактным. Прав был Фр. Жени, писавший в начале прошлого века, что истинный законодатель должен «отвлекать себя от чистой казуистики и создавать постановления, достаточно широкие для того, чтобы охватить всю совокупность конкретных отношений, имеющих между собою общие черты и поддающихся выражению в одной формуле»³⁰⁰. Именно благодаря абстрактному методу то же самое уничтожение или повреждение имущества, но только подлежащего конфискации, полностью подпадает под признаки, отраженные в диспозиции ч. 2 ст. 312 УК (это *иное* уклонение). Отсюда представляется целесообразным изложить критикуемую часть ст. 312 УК следующим образом: «незаконное действие (бездействие) в отношении арестованного имущества, совершенное лицом, которому оно вверено, а равно...».

Оценочный прием заключается в употреблении в уголовном законе оценочной лексики. Например, в ст. 167 УК содержатся, среди прочих, оценочные понятия «значительный ущерб» и «общеопасный способ». Оценочные признаки следует подразделять на качественные (общеопасный способ – из приведенного примера) и количественные (соответственно значительный ущерб). Вопрос о целесообразности употребления в уголовном законе оце-

²⁹⁹ Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004. С. 174–175.

³⁰⁰ Жени Фр. Законодательная техника в современных гражданско-правовых кодификациях; пер. с фр. (окончание) // Журнал Министерства юстиции. 1906. № 9. Ноябрь. С. 175.

ночных понятий прошел через «горнило» многочисленных дискуссий³⁰¹. К оценочным признакам трудно сформировать однозначное отношение хотя бы потому, что на их применение приходится значительная доля судебных ошибок. Причина этого – возможность произвольного толкования оценочных понятий, их «каучуковость». Известно, сколько проблем вызывают на практике такие понятия, как «особая жестокость», «беспомощное состояние», «тяжкие последствия» и им подобные.

Думается поэтому, что приоритет должен иметь *формальный прием* (состоящий в употреблении неоценочных признаков – точных терминов, понятий с единственным значением и т.д.). Однако и без оценочной лексики в уголовном законе не обойтись. Во-первых, она создает основу для максимального учета обстоятельств содеянного. Во-вторых, при всех недостатках оценочных признаков им достаточно сложно найти адекватную замену. Массу убедительных доводов, доказывающих пользу оценочной лексики и необходимость ее использования в УК, приводит Е.В. Кобзева – автор обстоятельного научного исследования по данной проблеме³⁰². Верным с точки зрения нашего подхода к законодательной технике является и предложенная ею дефиниция: «Использование оценочных признаков – это самостоятельный прием законодательной техники уголовного права, сопряженный с выражением одного или некоторых положений уголовно-правовой нормы понятиями неточного значения и предоставляющий, таким образом, право установления их содержания конкретному правоприменителю»³⁰³.

В принципе количественные оценочные признаки можно в перспективе заменить формально-определенными (к сожалению,

³⁰¹ См., в частности: Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972. С. 134–144; Ковалев М.И. Оптимальное соотношение формального и оценочного в уголовном законе // Советское государство и право. 1973. № 11. С. 69–70; Питецкий В.В. Оценочные понятия в советском уголовном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1979; Кобзева Е.В. Оценочные признаки в уголовном законодательстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002.

³⁰² См.: Кобзева Е.В. Оценочные признаки в уголовном законе / Под ред. Н.А. Лопашенко. Саратов, 2004. С. 101–122..

³⁰³ Там же. С. 112–113.

в этом направлении законодатель еще мало потрудился). Например, значительный ущерб – в ст. 167 УК. Но качественные признаки порой не представляется возможным формализовать без ущерба уголовно-правовому регулированию. Поэтому следует смириться с неизбежностью их существования в УК³⁰⁴. Учитывая же «минусы» оценочной лексики, законодатель должен, как представляется, свести ее употребление к минимуму. *Общее правило, таким образом, состоит в следующем: уголовно-правовые предписания следует излагать преимущественно посредством формально-определенной лексики.*

Среди языковых правил важнейшими выступают требования точности и ясности языка уголовного закона. Необходимость их соблюдения особо подчеркнута в постановлении Конституционного Суда РФ № 8-П 1 от 27 мая 2008 г.: «Любое преступление, а равно и меры уголовной ответственности за его совершение должны быть четко определены в законе, причем таким образом, чтобы исходя из текста соответствующей нормы – в случае необходимости с помощью толкования, данного ей судами, – каждый мог предвидеть уголовно-правовые последствия своих действий (бездействия). Неточность, неясность и неопределенность закона порождают возможность неоднозначного толкования и, следовательно, произвольного применения его норм – в противоречие конституционным принципам, из которых вытекает обращенное к законодателю требование определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе действующего правового регулирования; в противном случае может иметь место противоречивая правоприменительная практика, что ослабляет гарантии государственной защиты прав, свобод и законных интересов граждан. Особую значимость требования определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их

³⁰⁴ Заманчивая мысль вовсе не использовать оценочную лексику, разумеется, приходила в голову и разработчикам УК. Но и они вынуждены были констатировать, что «идея полного отказа от оценочных понятий утопична» (Миньковский Г.М. Проект Особенной части Уголовного кодекса глазами участника разработки // Вопросы уголовной ответственности и ее дифференциации (в проекте Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации). С. 71).

согласованности в системе общего правового регулирования приобретают применительно к уголовному законодательству, являющемуся по своей правовой природе крайним (исключительным) средством, с помощью которого государство реагирует на факты противоправного поведения в целях охраны общественных отношений, если она не может быть обеспечена должным образом только с помощью правовых норм иной отраслевой принадлежности»³⁰⁵ (курсив наш. – А.И.).

Обратим внимание, что в доктрине, как правило, языковые правила ясности и точности сводят к необходимости четкой обрисовки в законе *составов преступлений и наказаний* за их совершение. Да и сам законодатель, раскрывая содержание принципа законности, акцентирует внимание на определении в УК РФ лишь преступности деяния (ст. 3 Кодекса)³⁰⁶. В то же время одной только преступностью все многообразие фактических предпосылок в уголовном праве не исчерпывается. Есть обстоятельства, дающие основание для применения УК РФ (ст. 11, 12 УК), признания деяния непроступным (ст. 37 – 42 и др.), наступления последствий в сфере назначения наказаний (17, 18, 61, 62 и т.д.), освобождения от уголовной ответственности (ст. 75 – 78 и др.) и т.п. И их изложение в уголовном законе также должно быть точным, ясным и непротиворечивым.

Отсюда целесообразно более полно изложить в ст. 3 УК содержание принципа законности, указав, что Кодексом определяются не только преступность деяния, но иные обстоятельства, с которыми связано наступление уголовно-правовых последствий.

Уголовно-правовые последствия также не сводятся только к наказанию. В УК закрепляются иные меры уголовно-правового характера и ряд других последствий, обусловленных разнообразными фактическими предпосылками, закрепленными в УК.

³⁰⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 г. «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2008. № 4. С. 23.

³⁰⁶ Неоправданно узкое содержание принципа законности в ст. 3 УК РФ уже отмечалось в литературе. См., напр.: Благов Е.В. Актуальные проблемы уголовного права (Общая часть). Ярославль, 2008. С. 19.

Следовательно, можно конкретизировать рассматриваемые языковые правила. *Любые фактические предпосылки (факт, фактические состав или группа) должны быть точно, ясно и непротиворечиво описаны в уголовном законе. В равной мере должны быть точно, ясно и непротиворечиво обрисованы в уголовном законе последствия, которые вызываются указанными фактическими предпосылками.*

Однако эти правила законодатель соблюдает далеко не всегда. Примером может служить регламентация в УК специальных видов освобождения от уголовной ответственности. Так, согласно примечанию к ст. 126 УК, лицо, добровольно освободившее похищенного, *освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления.* В соответствии с примечанием к ст. 127¹ УК, лицо, впервые совершившее деяния, предусмотренные ч. 1 или п. «а» ч. 2 этой статьи, добровольно освободившее потерпевшего и способствовавшее раскрытию совершенного преступления, *освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления.* В большинстве иных предписаний, регламентирующих специальные виды освобождения, использовано тождественное речевое клише: *«освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления»* (примечания к ст. 205, 205¹, 206, 208, 210, 222, 223, 275, 282¹, 282² и т.д.).

При буквальном толковании получается, что при наличии иного состава лицо не может быть освобождено от наказания за похищение человека, торговлю людьми, незаконный оборот оружия и иные преступления, даже если оно совершило указанные в примечании позитивные действия (освободило потерпевшего, выдало оружие и т.д.).

Однако и логика, и здравый смысл подсказывают, что специальное освобождение имеет свои рамки – это «амнистия» лишь за одно преступление, очерченное в статье с примечанием. То есть лицо освобождается за данные преступления и привлекается к ответственности за деяние с «иным составом»³⁰⁷. Но зачастую эта

³⁰⁷ Такое толкование обоснованно дал Верховный Суд РФ, который по делу Ф. и Ш. указал, что ввиду добровольного освобождения похищенного

двусмысленность закона позволяет превратно его толковать, утверждать, что якобы при наличии иного состава и совершении позитивных действий все равно налицо совокупность преступлений³⁰⁸. При этом такой подход встречается не только в науке, но и в практике³⁰⁹. Еще в период действия УК 1960 г. и следствие, и суды допускали ошибки, реализуя примечание к ст. 174 (ныне – ст. 291 УК), в котором также говорилось об освобождении от уголовной ответственности при отсутствии иного состава.

В условиях такой неопределенности примечания можно ли вести речь о компромиссе с преступником? Ведь эти примечания задуманы именно как компромисс в борьбе с преступностью, как нормы, стимулирующие позитивные действия преступников в обмен на освобождение от уголовной репрессии³¹⁰. В итоге же языковой небрежности (двусмысленности) они создают почву для различных интерпретаций, что в значительной мере снижает их стимулирующий эффект.

Чтобы устранить отмеченный недостаток УК, требуется лишь ясно выразить мысль законодателя. Образцом в этом плане может служить, по нашему мнению, примечание к ст. 228 УК, в котором четко указано, что лицо при условии совершения соответствующих позитивных действий освобождается от ответственности за *данное* преступление.

Поэтому целесообразно словосочетание «если в его действиях не содержится иного состава преступления» из рассматриваемых примечаний исключить, одновременно конкретизировав «амнистируемое» деяние. В итоге получится четкая и ясная грамматическая формулировка: «Лицо освобождается от уголовной ответственности за *такое-то* преступление, если оно совершит такие-то позитивные действия». Способы конкретизации

виновные должны нести ответственность лишь за причинение вреда его здоровью (см.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 2. С. 11).

³⁰⁸ См.: Курс уголовного права. Т. 3. Особенная часть / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. С. 218.

³⁰⁹ См. об этом: Нуркаева Т.Н. Личные (гражданские) права и свободы человека и их охрана уголовно-правовыми средствами (вопросы теории и практики): Дис. ... д-ра юрид. наук. Уфа, 2002. С. 271.

³¹⁰ Аликперов Х.Д. Преступность и компромисс. Баку, 1992. С. 65.

преступления могут быть различны: «за данное преступление»; «за предусмотренное ч. 1 и п. «а» ч. 2 ст. 127 УК» и т.д. В итоге, например, примечание к ст. 206 преобразуется в емкое и ясное: «Лицо освобождается от уголовной ответственности за данное преступление, если оно добровольно или по требованию властей освободит заложника».

Описывая преступление, законодатель, к сожалению, не всегда ясно выражает форму его вины. Конструируя состав определенного преступления, правотворец отбирает нужные ему элементы и наполняет их информацией. Обязательные элементы, в том числе вина, а priori попадают в конструируемый состав, а потому главной задачей является их текстуальное выражение. Вина имеет две формы – умысел и неосторожность. Соответственно возможны три их комбинации на уровне простого состава: только умысел, только неосторожность и умысел «в союзе» с неосторожностью. В сложных составах (какие содержатся, например, в ч. 4 ст. 111, ч. 3 ст. 126, ч. 3 ст. 131 УК) мыслимы и иные сочетания (умысел в отношении деяния и неосторожность в отношении последствий умысел и неосторожность в отношении деяния и неосторожное отношение к последствиям; и др.). Следовательно, неуказание при обрисовке состава на один из вариантов вины порой затрудняет решение вопроса о возможном субъективном отношении лица к деянию и последствиям. Это как раз тот случай, когда экономия законодательного материала неоправданна, поскольку приводит к неясности закона.

Примером является состав доведения до самоубийства (ст. 110 УК). Диспозиция указанной статьи оставила вопрос о форме вины открытым, поэтому возникла разногласия в его решении. Одни авторы утверждают, что данное преступление совершается только с умыслом³¹¹, другие считают возможной также неосторожную форму вины³¹². Представляется, что правы вто-

³¹¹ См.: Уголовное право России: Особенная часть / Под ред. А.И. Рагога. М., 1996. С. 36.

³¹² См.: Кругликов Л.Л. Преступления против личности. С. 37–38; Черненко Т.Г. Квалификация преступлений: вопросы теории. Кемерово, 1998. С. 90; Каплин М.Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья. С. 63.

рые, но дело в другом: пока уголовный закон содержит такого рода дефекты, о проведении в жизнь принципа законности говорить будет рано (споры и в теории, и на практике продолжатся, а ведь речь, заметим, идет о границах преступного), тем более что составы с «неясной» формой вины в УК – не редкость (ст. 215, 217, 225, 246 – 248, 250, 250, 252 и др.).

Выходом из сложившейся ситуации является, на наш взгляд, укрепление системных связей Особенной и Общей частей УК, а именно связи Особенной части с ч. 2 ст. 24. Ранее (до своего изменения в 1998 г.) ч. 2 ст. 24 УК предписывала наказывать неосторожные деяния только при условии специального указания на эту форму вины в законе, а потому имела решающее значение при толковании субъективной стороны соответствующих преступлений. После своего изменения ч. 2 ст. 24 УК практически утратила былое значение. Толкование новой ее редакции приводит к выводу, что в преступлениях, при описании которых законодатель не указывает на вину, возможна как умышленная, так и неосторожная ее формы³¹³. Поскольку данное предписание закреплено в Общей части, оно выступает в качестве общего правила. Следовательно, *в тех составах, которые, по мнению законодателя, допускают в качестве альтернативы две формы вины, нет необходимости описывать вину. В остальных случаях, когда необходимо отступление от этого общего правила, законодатель должен, как представляется, делать в законе указание на соответствующую форму (а возможно, и вид) вины: прямо либо кос-*

³¹³ Новая редакция ч. 2 ст. 24 породила парадоксальную ситуацию, когда деяние, предусмотренное одной статьей или частью статьи УК, может относиться к разным категориям преступлений (в зависимости от того, умышленная или неосторожная его разновидность имеется в виду). Таково, к примеру, деяние, закрепленное в ч. 3 ст. 247 УК. Если оно совершается умышленно (в целом – ст. 27 УК), то, в соответствии со ст. 15 УК, должно считаться тяжким преступлением. При неосторожности в действиях виновного оно должно расцениваться как преступление средней тяжести. Не думаем, что это нормальное положение вещей. Законодателю, по нашему мнению, следует во всех таких случаях дифференцировать ответственность в зависимости от формы вины, в связи с чем будут разграничены преступления, отличающиеся не просто по субъективной стороне, но и по категории преступлений.

венно (посредством употребления недвусмысленных терминов: «заведомость», «обман», «недобросовестность» и т.д.). О таком правиле обоснованно писал еще М.И. Ковалев: «Нет необходимости упоминать в диспозиции о формах вины лишь в том случае, если данное преступление может быть совершено при любой форме вины. При всех других обстоятельствах указание на форму вины обязательно»³¹⁴.

Данную формулу в последующем, после законодательной реализации указанного правила в УК РФ, можно будет применять и *при его толковании*. Сегодня же такое толкование, основанное на новой редакции ч. 2 ст. 24 УК, не всегда работает. Например, что мешает квалифицировать по ст. 300 УК факт незаконного освобождения от уголовной ответственности обвиняемого, если вина правоприменителя состоит в легкомыслии? Диспозиция ст. 300 не препятствие, поскольку о вине умалчивает, а, значит, с учетом ч. 2 ст. 24 допускает и неосторожное отношение к незаконности освобождения. В то же время сложилось мнение, что данный состав предполагает лишь умышленную форму вины³¹⁵. Думается, что это правильная позиция, но отражена она должна быть, как представляется, не в учебниках и монографиях, а в диспозиции ч. 1 ст. 300 УК. Изложенное касается и других аналогичных составов, субъективная сторона которых в законе не отражена, что порождает его двусмысленность.

§ 3. Методика структуризации уголовного закона

Данная методика заключается в подразделении уголовного закона на составные элементы, т.е. в его внутреннем строении. Это предполагает в свою очередь разбивку УК на Общую и Особенную части и дальнейшее его дробление на разделы, главы, статьи и их части, пункты частей, примечания (и иногда приложения). Здесь задействуются также приемы озаглавливания и ин-

³¹⁴ Ковалев М.И. Советское уголовное право: Курс лекций. Вып. 2. Советский уголовный закон. С. 209.

³¹⁵ См., напр.: Уголовное право: Учебник для вузов / Отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. С. 630.

дексации (цифрового или буквенного обозначения) структурных единиц уголовного закона. Цель данного законодательно-технического компонента – выразить уголовно-правовые предписания наиболее экономным и наглядным образом.

Выделение в кодифицированном уголовном законе Общей и Особенной частей характерно не только для России, но и для многих зарубежных стран (в том числе не относящихся, как Россия, к романо-германской правовой семье). Такое деление произведено, например, в УК Голландии, Дании, Испании, ФРГ, Франции, Швейцарии, Болгарии, КНР, Японии, во всех бывших союзных республиках³¹⁶. Данный прием имеет давние традиции. Например, «начиная с правления династии Тан, китайские кодексы открывались изложением общих принципов, за которыми следовала уже регламентация конкретных положений»³¹⁷.

Этот, несомненно, прогрессивный прием очень важен, так как позволяет избегать в уголовном законе ненужных повторов. Общая часть выделяется путем вынесения «за скобки» общих для всех преступлений положений. Затем определяется последовательность расположения законодательных установлений в этих частях. В Общей части предшествовавших УК 1996 г. советских Кодексов это делалось по схеме «уголовный закон – преступление – наказание». Сейчас эти традиционные отделы дополнились еще тремя (освобождение от уголовной ответственности и от наказания, уголовная ответственность несовершеннолетних, иные меры уголовно-правового характера). Отметим, что раздел VI до 2006 г. именовался «Принудительные меры медицинского характера», но после возвращения в УК конфискации имущества и размещения этой меры в указанном разделе последний был переименован в «Иные меры уголовно-правового характера» (название весьма спорное и уже вызвавшее шквал критики, но это отдельная тема обсуждения).

³¹⁶ В УК некоторых стран дальнего зарубежья, например Швейцарии, Японии, Общая и Особенная части названы иначе (соответственно «Общие постановления», «Особые определения» и «Общие положения», «Преступления»). Разумеется, что иное наименование данных рубрик Кодекса не означает их отсутствия.

³¹⁷ Кабрияк Р. Кодификации. М., 2007. С. 371.

В основе выделения глав в Общей и Особенной частях УК лежат различные критерии. В Общей части главы, на наш взгляд, образованы из-за общности (родственности) законодательных предписаний. Главы же Особенной части выделяются в зависимости от родового объекта преступления (строятся по так называемой линейной системе). По сути дела, главы Особенной части отражают систематику преступлений. Последняя является приемом внутренней техники построения уголовного законодательства.

Судя по содержанию разделов Особенной части УК, в основе их выделения также лежит объект посягательства – личность, экономика, общественная безопасность и общественный порядок и т.д. При этом ясно, что разделам соответствует еще больший уровень абстракции, чем родовый объект преступления, характерный для глав Особенной части. Данный уровень мы вслед за Л.Л. Кругликовым именуем межродовым объектом³¹⁸. Последовательность расположения разделов в Особенной части УК зависит прежде всего от важности объекта уголовно-правовой охраны. Важность определенного объекта охраны определяется существующей на момент разработки уголовного закона политикой.

Так, ныне действующий Кодекс отражает господствующую в стране иерархию ценностей, соответствующую триаде – личность, общество, государство. Соответственно в Особенной части УК четко просматривается три блока нормативных предписаний, охраняющих личность, общество, государство. На первый элемент триады – личность – сориентирован раздел VII УК («Преступления против личности»). Два других элемента последовательно отражены в оставшихся разделах: сфера экономики (VIII), общественная безопасность и общественный порядок (IX), государственная власть (X), военная служба (XI), мир и безопасность человечества (XII)³¹⁹. Очередность расположения глав в каждом из разделов определяется важностью родового объекта посягательства и законотворческими традициями. Так, структурное

³¹⁸ См.: Кругликов Л.Л. Практикум по уголовному праву: Общая часть; Особенная часть. М., 2002. С. 23.

³¹⁹ См. об этом: Кругликов Л.Л. О системе уголовного законодательства и Особенной части УК РФ // Юрид. зап. ЯрГУ им. П.Г. Демидова. Ярославль, 1999. Вып. 3. С. 175.

подразделение УК о преступлениях против личности (ныне – раздел VII) традиционно и, надо признать, сообразно значимости охраняемого объекта открывают преступления против жизни и здоровья.

Основной элементарной структурной единицей УК является его статья. Это характерно в целом для Кодексов. «Исходной структурной единицей в духе римской традиции, – пишет Р. Кабрияк, – остается статья, составляющая базовый элемент законодательного текста и являющаяся для кодекса тем, чем атом является для материи»³²⁰. Соответственно постатейное изложение законодательных предписаний – прием, носящий характер общего правила. *Законодатель по возможности должен стремиться выразить уголовно-правовые предписания в статьях.* Это подчеркнуто и в п. 18 Методических правил по организации законопроектной работы федеральных органов исполнительной власти: «Нормативные предписания оформляются, как правило, в виде статей» (курсив наш. – А.И.)³²¹. Статьи также имеют внутреннее устройство и подразделяются на части либо, в порядке исключения, на пункты (как, например, ст. 44, 93, 95 УК). Типичным приемом является дробление и самой части статьи уголовного закона на пункты.

В блок компонентов законодательной техники, образующих анализируемую методику, входит и *прием примечания*. Примечание, разумеется, не является подразделением статьи. Это – самостоятельная структурная единица нормативного акта³²². Следует отметить, что в правовой науке сложилось неоднозначное отношение к данному приему. Одни авторы, разделяя мнение И.С. Перетерского, рассматривавшего примечания как «печальное на-

³²⁰ Кабрияк Р. Кодификации. М., 2007. С. 369.

³²¹ Данные правила утверждены совместным Приказом Минюста РФ и Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ от 10 января 2001г. № 3/51 // Бюллетень Министерства юстиции РФ. 2001. № 2.

³²² Отсюда следует признать неудачной формулировку ч. 2 ст. 75 УК, где говорится о том, что специальное освобождение от ответственности допустимо в случаях, специально предусмотренных соответствующими *статьями*. Поскольку эти случаи регламентированы в *примечаниях*, о примечаниях в ч. 2 ст. 75 УК и должна идти речь.

следие дореволюционного законодательства»³²³, предлагают вообще отказаться от их использования³²⁴. В пользу этого Е.В. Ильюк, например, приводит следующие доводы: «а) положения, содержащиеся в статьях и примечаниях, становятся неравноценными, неравнозначными; б) наблюдается разнობой в оформлении изъятий, исключений из статей, определений в рамках даже одного законодательного акта; в) приемы законодательной техники должны быть едины во всей системе республиканского законодательства»³²⁵. Добавим, что примечания, бесспорно, осложняют осмысление нормативного акта. К тому же, в обыденном правосознании утвердился стереотип о второстепенном и несущественном характере примечаний. По свидетельству В.М. Баранова и Д.С. Кондакова, «опрос 300 граждан показал, что 62% из них полагают возможным применение юридических норм без обращения к сопровождающим их примечаниям»³²⁶.

Несмотря на это, мы поддерживаем тех ученых, которые считают прием примечания «неотъемлемым элементом технико-юридического оформления правовых актов»³²⁷. Дело в том, что в ряде случаев примечание выступает наиболее целесообразным местом «дислокации» нормативного материала. Так, специальные виды освобождения от уголовной ответственности есть резон размещать именно в примечаниях к статьям Особенной части УК. Освобождение от ответственности выступает изъятием из основных положений статьи. Касаясь данной статьи, это изъятие в

³²³ Перетерский И.С. Примечания в законе // Советское право. 1928. № 2. С. 70.

³²⁴ См., напр.: Чхиквадзе В.М., Керимов Д.А. Роль советской правовой науки в совершенствовании законодательства // Вопросы кодификации. М., 1957. С. 26; Ильюк Е.В. Законодательная техника построения диспозиции статьи уголовного закона. С. 9; Она же. К вопросу о приемах законодательной техники в уголовном законодательстве // Вопросы совершенствования уголовно-правового регулирования. Свердловск, 1988. С. 29–33.

³²⁵ Ильюк Е.В. Законодательная техника построения диспозиции статьи уголовного закона. С. 9.

³²⁶ Баранов В.М., Кондаков Д.С. Примечания в российском праве: природа, виды, проблемы реализации // Проблемы юридической техники / Под ред. В.М. Баранова. С. 346.

³²⁷ Там же. С. 390.

примечании к ней и логично прописывать. Другой вариант – размещение указанного исключения в статьях или частях статьи – с очевидностью уступает первому в законодательно-техническом плане (разрушает архитектуру Кодекса, игнорирует законодательскую традицию и т.д.).

Вместе с тем подчеркнем еще раз, что приоритетной формой внешнего выражения уголовно-правовых предписаний должна выступать все-таки статья уголовного закона³²⁸. Примечание выступает исключением из правила. Поэтому вызывает возражение не критичное отношение некоторых авторов к широкой законодательной практике по его использованию³²⁹. Д.С. Кондаков даже сетует, что «неоправданно редко используются примечания в действующем российском гражданском законодательстве» и недвусмысленно заключает: «Между тем использование примечаний позволило бы уменьшить число статей без снижения эффективности правового регулирования»³³⁰. По всей видимости, так рассуждал и отечественный законодатель при построении уголовного законодательства. В итоге в УК РФ оказалась неоправданно расширенной, на наш взгляд, сфера применения данного приема.

Так, во многих примечаниях определены размеры последствий либо масштаб деяния (размер извлекаемого дохода и т.д.). Например, примечание 4 к ст. 158 УК указывает, что крупным

³²⁸ Проанализировав зарубежное уголовное законодательство, мы пришли к выводу, что прием примечания использован в основном законодателем государств, расположенных на постсоветском пространстве (Украиной, Грузией, Кыргызской Республикой, Азербайджанской Республикой, Республиками Казахстан и Таджикистан). Однако отдельные из этих государств также отказались от его употребления в уголовном законе (например, Эстонская Республика, Республика Молдова). Особо отметим, что рассматриваемый законодательный прием использован в Модельном УК для стран СНГ. Примечаниями снабжены, в частности, ст. 138, 185, 244, 270, 283 данного акта (см.: Модельный уголовный кодекс государств – участников Содружества Независимых Государств // Международные правовые акты государств – участников СНГ в области борьбы с преступностью. М., 1999).

³²⁹ Баранов В.М., Кондаков Д.С. Указ. соч. С. 344–402.

³³⁰ Кондаков Д.С. Примечания в российском законодательстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С.24.

размером в статьях гл. 21 УК признается стоимость имущества, превышающая двести пятьдесят тысяч рублей, а особо крупным – один миллион рублей. Согласно примечанию к ст. 169 УК, в ст. главы 22 УК, за исключением статей 174, 174¹, 178, 185, 185.1, 193, 194, 198, 199 и 199¹, крупным размером, крупным ущербом, доходом либо задолженностью в крупном размере признаются стоимость, ущерб, доход либо задолженность в сумме, превышающей двести пятьдесят тысяч рублей, особо крупным – один миллион рублей.

В соответствии с примечанием к ст. 174 УК, финансовые операции и другие сделки с имуществом являются совершенными в крупном размере в смысле ст. 174 и 174¹ УК, если их сумма превышает один миллион рублей. Примечание к ст. 193 определяет крупный размер как превышение суммы в пять миллионов рублей.

Таким вот образом законодатель формализовал указанные оценочные признаки (*крупный, особо крупный* ущерб, доход и т.д.), превратив их по существу в признаки точного значения (получились, можно сказать, «квазиоценочные» признаки). Вообще, с точки зрения законодательной техники оценочное понятие с формально-определенным содержанием является нонсенсом. Ведь смысл введения оценочного понятия в закон в том и состоит, чтобы, избегая конкретизации, учесть все многообразие жизненных ситуаций. С позиции законодательной техники (да и здравого смысла тоже) законодателю следовало поместить признаки точного значения в сами диспозиции статей.

Так, диспозиция ст. 193 УК могла бы выглядеть следующим образом: «Невозвращение из-за границы руководителем организации средств в иностранной валюте, подлежащих, в соответствии с законодательством РФ, обязательному перечислению на счета в уполномоченный банк РФ, если их сумма превышает пять миллионов рублей». Реализация данного предложения позволила бы избавить уголовный закон от значительного количества примечаний, недостатки которых как структурных единиц приведены выше, и более логично разместить уголовно-правовой материал.

Ряд структурных единиц уголовного закона получает наименование – *заголовков*. В действующем УК озаглавлены разделы, главы и статьи. Главная функция заголовка – «маячковая» (указа-

тельная), т.е. он способствует ориентации в УК и облегчает поиск нужного законодательного предписания. Заголовок подчиняется общим языковым правилам (краткость, ясность и пр.). Но прежде всего нельзя забывать о том, что *заголовок должен адекватно передавать содержание материала, заключенного в соответствующем подразделении закона*. Адекватно – не значит «во всех деталях», так как для этого потребовалось бы переписать все содержание этого подразделения. Заголовок, как правильно указывал еще К. Ильберт, должен быть кратким³³¹. Это значит, что он должен в целом, в общих чертах, передать содержание, указав на его существенные признаки. Разумеется, заголовок лишен прямой нормативной силы, но его точное формулирование имеет значение для правильного толкования уголовного закона.

Поэтому несоответствие заголовка содержанию обозначаемого структурного элемента чревато ошибками в уяснении этого содержания. Например, неточный заголовок ст. 134 УК дезинформировал некоторых ученых о признаках описываемого в данной статье состава. Они посчитали, что он охватывает все виды действий сексуального характера³³², хотя это не так. По «ложному следу» могут пустить изучающего УК РФ также заголовки ст. 228 (из-за ч. 5 этой статьи), ст. 210 (выпала из поля зрения законодателя ч. 2 статьи), ст. 239 (не учтена ч. 2 статьи), ст. 296 (не учтена специфика ч. 2-4, предполагающих совокупность угрозы и насильственных действий). И это не единственные статьи с неудачным заголовком.

Представляется неточным также употребление в наименовании раздела VII и глав 17, 18 УК термина «личность». Личность – это не любой человек, а лишь достигший определенной ступени в развитии. В то же время уголовный закон защищает от посягательств любых людей, поэтому предпочтительнее в указанных

³³¹ См.: Ильберт К., сэр. Техника английского законодательства; пер. с англ. бар. А.Э. Нольде // Журнал Министерства юстиции. 1906. № 9. Ноябрь. С. 85.

³³² См.: Российское уголовное право: Особенная часть / Под ред. М.П. Журавлева и С.И. Никулина. М., 1998. С. 99. Их ошибка не осталась незамеченной (см.: Кругликов Л.Л. Преступления против личности: Текст лекций. Лекции 3 – 6. Ярославль, 1998. С. 34).

заголовках использовать термин «человек» (например, главу 18 обозначить «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы человека»). Это учитывали, по-видимому, и разработчики Конституции РФ, глава которой посвящена основным правам и свободам *человека* и гражданина.

В Общей части УК также не все благополучно в этом отношении. Например, Е.В. Благов справедливо обращает внимание на несоответствие ст. 31 УК (о добровольном отказе) названию главы 6 УК «Неоконченное преступление», поскольку такой отказ не является неоконченным преступлением³³³ (действительно, в отличие от приготовления и покушения, добровольный отказ предполагает прекращение предварительной преступной деятельности *по воле лица*). Поэтому точнее было назвать главу 6 УК «Неоконченное преступление и добровольный отказ от преступления».

Структуризация сопровождается *индексированием* (*расстановкой цифровых и буквенных индексов, т.е. условных обозначений, облегчающих поиск*). В настоящее время законодателем осуществлена трехуровневая сквозная нумерация (*цифровая индексация*): разделов (римскими цифрами), глав и статей (арабскими цифрами). Думается, что в данном случае законодательная техника не подвела отечественного «архитектора». В ряде стран Кодексы имеют не сплошную, а прерывистую нумерацию (новый отсчет статей начинается либо в Общей части, либо вообще в каждом новом подразделении Кодекса). Сплошная система нумерации значительно выигрывает в техническом отношении в сравнении с прерывистой. «Значительно облегчая цитирование нужной статьи, обозначаемой единым номером, не зависящим ни от книги, ни от главы, – отмечает Р. Кабрияк, – сплошная нумерация отражает стремление к единству и полноте кодекса»³³⁴.

Пронумерованы ныне и части статей. В результате устранен серьезный изъян УК 1960 г., в котором абзацы статей не имели цифрового обозначения. Это создавало известные трудности при ссылке на них. А ведь еще И. Бентам отмечал: «Параграфы долж-

³³³ См.: Благов Е.В. Актуальные проблемы уголовного права (Общая часть). Ярославль, 2008. 63.

³³⁴ Кабрияк Р. Кодификации. М., 2007. С. 384.

ны быть нумерованы, так как это самая удобная форма для приведения цитат и ссылок»³³⁵.

Представляется, однако, что недопустимо чрезмерное дробление статей Особенной части УК на части. Думается, что, *по общему правилу, максимальное число частей в статье Особенной части, описывающей преступление, не должно превышать трех, в виде исключения – четырех (когда это продиктовано целями углубленной дифференциации ответственности)*. В этом плане явно неудачной в техническом отношении выглядит ст. 264 УК, разделенная ныне на шесть (!) частей. Дело не только в громоздкости статьи, но и в нарушении баланса между унификацией и дифференциацией в пользу второй. Как обоснованно отмечают Л.Л. Кругликов и Л.Е. Смирнова, «унификация и дифференциация – два взаимообусловленных, сдерживающих противовеса в системе законодательного регулирования»³³⁶. В данном случае «противовесы» не сработали.

Когда часть статьи (реже – статья) подразделяется на пункты, последние обозначаются буквами «а», «б», «в» и т.д.³³⁷ Кроме того, если статья УК имеет два и более примечания, то каждое из них законодатель снабдил номером (примечания 1 – 4 к ст. 158, примечания 1 – 5 к ст. 285 УК и т.д.). Это также сделано правильно, поскольку они имеют самостоятельное значение (соответственно облегчается ссылка на них).

Е.В. Ильюк предложила рассматривать в качестве средств законодательной техники «юридические конструкции (модели) статьи Особенной части УК». Раскрывая их понятие, она описывает,

³³⁵ Бентам И. Тактика законодательных собраний; пер. с англ. СПб., 1907. С. 76. Надо добавить, что законодатель некоторых зарубежных стран так и не использовал этот удачный технический прием. Сегодня подразделения статей не пронумерованы, к примеру, в УК Республик Узбекистан и Армения, Китайской Народной Республики, Японии (в части II «Преступления»), Швеции.

³³⁶ Кругликов Л.Л., Смирнова Л.Е. Унификация в уголовном праве. СПб., 2008. С.69.

³³⁷ О буквенном обозначении квалифицирующих признаков см.: Костарева Т.А. Квалифицирующие обстоятельства в уголовном праве (понятие, законодательная регламентация, влияние на дифференциацию ответственности). Ярославль, 1993. С. 121–123.

во-первых, два способа построения статьи: 1) диспозиция предшествует санкции и 2) санкция предшествует диспозиции; и, во-вторых, два способа построения диспозиции: 1) наказывается лицо за совершение преступления и 2) наказывается не лицо, а само преступление³³⁸. Рассмотрим указанные образования (вне сомнений, законодательно-технические) поближе.

Напомним, что в содержании законодательной техники различаются средства и приемы (основные ее первичные компоненты) и правила (соответственно производные). Так как первый вычлененный Е.В. Ильюк компонент является *способом*, он подпадает под понятие законодательно-технического приема, а не средства. Вторая «юридическая конструкция», которую упомянутый автор характеризует с помощью понятия способа, действительно выступает средством законодательной техники и даже конструкцией, но грамматической. Впрочем, это не самое уязвимое место в приведенной позиции. Главное, на наш взгляд, заключается в том, данные компоненты имеют мало общих черт вообще с конструкциями и моделями, если, конечно, не употреблять термины «юридическая конструкция» и «модель» в бытовом, а не строго научном их значении.

Думается, что первый из названных приемов входит в методику размещения уголовно-правового материала, в рамках которой решаются, в том числе и вопросы о последовательности расположения предписаний. Для русского законодательства всегда был характерен первый способ, когда диспозиция предшествует санкции. Данный факт связан с тем, что «логически ударной позицией в русском языке является конец предложения, при этом в акцентированной позиции оказывается санкция, указывающая наказание»³³⁹.

Второй прием также касается внешнего оформления уголовного права, но охватывается уже другой методикой – языковым оформлением уголовно-правовых предписаний. Принятая в настоящее время грамматическая формула «преступление наказывается» условна, так как в действительности наказывается лицо. «В такой конструкции содержится логическая ошибка и наруше-

³³⁸ См.: Ильюк Е.В. Указ. соч. С. 8.

³³⁹ Там же.

на лексическая сочетаемость слов», – замечает Е.В. Ильюк, в связи с чем она предлагает обратиться к опыту дореволюционного уголовного законодательства, статьи которого угрожали наказанием лицу³⁴⁰. На наш взгляд, законодатель справедливо не учел данную рекомендацию, сохранив хотя и условный, но краткий и привычный грамматический оборот (вряд ли найдется такой человек, который, прочитав Особенную часть УК, назовет субъектом, подлежащим наказанию, преступление). Однако справедливости ради заметим, что во многих зарубежных УК использована как раз формула «с лицом»³⁴¹.

Мы также не разделяем мнение о том, что в данном случае уголовный закон «закрепляет фикцию: наказывается не виновное лицо, а само преступление»³⁴². О правовой фикции говорят тогда, когда несуществующее положение признается законодателем существующим и наоборот. Однако формула «наказывается преступление» вовсе не означает, что законодатель признает субъектом, подлежащим наказанию, само деяние, а не его «автора».

§ 4. Методика размещения уголовно-правового материала

Данная методика определяет, в каком месте (в какой структурной единице уголовного закона) и в какой последовательности расположить уголовно-правовые предписания. Методика размещения нормативного материала является своего рода содержательной стороной структуризации уголовного закона.

По свидетельству П.И. Люблинского, еще И. Бентам одним из недостатков законодательства назвал беспорядочность, которая «может получаться: а) вследствие неправильного размещения

³⁴⁰ Ильюк Е.В. Указ. соч. С. 4, 9.

³⁴¹ См.: УК Швеции («Лицо, которое...»), УК Швейцарии, Республик Болгария и Польша, («Кто...»), УК Дании («Любое лицо, которое...»). Для УК ряда стран (например, Японии, Франции, США) характерен этот же подход, но унификации способа языкового выражения данной формулы не наблюдается (скажем, в УК Японии диспозиции открываются словами «Тот, кто...», «Лицо», «Если лицо» и др.).

³⁴² Тенчов Э.С. Язык уголовного закона // Проблемы юридической техники. С. 584.

отдельных предметов, причем в один отдел включаются предметы, требующие раздельного рассмотрения; б) вследствие помещения на значительном расстоянии друг от друга положений, которые для ясности и точности понимания должны были бы стоять рядом друг с другом или по близости, или обратно – помещение рядом положений, чуждых друг другу; в) вследствие помещения одной статьи ранее, чем другая, которая для ясности должна была бы предшествовать первой»³⁴³.

Важность правильного размещения нормативных предписаний подчеркивает и Р. Кабрияк: «Место какого-либо правового текста в структуре кодекса имеет весьма важные правовые последствия, в частности, с точки зрения сферы применения содержащихся в этом тексте норм»³⁴⁴.

Используя методику, указанную в заголовке настоящего параграфа, законодатель в первую очередь решает, в каком нормативном акте расположить уголовно-правовые предписания. На сегодняшний день, как уже отмечалось в первой главе пособия, этот вопрос урегулирован на законодательном уровне: уголовное законодательство РФ состоит из УК; новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в УК (ч. 1 ст. 1 УК РФ). Следовательно, все уголовно-правовые предписания необходимо излагать в УК РФ³⁴⁵. К сожалению, отечественные законотворческие органы с завидным постоянством нарушают указанное правило (в первой главе уже говорилось о том, что в УИК РФ, УПК РФ и иных актах необоснованно размещены некоторые фрагменты уголовного права).

После выбора нормативного акта, законодатель решает, какой уголовно-правовой материал вынести в Общую часть, а какой расположить в Особенной части. На сегодняшний день Общая часть УК в этом плане имеет немало резервов для совершенствования. Так, сегодня в Общей части УК регламентированы

³⁴³ Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса. Пг., 1917. С. 4.

³⁴⁴ Кабрияк Р. Кодификации. С. 305.

³⁴⁵ О допустимых исключениях из данного правила (постановлениях об амнистии и решениях Конституционного Суда РФ) подробно говорилось в главе первой настоящего пособия.

факты уклонения от отбывания наказания, которые влекут его замену на более суровую меру. Такая замена предусмотрена при уклонении от уплаты штрафа (ч. 5 ст. 46 УК), от отбывания обязательных работ (ч. 3 ст. 49 УК), исправительных работ (ч. 4 ст. 50 УК) и ограничения свободы (ч. 4 ст. 53 УК). Характерно, что уклонение от отбывания ряда других наказаний обрисовано в Особенной части УК, т.е. образует состав преступления (по ст. 313 наказуемо уклонение от отбывания ареста, по ст. 313 и 314 УК – от срочного и пожизненного лишения свободы и т.д.).

Насколько теоретически и практически обоснован сам факт существования предписаний об уклонении в Общей части? Полагаем, что их наличие в законе – анахронизм в праве, крайне нежелательный и даже вредный. Со времен Чезаре Беккариа в качестве нерушимого правила признано, что наказание есть следствие совершения преступления³⁴⁶. Не должно быть наказания без преступления. В случае замены наказания при уклонении от него заменяющее наказание является новым для «уклониста». Следовательно, его применение может быть следствием совершения только нового преступления. Рассматриваемое же уклонение в УК преступлением не признается. *Уклонение является фактическим составом, влекущим применение нового наказания, но не имеющим статуса преступления.* В данном случае, как справедливо выразился В.П. Коняхин, имеет место «латентная криминализация»³⁴⁷. Вместе с тем ясно, что криминализация таковой быть не должна и отнюдь не в Общей части следует регламентировать деяния, совершение которых уголовно наказуемо. Факты уклонения должны быть обрисованы в Особенной части УК РФ, для чего следует сконструировать самостоятельные составы преступления и поместить их в главу о преступлениях против правосудия.

Специалисты высказывают и ряд других серьезных аргументов в пользу отстаиваемой нами позиции. Так, Л.Л. Кругликов справедливо указывает на то, что замена на основании Общей части УК не допустима в силу ст. 49 Конституции РФ, поскольку

³⁴⁶ См.: Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях; пер. М.М. Исаева. М., 1939. С. 204.

³⁴⁷ См.: Коняхин В.П. Теоретические основы построения общей части российского уголовного права. СПб., 2002. С. 109.

наказание должно применяться по приговору суда, а механическая замена одного наказания другим не позволяет индивидуализировать последнее с учетом характера уклонения и личности уклонившегося³⁴⁸. Кроме того, по мнению Л.Л. Кругликова, при установлении лицу наказания в таком упрощенном порядке серьезно страдают его права: «... предварительное расследование по факту уклонения от наказания в установленном уголовно-процессуальном порядке не проводится, защита не осуществляется, судебное следствие со всеми его атрибутами отсутствует»³⁴⁹. Этот аргумент в полной мере подтверждает практика.

При этом существенно страдает и сторона «обвинения» (лишенная этого статуса). Сегодня судебные приставы-исполнители (исполняющие наказание в виде штрафа) и уголовно-исполнительные инспекции (контролирующие отбывание обоих видов работ) сталкиваются со значительными трудностями по доказыванию фактов уклонения. Полномочиями органов предварительного расследования они, разумеется, не наделены, следственные действия проводить не могут, применять меры процессуального принуждения также и т.д. Нормы о задержании лиц, злобно уклонившихся от данных наказаний, предусмотренные ч. 2 ст. 30, ч. 4 ст. 32 и ч. 4 ст. 46 УИК РФ, носят декларативный характер (они фактически лишены механизма исполнения: не разработаны бланки документов для оформления задержания, у приставов и инспекций нет мест содержания для таких задержанных и т.д.). Эта процессуальная неурядица устранима опять-таки лишь путем трансформации уклонений от отбывания упомянутых наказаний в составы преступлений с определением подследственности по этим составам в ст. 151 УПК РФ.

Поэтому нормы о замене наказаний на основании Общей части должны быть преобразованы в составы преступлений и размещены в Особенной части УК РФ. Кстати, предлагаемый шаг позволит зафиксировать в тексте самого уголовного закона при-

³⁴⁸ См.: Кругликов Л.Л. Проблемы замены наказания более строгим не по приговору суда с позиции международно-правовых стандартов // Российская правовая система и международное право: современные проблемы взаимодействия. Н. Новгород, 1996. С. 160.

³⁴⁹ Там же.

знаки уголовно наказуемого уклонения. Сегодня замена наказаний предусмотрена УК, а основания замены конкретизированы в УИК (ст. 30, 32, 46, 58). Вместе с тем эта конкретизация относится к компетенции уголовного права, а потому и выражена должна быть в уголовном законе.

В пользу развиваемого взгляда свидетельствует и опыт ряда зарубежных стран (например, Республики Беларусь, Украины, Испании), в законодательстве которых ответственность за уклонение от отбывания соответствующих наказаний сосредоточена, как это и должно быть, в Особенной части УК.

В предыдущем параграфе уже отмечалось, что система Особенной части должна строиться по линейной системе путем объединения в отдельные главы деяний с родовым объектом. К сожалению, это правило соблюдается не всегда. Так, в главе 17 УК обрисованы преступления, основным объектом которых является свобода, честь и достоинство человека. К ним отнесены 7 деликтов: похищение человека (ст. 126), незаконное лишение свободы (ст. 127), незаконное помещение лица в психиатрический стационар (ст. 128), торговля людьми (ст. 128¹), использование рабского труда (ст. 128²), клевета (ст. 129) и оскорбление (ст. 130). По понятным причинам не вызывает проблем группировка данных деяний в науке: 1) посягающие на свободу человека и 2) посягающие на честь и достоинство человека³⁵⁰. Однако эта подкупающая простота волей-неволей наводит на мысль о *разнородности* объектов этих двух групп преступлений – свободы и чести, достоинства. Свобода человека как объект уголовно-правовой охраны не более тесно связана с честью и достоинством человека, нежели последние с частной жизнью лица.

Это следует и из Конституции РФ, ст. 22 которой закрепляет право каждого на свободу и личную неприкосновенность, а ст. 23 – право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Вместе с тем последние объекты, за исключением чести и достоинства, охраняются гл. 19 УК.

³⁵⁰ См., напр.: Курс уголовного права. Т. 3. Особенная часть / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М., 2002. С. 218.

Впрочем, такой подход законодателя при разработке УК 1996 г. объясним: в первоначальной редакции Кодекса анализируемые группы преступлений насчитывали соответственно 3 и 2 единицы. Отсюда каждая из них не дотягивала до уровня главы УК (как, видимо, посчитал законодатель). Однако после введения в УК 128¹ и 128² «количественный ценз» для выделения преступлений против свободы в отдельную главу соблюден (в главе 18 УК, к примеру, также описаны пять деяний). Поэтому представляется разумным выделение в УК РФ самостоятельной главы о преступлениях против свободы человека. Составы же преступлений против чести и достоинства возможно переместить в гл. 19 УК, которую, на наш взгляд, в перспективе также следует разукрупнить (но эта тема требует отдельного рассмотрения).

В рамках глав группировка статей должна основываться на классификации преступлений в зависимости от группового объекта. Здесь также учитываются значимость видового объекта и сложившиеся традиции. Например, главу о преступлениях против жизни и здоровья традиционно открывает статья об убийстве (самом опасном преступлении в главе), главу о преступлениях против собственности – предписание о краже (не самом опасном деликте, поскольку есть разбой, вымогательство и т.д.). Затем очередность изложения определяется в рамках статей: в отечественных уголовных законах принято излагать сначала диспозицию, а после – санкцию. Некоторую последовательность может иметь описание квалифицирующих признаков (например, в ч. 2 ст. 105 УК усматривается попытка законодателя расположить усиливающие наказание за убийство признаки в соответствии со сторонами состава преступления). Привилегированные составы преступлений размещаются в уголовном законе после квалифицированных, но в самостоятельной статье.

Трудно согласиться с предложением М.И. Ковалева о размещении в одной статье УК только одной уголовно-правовой нормы³⁵¹. Если бы законодатель последовал этому совету, Кодекс вряд ли вместился бы в один том. Значение законодательной техники в том и состоит, чтобы компактно выразить уголовно-

³⁵¹ Ковалев М.И. Советское уголовное право. Советский уголовный закон. Вып. 2. Свердловск, 1974. С. 203.

правовые нормы, сделать внешнюю форму уголовного права как можно проще. Для этого общие их положения переносятся в Общую часть (о субъекте преступления и вине, неоконченной преступной деятельности, видах и содержании наказаний и др.), т.е. выносятся «за скобки»³⁵². В Общую часть помещаются и отдельные нормы, но имеющие универсальное значение (например, об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, освобождении от уголовной ответственности). Поэтому более верной представляется позиция Т.В. Кленовой по данному вопросу: «По правилам законодательной техники уголовно-правовая норма не может быть определена в одной статье Уголовного кодекса»³⁵³.

Отсюда представляется довольно условным распространенное выделение норм Общей и Особенной части³⁵⁴. «По общему правилу, – обоснованно отмечал Н.Д. Дурманов, – норма уголовного права предполагает сочетание конкретного юридического положения Особенной части и множества нормативных положений Общей части»³⁵⁵.

Однако предложение М.И. Ковалева содержит рациональное зерно, позволяющее сформулировать следующее техническое правило: *в одной статье Особенной части УК законодатель должен, как правило, обрисовывать один вид преступления (включая его разновидности)*³⁵⁶.

Исключения могут, на наш взгляд, делаться для привилегированных разновидностей вида преступления (ст. 106 – 108 УК, 113, 114 УК), а также в исключительных случаях – для родствен-

³⁵² «Признаки составов, общие для всех преступлений, вынесены законодателем в Общую часть УК, ибо именно в этом состоит ее назначение», – писала Н.Ф. Кузнецова (Кузнецова Н.Ф. Преступление, состав преступления, диспозиция уголовно-правовой нормы // Вестн. Моск. ун-та. Серия 11, Право. 1967. № 4. С. 44).

³⁵³ Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. С. 141.

³⁵⁴ См., напр.: Поройко М.С. Обязывающие и управомочивающие нормы в уголовном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2000. С. 19.

³⁵⁵ Дурманов Н.Д. Указ. соч. С. 110.

³⁵⁶ «В идеале одна статья призвана выражать одну идею» (Кабрияк Р. Кодификации. С. 369).

ных составов преступлений. Пример такого допустимого исключения – ч. 3 ст. 327 УК (потому что ч. 1 охватывает в плане квалификации ч. 3 этой статьи). Сформулированное правило не всегда соблюдается. Так, очевидно, должны быть размещены в самостоятельной статье уголовного закона ч. 3 и 4 ст. 204, ч. 4 ст. 222, ч. 4 ст. 234 УК. В главе 22 УК, как справедливо отмечается в литературе, части ряда статей (176, 180, 183, 184, 195) также используются не по основному своему назначению, поскольку описывают самостоятельные виды преступлений³⁵⁷. «В итоге нарушается архитектура, которая должна быть и обычно присуща статье Особенной части Уголовного кодекса»³⁵⁸.

Не всегда удачно расположен уголовно-правовой материал в примечаниях к статьям УК, о чем уже говорилось выше. В примечаниях целесообразно «дислоцировать» специальные виды освобождения от уголовной ответственности, поскольку они выступают изъятием из основных положений статьи. Другой вариант – размещение указанного исключения в статьях или частях статьи – встречается в некоторых зарубежных Кодексах (ч. 1 ст. 312 УК Республики Молдова, ст. 306 УК Республики Болгария и др.). Но он с очевидностью уступает первому в законодательно-техническом плане (искажает композицию Кодекса, игнорирует законотворческую традицию и т.д.).

Значительное число примечаний содержит дефиниции «универсального действия». Есть примечания, распространяющие свое действие на весь уголовный закон (например, в примечании 1 к ст. 158 определено понятие хищения, а в примечаниях 2 и 3 к ст. 285 УК – понятие лица, занимающего государственные должности РФ и ее субъектов), и примечания, распространяющиеся на главу УК (понятие должностного лица в примечании 1 к ст. 285 УК и т.д.). Но насколько удачно помещение таких дефиниций в

³⁵⁷ См.: Кругликов Л.Л., Дулатбеков Н.О. Экономические преступления (вопросы дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания): Учеб. пособие. Ярославль, 2001. С. 53 (автор главы – Л.Л. Кругликов). Добавим, что необоснованное помещение в одну статью разных видов преступлений встречается и в зарубежном законодательстве (см., напр. ст. 194, 199, 201, 208, 215, 220, 227 УК Республики Казахстан).

³⁵⁸ Там же.

примечания? Почему, например, значение термина «хищение», употребляемого во всем Кодексе, затерялось в рядовой статье Особенной части УК? Материал можно было бы расположить, на наш взгляд, рациональнее, восприми законодатель идею включения в УК специальных статей о разъяснении некоторых понятий и терминов³⁵⁹.

Такие статьи в зависимости от сферы действия определяемого понятия разумно было бы разместить в Общей части УК, а также в статьях, открывающих раздел или главу УК. Например, представляется логичным в статью главы 21, предваряющую описание имущественных преступлений, поместить определения, ныне расположенные в примечаниях 2 и 3 к ст. 158 УК (дефиниции значительного ущерба, помещения и хранилища). А в соответствующую статью Общей части – перенести дефиниции, например, из примечания к ст. 139 (понятие жилища) и примечания 1 к ст. 158 УК (понятие хищения).

Специфические элементы преступлений располагаются в Особенной части Кодекса, *как правило*, в диспозиции статьи (диспозиции ее части, пункта). Таким образом, в диспозиции статьи Особенной части УК размещается ядро гипотезы уголовно-правовой нормы, которая содержит состав преступления. В итоге можно сформулировать общее правило: *законодатель должен стремиться описывать состав преступления, за исключением его общих элементов, в диспозиции статьи Особенной части УК.*

К сожалению, в действующем УК можно найти неоправданные отступления от этого правила. Например, субъект преступлений, предусмотренных ст. 308 (отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний) и ст. 316 УК (укрывательство преступлений), частично обрисован опять-таки в примечаниях к данным статьям.

³⁵⁹ О целесообразности таких статей в нормативном акте см., напр.: Пиголкин А.С. Подготовка проектов нормативных актов (организация и методика). М., 1968. С. 158; Коржанский Н.И. Очерки теории уголовного права. Волгоград, 1992. С. 35. Подобные статьи имеются в уголовных законах многих зарубежных стран (см., напр.: ст. 4 УК Республики Беларусь, § 11 и § 184с УК ФРГ, ст. 78 – 90 УК Голландии, ст. 25, 26 УК Испании; ст. 3 гл. 21 УК Швеции) и во многих российских нормативных актах иной отраслевой принадлежности (УПК РФ и т.д.)

Согласно примечанию к ст. 308 УК, лицо не подлежит уголовной ответственности за отказ от дачи показаний против себя самого, своего супруга или своих близких родственников. Примечание к ст. 316 также исключает ответственность лица, если оно укрыло преступление, совершенное его супругом или близким родственником.

Думается, что законодатель мог в данной ситуации обойтись без использования такой структурной единицы, как примечание, имеющей больше недостатков, нежели достоинств, тем более что положения, содержащиеся в примечаниях к ст. 308 и 316 УК, могут быть ошибочно расценены в качестве специальных видов освобождения от уголовной ответственности. Содержание этих примечаний целесообразнее, на наш взгляд, выразить в тексте диспозиций статей. Редакция ст. 308 могла бы выглядеть следующим образом: «Отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний, за исключением случаев отказа от показаний против себя самого, своего супруга или близких родственников». Аналогичным образом возможно трансформировать и диспозицию ст. 316 УК.

Контрольные вопросы

1. Назовите методики, образующие внешнюю законодательную технику в уголовном правотворчестве.
2. Охарактеризуйте методику языкового оформления уголовно-правовых предписаний.
3. Каковы основные языковые средства, используемые в тексте УК РФ?
4. Какие правила должен соблюдать законодатель при образовании нормативного предложения?
5. Каковы правила использования юридических фразеологизмов, слов и аббревиатур при технике построения уголовного законодательства?
6. Что понимается под термином в уголовном праве?
7. Что такое синонимия и полисемия терминологии, допустимы ли данные явления и встречаются ли они в УК РФ?
8. Выскажите Ваше отношение к использованию иностранной лексики в УК РФ.

9. В чем разница между абстрактным и казуистическим приемами, всегда ли удачно они применены в УК РФ?

10. Охарактеризуйте формальный и оценочный приемы; можно ли избавиться от оценочной лексики при формулировании уголовно-правовых предписаний?

11. Необходимость соблюдения каких технических правил подчеркнул Конституционный Суд РФ в постановлении № 8-П 1 от 27 мая 2008 г. (о ст. 188 УК РФ)?

12. В чем двусмысленность формулировки «освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления», многократно использованной в тексте примечаний к статьям УК РФ?

13. Какое общее правило законодательной техники относительно описания вины в статьях Особенной части УК РФ можно сформулировать, опираясь на современную редакцию ч. 2 ст. 24 УК?

14. Какие критерии лежат в основе выделения глав в Общей и Особенной частях УК РФ?

15. В чем недостатки примечаний и насколько оптимально они использованы в УК РФ?

16. Насколько законодательно-технически обоснован факт размещения в Общей части УК предписаний об уклонении от наказаний в виде штрафа, обязательных и исправительных работ, а также ограничения свободы?

17. Насколько удачно размещен уголовно-правовой материал в главе 17 УК РФ?

18. Почему нельзя согласиться с предложением о размещении в одной статье УК только одной уголовно-правовой нормы?

19. Может ли законодатель в одной статье Особенной части УК обрисовывать несколько видов преступлений?

20. Насколько оптимально размещение дефиниций универсального действия в примечаниях к статьям Особенной части УК (ст. 158, 285 УК и др.)?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, законодательная техника – залог разработки качественного уголовного законодательства и эффективнейшее средство его совершенствования. В обоснование и развитие данного постулата в пособии изложена авторская концепция законодательной техники в уголовном правотворчестве. Она выглядит следующим образом. *Законодательная техника в уголовном правотворчестве представляет собой систему средств, приемов и правил, используемых для оптимального выражения воли правотворца в уголовном законодательстве. Данная система включает две подсистемы – внутреннюю и внешнюю законодательную технику. Названные подсистемы в свою очередь состоят из элементарных единиц (средств, приемов и правил) и их блоков (методик). Законодательная техника объемлет инструментарий для выработки как внешней формы, так структуры и содержания права, за исключением его сущности. Сущность же уголовного права определяется законодательной волей, формируемой на основе познания и учета целой группы факторов (политических, экономических, криминологических, исторических и т.д.).*

Сообразно этому подходу, определено автором место законодательной техники в механизме правотворчества. Уголовное правотворчество с содержательной стороны включает три компонента: 1) формирование законодательной воли; 2) перевод законодательной воли в содержание и структуру уголовного права; 3) перевод законодательной воли во внешнюю форму уголовного права. Эти элементы-процессы в реальной действительности слиты воедино (образуют сплав), но путем анализа их выделение вполне возможно. Законодательная техника объемлет лишь два последних компонента.

Приведенный методологический подход спроецирован в пособии на действующий уголовный закон, что позволило обнаружить значительное число дефектов современного уголовно-правового регулирования и высказать предложения по их устранению (*de lege ferenda*). Впрочем, перефразируя известное выра-

жение, мы имеем такое уголовное законодательство, которое заслуживаем³⁶⁰. Все недостатки и просчеты УК РФ есть не что иное, как зеркало современного уровня научной разработки законодательной техники в отечественной уголовно-правовой доктрине.

Поэтому на страницах настоящей работы и отстаивается необходимость более пристального внимания науки к данной проблематике. Со своей стороны автором предпринята попытка системного подхода к понятию законодательной техники в уголовном правотворчестве. Насколько обоснован подход автора и насколько последовательно ему удалось его изложить – судить читателю.

³⁶⁰ Имеется в виду выражение «Каждый народ имеет то правительство, которое заслуживает». Оно приписывается посланнику Сардинского королевства при русском дворе графу Жозефу де Местра (1753 – 1821), который, возможно, перефразировал известную фразу Шарля Луи Монтескье из его сочинения «Дух законов»: «Каждый народ достоин своей участи».

Список рекомендуемой литературы

Нормативно-правовой материал

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М., 2009.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 г. № 8-П 1 «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2008. – № 4.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 16 января 2001 г. № 1-О «По делу о проверке конституционности примечания 2 к ст. 158 УК РФ в связи с жалобой гр. Скородумова Дмитрия Анатольевича» // Российская газета. – 2001. – 3 февр. – С. 4–5.
4. Методические правила по организации законопроектной работы федеральных органов исполнительной власти (утверждены совместным Приказом Минюста РФ и Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ от 10 января 2001 г. № 3/51) // Бюллетень Министерства юстиции РФ. – 2001. – № 2.
5. Новый уголовный кодекс Франции. – М., 1993.
6. Уголовный кодекс Голландии. – СПб., 2000.
7. Уголовный кодекс Испании. – М., 1998.
8. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. – СПб., 2001.
9. Уголовный кодекс Республики Беларусь. – Минск, 1999.
10. Уголовный кодекс Республики Болгария. – СПб., 2001.
11. Уголовный кодекс Республики Польша. – Минск, 1998.
12. Уголовный кодекс ФРГ. – М., 2000.
13. Уголовный кодекс Швейцарии. – СПб., 2001.
14. Уголовный кодекс Японии. – Владивосток, 2000.
15. Уголовное право США: Сборник нормативных актов. – М., 1985.

16. Уголовный кодекс РСФСР: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. С изм. и доп. по состоянию на 1 июля 1994 г. – М., 1994.

17. Модельный Уголовный кодекс государств – участников Содружества Независимых Государств // Международные правовые акты государств – участников СНГ в области борьбы с преступностью. – М., 1999.

Монографии

18. Алексеев, С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования / С.С. Алексеев. – М., 1999.

19. Алексеев, С.С. Структура советского права / С.С. Алексеев. – М., 1975.

20. Бабаев, В.К. Презумпции в советском праве / В.К. Бабаев. – Горький, 1974.

21. Байтин, М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / М.И. Байтин. – Саратов, 2001.

22. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях; Биографический очерк и перевод книги проф. М.М. Исаева / Ч. Беккариа. – М., 1939.

23. Бентам, И. Введение в основания нравственности и законодательства / И. Бентам. – М., 1998.

24. Бентам, И. Принцип законодательства: О влиянии условий и места на законодательство; пер. М.О. Гершензона. Вып. 5. / И. Бентам. – М., 1896.

25. Бентам, И. Тактика законодательных собраний; пер. с англ. / И. Бентам. – СПб., 1907.

26. Бержель, Ж.-Л. Общая теория права / Ж.-Л. Бержель; под общ. ред. В.И. Даниленко; пер. с фр. – М., 2000.

27. Бибик, О.Н. Источники уголовного права Российской Федерации / О.Н. Бибик. – СПб., 2006.

28. Благов, Е.В. Квалификация и наказание при совершении нескольких преступлений / Е.В. Благов. – Ярославль, 2006.

29. Благов, Е.В. Применение уголовного права (теория и практика) / Е.В. Благов. – СПб., 2004.

30. Власенко, Н.А. Основы законодательной техники: Практическое руководство / Н.А. Власенко. – Иркутск, 1995.
31. Власенко, Н.А. Язык права / Н.А. Власенко. – Иркутск, 1997.
32. Горшенев, В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе / В.М. Горшенев. – М., 1972.
33. Дурманов, Н.Д. Советский уголовный закон / Н.Д. Дурманов. – М., 1967.
34. Жеребкин, В.Е. Логический анализ понятий права / В.Е. Жеребкин. – Киев, 1976.
35. Законодательная техника / Под ред. Д.А. Керимова. – Л., 1965.
36. Законодательная техника: Научно-практическое пособие / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров. – М., 2000.
37. Иеринг, Р. Юридическая техника / Р. Иеринг ; пер. с нем. Ф.С. Шендорфа. – СПб., 1905.
38. Исаков, В.Б. Фактический состав в механизме уголовно-правового регулирования / В.Б. Исаков. – Саратов, 1980.
39. Кабрияк, Р. Кодификации / Р. Кабрияк ; пер. с фр. Л.В. Головки. – М., 2007.
40. Керимов, Д.А. Законодательная техника: Научно-методическое и учебное пособие / Д.А. Керимов. – М., 1998.
41. Керимов, Д.А. Кодификация и законодательная техника / Д.А. Керимов. – М., 1962.
42. Кленова, Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм / Т.В. Кленова. – Самара, 2001.
43. Кобзева, Е.В. Оценочные признаки в уголовном законе / Е.В. Кобзева ; под ред. Н.А. Лопашенко. – Саратов, 2004.
44. Ковачев, Д.А. Механизм правотворчества социалистического государства: Вопросы теории / Д.А. Ковачев. – М., 1977.
45. Козаченко, И.Я. Санкции за преступления против жизни и здоровья: обусловленность, структура, функции, виды / И.Я. Козаченко. – Томск, 1987.
46. Козлов, А.П. Понятие преступления / А.П. Козлов. – СПб., 2004.

47. Козлов, А.П. Уголовно-правовые санкции (проблемы построения, классификации и измерения) / А.П. Козлов. – Красноярск, 1989.
48. Колоколов, Г.Е. Новое уголовное уложение: Толкование и критический разбор / Г.Е. Колоколов. – М., 1904.
49. Коняхин, В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права / В.П. Коняхин ; Предисл. А.В. Наумова. СПб., 2002.
50. Коркунов, Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов. – Изд. 9-е. СПб., 1914.
51. Костарева, Т.А. Квалифицирующие обстоятельства в уголовном праве (понятие, законодательная регламентация, влияние на дифференциацию ответственности) / Т.А. Костарева. – Ярославль, 1993.
52. Кругликов, Л.Л. Смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства в уголовном праве (Вопросы теории) / Л.Л. Кругликов. – Воронеж, 1985.
53. Кругликов, Л.Л. Экономические преступления (вопросы дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания) / Л.Л. Кругликов, Н.О. Дулатбеков. – Ярославль, 2001.
54. Кругликов, Л.Л. Презумпции в уголовном праве (в сфере ответственности за экономические и иные преступления) / Л.Л. Кругликов, Ю.Г. Зуев. – Ярославль, 2000.
55. Кругликов, Л.Л. Унификация в уголовном праве / Л.Л. Кругликов, Л.Ю. Смирнова. – СПб., 2008.
56. Кругликов, Л.Л. Преступления в сфере экономической деятельности и налогообложения (вопросы конструирования составов и дифференциации ответственности) / Л.Л. Кругликов, О.Г. Соловьев. – Ярославль, 2003.
57. Кругликов, Л.Л. Юридические конструкции и символы в уголовном праве / Л.Л. Кругликов, О.Е. Спиридонова. – СПб., 2005.
58. Кудрявцев, В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и дополн. / В.Н. Кудрявцев. – М., 2001.
59. Лесниевски-Костарева, Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: Теория и законодательная практика / Т.А. Лесниевски-Костарева. – М., 1998.

60. Лопашенко, Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика / Н.А. Лопашенко. – СПб., 2004.

61. Лопашенко, Н.А. Принципы кодификации уголовно-правовых норм / Н.А. Лопашенко ; под ред. С.Н. Шостака. – Саратов, 1989.

62. Люблинский, П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса / Люблинский П.И. ; под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. – М., 2004.

63. Мотовиловкер, Е.Я. Теория регулятивного и охранительного права / Е.Я. Мотовиловкер. – Воронеж, 1990.

64. Нашиц, А. Правотворчество: Теория и законодательная техника / А. Нашиц. – М., 1974.

65. Незнамова, З.А. Коллизии в уголовном праве / З.А. Незнамова. – Екатеринбург, 1994.

66. Панько, К.К. Методология и теория законодательной техники уголовного права России / К.К. Панько. – Воронеж, 2004.

67. Пиголкин, А.С. Подготовка проектов нормативных актов (организация и методика) / А.С. Пиголкин. – М., 1966.

68. Прохоров, В.С. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность / В.С. Прохоров, Н.М. Кропачев, А.Н. Тарбагаев. – Красноярск, 1989.

69. Савицкий, В.М. Язык процессуального закона (вопросы терминологии) / В.М. Савицкий. – М., 1987.

70. Семёнов, И.А. Законодательная техника в уголовном правотворчестве / И.А. Семёнов. – Тюмень, 1998.

71. Соловьев, О.Г. Уголовно-правовые средства охраны бюджетных отношений: проблемы юридической техники / О.Г. Соловьев. – Ярославль, 2008.

72. Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / Под ред. С.Н. Братуся и С.И. Самощенко. – М., 1962.

73. Трайнин, А.Н. Общее учение о составе преступления / А.Н. Трайнин. – М., 1957.

74. Трайнин, А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву / А.Н. Трайнин. – М., 1951.

75. Уголовный закон: Опыт теоретического моделирования / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев, С.Г. Келина. – М., 1987.

76. Унковский, М.А. О неясности законодательства как общественном бедствии и о ближайших путях к её устранению / М.А. Унковский. – СПб., 1913.

77. Успенский, Л. Очерки по юридической технике / Л. Успенский. – Ташкент, 1927.

78. Ушаков, А.А. Очерки советской законодательной стилистики / А.А. Ушаков. – Пермь, 1967.

79. Фельдштейн, Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Г.С. Фельдштейн. – Ярославль, 1909.

80. Хамракулов, Р.М. Вопросы теории и практики кодификации уголовного законодательства союзной республики / Р.М. Хамракулов. – Душанбе, 1962.

81. Черданцев, А.Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике / Р.М. Хамракулов. – Екатеринбург, 1993.

82. Чхиквадзе, В.М. Роль советской правовой науки в совершенствовании законодательства: Вопросы кодификации / В.М. Чхиквадзе, Д.А. Керимов. – М., 1957.

83. Шаргородский, М.Д. Избранные труды / М.Д. Шаргородский ; сост. и предисл. Б.В. Волженкина. – СПб., 2004.

84. Язык закона / Под ред. А.С. Пиголкина. – М., 1990.

Сборники статей, статьи

85. Винавер, А. Законодательная техника / А. Винавер // Право и жизнь. – 1926. – Кн. 2-3. – С. 1–11.

86. Вопросы уголовной ответственности и ее дифференциации (в проекте Особенной части Уголовного кодекса РФ). – Ярославль, 1994.

87. Галкин, В.М. Проблемы уголовно-законодательной техники / В.М. Галкин // Проблемы совершенствования советского законодательства. – Тр. 18. – М., 1980. С. 170–181.

88. Гаухман, Л.Д. Проблемы УК РФ: бланкетность, декларативность, казуистичность / Л.Д. Гаухман // Уголовное право в XXI веке: Материалы Международной научной конференции на

юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова (31 мая – 1 июня 2001 г.). – М.: ЛексЭст, 2002. – С. 48–61.

89. Горшенев, В.М. Нетипичные нормативные предписания в праве / В.М. Горшенев // Советское государство и право. – 1978. – № 3. – С. 113–118.

90. Горшенев, В.М. Норма права и иные нормативные обобщения в структуре советского права / В.М. Горшенев // Проблемы эффективности правового регулирования. – Куйбышев, 1977. – С. 23–35.

91. Гродзинский, М.М. Законодательная техника и уголовный кодекс / М.М. Гродзинский // Вестник советской юстиции. – № 19 (125). – Харьков, 1928. – С. 558–563.

92. Демидов, В.В. О роли и значении постановлений Пленума Верховного Суда РФ / В.В. Демидов // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1998. – № 3. – С. 21–24.

93. Жени, Ф. Законодательная техника в современных гражданско-правовых кодификациях: пер. с фр. / Ф. Жени // Журнал Министерства юстиции. – № 8. – Октябрь. 1906. – С. 122–143.

94. Жени, Ф. Законодательная техника в современных гражданско-правовых кодификациях ; пер. с фр. (окончание) / Ф. Жени // Журнал Министерства юстиции. – № 9. – Ноябрь. – 1906. – С. 147–177.

95. Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сб. статей: в 2 т. / Под ред. В.М. Баранова. – Т. 1. – Н. Новгород, 2001.

96. Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сб. статей: в 2 т. / Под ред. В.М. Баранова. – Т. 2. – Н. Новгород, 2001.

97. Иванчин, А.В. Совершенствование Уголовного кодекса Российской Федерации на основе учения о законодательной технике (доклад на научно-практической конференции «Десять лет УК РФ») / А.В. Иванчин // Государство и право. – 2006. – № 11. – С. 113–114.

98. Ильберт К., сэръ. Техника английского законодательства ; пер. с англ. бар. А.Э. Нольде / К. Ильберт // Журнал Министерства юстиции. – 1906. – № 9. – Ноябрь. – С. 57–120.

99. Ильин, И.К. О форме и стиле правовых актов (Некоторые вопросы законодательной техники) / И.К. Ильин, Н.В. Миронов // Советское государство и право. – 1960. – № 12. – С. 65–72.

100. Ильюк, Е.В. К вопросу о приемах законодательной техники в уголовном законодательстве / Е.В. Ильюк // Вопросы совершенствования уголовно-правового регулирования. – Свердловск, 1988. – С. 29–33.

101. Категориальный аппарат уголовного права и процесса. – Ярославль, 1993.

102. Керимов, Д.А. Понятие законодательной техники / Д.А. Керимов // Вопросы кодификации советского права. – Л., 1958. – Вып. 2. – С. 5–34.

103. Ковалев, М.И. О технике уголовного законодательства / М.И. Ковалев // Правоведение. – 1962. – № 3. – С. 142–146.

104. Ковалев, М.И. Оптимальное соотношение формального и оценочного в уголовном законе / М.И. Ковалев // Советское государство и право. – 1973. – № 11. – С. 69–70.

105. Ковачев, Д.А. О понятии законодательной техники / Д.А. Ковачев // Учен. зап. ВНИИСЗ. – Вып. 18. – М., 1969. – С. 31–39.

106. Коняхин, В.П. Источники уголовно-правовых норм Общей части / В.П. Коняхин // Правоведение. – 1988. – № 1. – С. 39–43.

107. Кругликов, Л.Л. Классификация уголовно-правовых санкций / Л.Л. Кругликов // Советское государство и право. – 1983. – № 5. – С. 63–67.

108. Кругликов, Л.Л. О видах и типах санкций в уголовном законодательстве / Л.Л. Кругликов // Юридические записки ЯрГУ им П.Г. Демидова. – Ярославль, 1997. – Вып. 1. – С. 174–183.

109. Кругликов, Л.Л. О конструировании квалифицированных составов преступлений / Л.Л. Кругликов // Правоведение. – 1989. – № 2. – С. 43–49.

110. Кругликов, Л.Л. О некоторых элементах несогласованности Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов / Л.Л. Кругликов // Проблемы теории наказания и его исполнения в новом Уголовном и Уголовно-исполнительном кодексах: Материалы научно-практической конференции. – М., 1997. – С. 47–65.

111. Кругликов, Л.Л. О системе уголовного законодательства и Особенной части УК РФ/ Л.Л. Кругликов // Юридические записки ЯрГУ им. П.Г. Демидова. – Ярославль, 1999. – Вып. 3. – С. 171–186.

112. Кругликов, Л.Л. Проблемы теории уголовного права: Избранные статьи. 1982 – 1999 гг. / Л.Л. Кругликов. – Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 1999. – 200 с.

113. Кузнецова, Н.Ф. Главные тенденции развития российского уголовного законодательства / Н.Ф. Кузнецова // Уголовное право в XXI веке: Материалы Международной научной конференции на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова (31 мая – 1 июня 2001 г.). – М.: ЛексЭст, 2002. – С. 7–12.

114. Кузнецова, Н.Ф. Классификация преступлений в Общей части Уголовного Кодекса / Н.Ф. Кузнецова // Дифференциация формы и содержания в уголовном судопроизводстве (материальный и процессуальный аспекты). – Ярославль, 1995. – С. 12–25.

115. Кузнецова, Н.Ф. Преступление, состав преступления, диспозиция уголовно-правовой нормы / Н.Ф. Кузнецова // Вестн. Моск. ун-та. – Серия 11, Право. – 1967. – № 4. – С. 35–48.

116. Кузнецова, Н.Ф. Состав преступления: спорные вопросы / Н.Ф. Кузнецова // Вестн. Моск. ун-та. – Серия 11, Право. – 1987. – № 4. – С. 15–29.

117. Курылев, С.В. О структуре юридической нормы / С.В. Курылев // Труды Иркутск. гос. ун-та. – Т. XXVII, вып. 4. – 1958. – С. 45–58.

118. Миренский, Б.А. Законодательная техника и проблемы уголовного права / Б.А. Миренский // Советское государство и право. – 1986. – № 12. – С. 106–109.

119. Мотовиловкер, Е.Я. Норма, отношение и ответственность в уголовном праве / Е.Я. Мотовиловкер // Уголовная ответственность: проблемы содержания, установления, реализации: Межвуз. сб. науч. труд. – Воронеж, 1989. – С. 34–46.

120. Наумов, А.В. Форма уголовного закона и ее социальная обусловленность / А.В. Наумов // Проблемы совершенствования уголовного закона. – М.: ИГПАН, 1984. – С. 12–23.

121. Перетерский, И.С. Примечания в законе / И.С. Перетерский // Советское право. – 1928. – № 2. – С. 70–71.

122. Проблемы юридической техники: Сб. статей / Под ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород, 2000.

123. Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты: Материалы III Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 29 – 30 мая 2008 г. – М., 2008.

124. Семенов, И.А. О понятии законодательной техники в советском уголовном праве / И.А. Семенов // Проблемы совершенствования законодательства по укреплению правопорядка и усиление борьбы с правонарушениями. – Свердловск, 1982. – С. 140–145.

125. Системность в уголовном праве: Материалы II Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая – 1 июня 2007 г. – М., 2007.

126. Соловьев, О.Г. О приемах законодательной техники, используемых при описании объективной стороны налоговых преступлений / О.Г. Соловьев // Налоговые и иные экономические преступления: Сб. науч. статей. Вып. 5 / Под ред. Л.Л. Кругликова. – Ярославль, 2002. – С. 62–73.

127. Спенсер, Г. Грехи законодателей / Г. Спенсер // Социологические исследования. – 1992. – № 2. – С. 129–136.

128. Талан, Ю.М. Юридические конструкции в советском законодательстве / Ю.М. Талан // Развитие социальной деятельности советского государства и права. – Свердловск, 1980. – С. 18–20.

129. Тенчов, Э.С. Институты уголовного права: система и взаимосвязь / Э.С. Тенчов // Советское государство и право. – 1986. – № 8. – С. 60–66.

130. Томашевский, Н.П. О структуре правовой нормы и классификации ее элементов / Н.П. Томашевский // Вопросы общей теории советского права. – М., 1960. – С. 45–58.

131. Ушаков, А.А. Методологические основы и законодательный метод в советском правотворчестве / А.А. Ушаков // Учен. зап. ПГУ им. А.М. Горького (юрид. науки). – Пермь, 1966. – С. 110–186.

132. Ушаков, А.А. О понятии юридической техники и ее основных проблемах / А.А. Ушаков // Учен. зап. ПГУ. – Т. XIX, вып. 5 (юрид. науки). – Пермь, 1961. – С. 73–85.

133. Фролов, Е.А. Стабильность закона и соотношение формально определенных и оценочных понятий в уголовном праве / Е.А. Фролов // Проблемы советского уголовного права и криминологии. – Свердловск, 1973. – Вып. 28. – С. 35–43.

134. Черданцев, А.Ф. Юридические конструкции, их роль в науке и практике / А.Ф. Черданцев // Правоведение. – 1972. – № 3. – С. 12–19.

135. Шаргородский, М.Д. Техника и терминология уголовного закона / М.Д. Шаргородский // Советское государство и право. – 1948. – № 1. – С. 58–65.

136. Юридическая техника. Ежегодник / Гл. ред. В.М. Баранов. – Н. Новгород, 2007. – № 1.

137. Юридическая техника. Ежегодник / Гл. ред. В.М. Баранов. – Н. Новгород, 2008. – № 2.

Сборники статей кафедры уголовного права и процесса ЯрГУ³⁶¹

138. Проблемы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве: Сб. науч. статей / Под ред. Л.Л. Кругликова. – Ярославль, 1996.

139. Вопросы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве: Сб. науч. статей / Под ред. Л.Л. Кругликова. – Ярославль, 1997.

140. Юридическая техника и вопросы дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе: Сб. науч. статей / Под ред. Л.Л. Кругликова. – Ярославль, 1998.

³⁶¹ Обособление данной группы источников продиктовано тем обстоятельством, что проблемы юридической техники, и прежде всего законодательного ее вида (в их преломлении к отраслям криминального цикла), уже более десяти лет являются бюджетной темой научно-исследовательской работы кафедры уголовного права и процесса ЯрГУ, возглавляемой проф. Л.Л. Кругликовым. Научная школа «Юридическая техника и дифференциация ответственности в отраслях криминального цикла» под руководством Л.Л. Кругликова признана одной из ведущих научных школ в своей сфере. Перечень данных сборников приведен в хронологическом порядке.

141. Юридическая техника и проблемы дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе: Сб. науч. статей / Под ред. Л.Л. Кругликова. – Ярославль, 1999.

142. Нормотворческая и правоприменительная техника в уголовном и уголовно-процессуальном праве: Сб. науч. статей / Под ред. Л.Л. Кругликова. – Ярославль, 2000.

143. Дифференциация ответственности и вопросы юридической техники в уголовном праве и процессе: Сб. науч. статей / Под ред. Л.Л. Кругликова. – Ярославль, 2001.

144. Дифференциация ответственности и проблемы юридической техники в уголовном праве и процессе: Сб. науч. статей / Под ред. Л.Л. Кругликова. – Ярославль, 2002.

145. Актуальные проблемы дифференциации ответственности и законодательная техника в уголовном праве и процессе: Сб. науч. статей / Под ред. Л.Л. Кругликова. – Ярославль, 2003.

146. Актуальные вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники в уголовном праве и процессе: Сб. науч. статей / Под ред. Л.Л. Кругликова. – Ярославль, 2004.

147. Законодательная техника и дифференциация ответственности в современном уголовном праве и процессе России: Сб. науч. статей / Под ред. Л.Л. Кругликова. – Ярославль, 2005.

148. Проблемы совершенствования юридической техники и дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе: Сб. науч. статей / Под ред. Л.Л. Кругликова. – Вып. 1. – Ярославль, 2006.

149. Проблемы совершенствования юридической техники и дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе: Сб. науч. статей / Под ред. Л.Л. Кругликова. – Вып. 2. – Ярославль, 2007.

150. Проблемы совершенствования юридической техники и дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе: Сб. науч. статей / Под ред. Л.Л. Кругликова. – Вып. 3. – Ярославль, 2008.

151. Совершенствование уголовно-правовых средств борьбы с бюджетными и иными экономическими преступлениями в изменяющейся России (проблемы дифференциации ответственности

сти и законодательной техники): Сб. науч. статей / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. – Ярославль, 2008.

152. Проблемы совершенствования юридической техники и дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе: Сб. науч. статей / Под ред. Л.Л. Кругликова. – Вып. 4. – Ярославль, 2009.

Диссертации и авторефераты диссертаций

153. Бахвалов, С.В. Законодательная технология (некоторые проблемы теории и методологии): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.В. Бахвалов. – Н. Новгород, 2006.

154. Благов, Е.В. Теория применения уголовного права: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Е.В. Благов. – СПб., 2005.

155. Бойко, Л.М. Законодательная техника (теория и практика): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л.М. Бойко. – Ташкент, 1984. – 25 с.

156. Бражник, С.Д. Преступления в сфере компьютерной информации: проблемы законодательной техники: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.Д. Бражник. – Ижевск, 2002.

157. Волков, К.А. Судебный прецедент и его роль в регулировании уголовно-правовых отношений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / К.А. Волков. – Иркутск, 2002.

158. Гонтарь, И.Я. Преступление и состав преступления как явления и понятия в уголовном праве (логико-методологические аспекты): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.Я. Гонтарь. – Владивосток, 1997.

159. Дмитриевцев, К.Н. Процесс правотворчества в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / К.Н. Дмитриевцев. – Н. Новгород, 1994.

160. Дуюнов, В.К. Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В.К. Дуюнов. – М., 2001.

161. Иванчин, А.В. Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства: Дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Иванчин. – Ярославль, 2002.

162. Ильюк, Е.В. Законодательная техника построения диспозиции статьи уголовного закона: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.В. Ильюк. – Свердловск, 1989.

163. Каплин, М.Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья: Дис. ... канд. юрид. наук / М.Н. Каплин. – Ярославль, 2002.

164. Кленова, Т.В. Уголовно-правовая норма (понятие, структура, виды): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Т.В. Кленова. – М., 1986.

165. Кобзева, Е.В. Оценочные признаки в уголовном законе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.В. Кобзева. – Саратов, 2002.

166. Козлов, А.П. Механизм построения уголовно-правовых санкций: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А.П. Козлов. – М., 1991.

167. Кондаков, Д.С. Примечания в российском законодательстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д.С. Кондаков. – Н. Новгород, 2002.

168. Коняхин, В.П. Нормы Общей части УК РСФСР: содержание, виды, функции: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.П. Коняхин. – М., 1985.

169. Коняхин, В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права: Дис. ... д-ра юрид. наук / В.П. Коняхин. – Краснодар, 2002.

170. Корягина, О.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика вымогательства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.В. Корягина. – М., 1998.

171. Кругликов, Л.Л. Способ совершения преступления (вопросы теории): Автореф. ... канд. юрид. наук / Л.Л. Кругликов. – Свердловск, 1971.

172. Лобанова, Л.В. Юридическая природа и процессуальные вопросы освобождения от уголовной ответственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л.В. Лобанова. Казань, 1986. 17 с.

173. Панько, К.К. Фикции в уголовном праве (в сфере законотворчества и правоприменении): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 1998.

174. Петрова, Г.О. Норма и правоотношение – средства уголовно-правового регулирования (теоретический аспект): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Г.О. Петрова. – Н. Новгород, 1999.

175. Пикуров, Н.И. Теоретические проблемы межотраслевых связей уголовного права: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Волгоград, 1998.

176. Питецкий, В.В. Оценочные понятия в советском уголовном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Питецкий. – Свердловск, 1979.

177. Поройко, М.С. Обязывающие и управомочивающие нормы в уголовном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.С. Поройко. – Казань, 2000.

178. Пухтий, Е.Е. (после замужества – Язева Е.Е.). Преступления против семьи и несовершеннолетних: вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.Е. Пухтий. – Казань, 2004.

179. Ремизов, М.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против интересов публичной службы (гл. 30 УК РФ): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.В. Ремизов. – Казань, 2004.

180. Румянцева, Е.В. Техника конструирования и применения диспозиций статей о налоговых преступлениях (ст. 198 – 199² УК РФ): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.В. Румянцева. – Казань, 2007.

181. Сверчков, В.В. Основания освобождения от уголовной ответственности и (или) наказания (система, законодательная регламентация, эффективность применения): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Сверчков. – Н. Новгород, 1997.

182. Семенов, И.А. Законодательная техника советского уголовного права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.А. Семенов. – Свердловск, 1983.

183. Соловьев, О.Г. Преступления в сфере налогообложения (ст. 194, 198, 199 УК РФ): проблемы юридической техники и дифференциации ответственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.Г. Соловьев. – Казань, 2002.

**Учебники, учебные пособия,
курсы и тексты лекций,
комментарии к законодательству**

184. Алексеев, С.С. Общая теория права: В 2 т. / С.С. Алексеев. – М., 1981. – Т. I.

185. Алексеев, С.С. Общая теория права: В 2 т. / С.С. Алексеев. – М., 1982. – Т. II.

186. Алексеев, С.С. Проблемы теории права: Курс лекций: в 2 т. / С.С. Алексеев. – Свердловск, 1973. – Т. 2.

187. Благов, Е.В. Актуальные проблемы уголовного права (Общая часть): учеб. пособие / Е.В. Благов. – Ярославль, 2008.

188. Благов, Е.В. Основы применения уголовного права: Учебное пособие / Е.В. Благов. – Ярославль, 1992. – 75 с.

189. Благов, Е.В. Учебно-практический комментарий Уголовного Кодекса Российской Федерации (Общая часть) / Е.В. Благов. – Ярославль, 1997. – 182 с.

190. Карташов, В.Н. Введение в общую теорию правовой системы общества. Ч. 2. Правотворческая практика, система и структура права: Текст лекций / В.Н. Карташов. – Ярославль, 1996.

191. Карташов, В.Н. Теория правовой системы общества: учеб. пособие: В 2 т. Т. II. / В.Н. Карташов. – Ярославль, 2006.

192. Карташов, В.Н. Теория правовой системы общества: учеб. пособие: В 2 т. Т. I. / В.Н. Карташов. – Ярославль, 2005.

193. Карташов, В.Н. Правотворческая практика субъектов Российской Федерации (некоторые проблемы законодательной технологии): учеб. пособие / В.Н. Карташов, С.В. Бахвалов. – Ярославль, 2007.

194. Кашанина, Т.В. Юридическая техника: учебник / Т.В. Кашанина. М., 2007.

195. Кленова, Т.В. Кодификация и текущее уголовно-правовое регулирование: пособие к спецкурсу / Т.В. Кленова. – Самара, 1995.

196. Ковалев, М.И. Советское уголовное право: Курс лекций. Вып. 1. Введение в уголовное право / М.И. Ковалев. – Свердловск, 1971.

197. Ковалев, М.И. Советское уголовное право: Курс лекций. Вып. 2. Советский уголовный закон / М.И. Ковалев. – Свердловск, 1974.

198. Козлов, А.П. Единичные преступления: понятие, классификация, квалификация: учеб. пособие / А.П. Козлов. – Красноярск, 2007.

199. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. – М., 2005.

200. Общая теория государства и права: Академический курс: в 2 т. / под ред. проф. М.Н. Марченко. Том 2: Теория права. – М., 1998. 640 с.

201. Общая теория права: Курс лекций / Под общ. ред. В.К. Бабаева. – Н. Новгород, 1993.

202. Полный курс уголовного права: В 5 т. / Под ред. А.И. Коробеева. Т. I: Преступление и наказание. – СПб., 2008.

203. Соловьев, О.Г. Юридическая техника в механизме уголовно-правового регулирования: проблемы теории и практики: учеб. пособие / О.Г. Соловьев. – Ярославль, 2008.

204. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право: Лекции. Часть общая: В 2 т. Т. 1 / Н.С. Таганцев. – М., 1994.

205. Уголовное право России: Часть Общая: Учебник для вузов / Под ред. Л.Л. Кругликова. – М., 2005.

206. Уголовное право России: Часть Особенная: Учебник для вузов / Под ред. Л.Л. Кругликова. – М., 2004.

Оглавление

ГЛАВА I. УГОЛОВНОЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВО	6
§ 1. <i>Механизм уголовного правотворчества</i>	<i>6</i>
§ 2. <i>Акты уголовного правотворчества.....</i>	<i>19</i>
<i>Контрольные вопросы</i>	<i>38</i>
ГЛАВА II. ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА В УГОЛОВНОМ ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ: ПОНЯТИЕ, СИСТЕМА, СООТНОШЕНИЕ СО СХОДНЫМИ ПОНЯТИЯМИ.....	39
§ 1. <i>Понятие и система законодательной техники, ее место в механизме уголовного правотворчества</i>	<i>39</i>
§ 2. <i>Отграничение понятия законодательной техники от сходных понятий, взаимосвязь с интерпретационной техникой.....</i>	<i>57</i>
<i>Контрольные вопросы</i>	<i>66</i>
ГЛАВА III. АНАЛИЗ КОМПОНЕНТОВ ВНУТРЕННЕЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ В УГОЛОВНОМ ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ.....	68
§ 1. <i>Проблема определения круга компонентов внутренней законодательной техники, их общая характеристика.....</i>	<i>68</i>
§ 2. <i>Построение по типу уголовно-правовой нормы.....</i>	<i>92</i>
§ 3. <i>Уголовно-правовые конструкции: понятие и виды.....</i>	<i>103</i>
<i>Контрольные вопросы</i>	<i>122</i>

ГЛАВА IV. АНАЛИЗ КОМПОНЕНТОВ ВНЕШНЕЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ В УГОЛОВНОМ ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ.....	124
§ 1. <i>Круг компонентов внешней законодательной техники в уголовном правотворчестве.....</i>	<i>124</i>
§ 2. <i>Методика языкового оформления уголовно-правовых предписаний</i>	<i>127</i>
§ 3. <i>Методика структуризации уголовного закона</i>	<i>144</i>
§ 4. <i>Методика размещения уголовно-правового материала</i>	<i>155</i>
<i>Контрольные вопросы</i>	<i>164</i>
Заключение.....	166
Список рекомендуемой литературы.....	168
<i>Нормативно-правовой материал</i>	<i>168</i>
<i>Монографии</i>	<i>169</i>
<i>Сборники статей, статьи.....</i>	<i>173</i>
<i>Сборники статей кафедры уголовного права и процесса ЯрГУ</i>	<i>178</i>
<i>Диссертации и авторефераты диссертаций.....</i>	<i>180</i>
<i>Учебники, учебные пособия, курсы и тексты лекций, комментарии к законодательству.....</i>	<i>183</i>

Учебное издание

Иванчин Артем Владимирович

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА
В МЕХАНИЗМЕ УГОЛОВНОГО
ПРАВООТВОРЧЕСТВА**

Учебное пособие

Редактор, корректор М.В. Никулина
Компьютерная верстка И.Н. Ивановой

Подписано в печать 26.03.2009. Формат 60х84/16. Бумага тип.
Усл. печ. л. 10,93. Уч.-изд. л. 9,39. Тираж 200 экз. Заказ

Оригинал-макет подготовлен
в редакционно-издательском отделе ЯрГУ
Ярославский государственный университет
150000 Ярославль, ул. Советская, 14.

Отпечатано
ООО «Ремдер» ЛР ИД № 06151 от 26.10.2001
г. Ярославль, пр. Октября, 94, оф. 37
тел. (4852) 73-35-03, 58-03-48, факс 58-03-49

